

сумерки

ЮБИЛЕЙНОЕ
ИЗДАНИЕ

СТЕФАНИ МАЙЕР

Сумеречная сага

Стефани Майер

**Сумерки / Жизнь и
смерть: Сумерки.
Переосмысление (сборник)**

«АСТ»

2005, 2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Майер С.

Сумерки / Жизнь и смерть: Сумерки. Переосмысление
(сборник) / С. Майер — «АСТ», 2005,
2015 — (Сумеречная сага)

ISBN 978-5-17-097176-3

Уникальное «двойное» издание, в котором одна и та же история рассказывается по-разному. Первая часть – знаменитые «Сумерки» в новом переводе. А вот вторая – новый проект Стефани Майер, полная «перезагрузка» культового романа! Вы хотите узнать, что было бы, если бы Белла была юношей, а Эдвард – девушкой? Итак, в скучный городок Форкс переезжает юный Бофорт Свон, которому предстоит встретить таинственную красавицу Эдит Каллен, и эта встреча изменит его жизнь навсегда...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-097176-3

© Майер С., 2005, 2015
© АСТ, 2005, 2015

Содержание

Сумерки	6
Пролог	7
1. Первый взгляд	8
2. Открытая книга	20
3. Феномен	31
4. Приглашения	38
5. Группа крови	46
6. Страшные истории	58
7. Кошмар	67
8. Порт-Анджелес	77
9. Гипотеза	89
10. Расспросы	97
11. Осложнения	107
12. На грани	116
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Стефани Майер

Сумерки. Жизнь и смерть: Сумерки. Переосмысление (сборник)

Stephenie Meyer

TWILIGHT

Печатается с разрешения Little, Brown and Company, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Stephenie Meyer, 2005

© Перевод. У.В. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Stephenie Meyer

LIFE AND DEATH (TWILIGHT REIMAGINED)

Печатается с разрешения Little, Brown and Company, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Stephenie Meyer, 2015

© Перевод. У.В. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Сумерки

Посвящается моей старшей сестре Эмили: если бы не ее энтузиазм, эта история так и осталась бы незаконченной.

«А от древа познания добра и зла не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».

Быт. 2:17

Всем моим замечательным друзьям и читателям.

Поздравляю с десятилетием! С трудом верится, что все началось так давно. Однако мои малютки уже вымахали в верзил-подростков, поэтому от истины мне не скрыться.

Спасибо вам за десять лет приключений, превзошедших мои даже самые смелые ожидания. Я очень скучный человек, но опыт, который я приобрела благодаря сообществу читателей, убедил меня поверить в магию (чуть-чуть).

В ознаменование этой важной вехи я подготовила в качестве бонуса новый материал, чтобы мир «Сумерек» доставлял вам больше удовольствия. (В лучших традициях Стефани Майер бонус получился длиннее «Сумерек».) Вы найдете его под названием «Жизнь и смерть», перевернув эту книгу и начиная читать ее с конца. Я была очень рада еще раз навесить Форкс, и надеюсь, этот визит понравится вам так же, как и мне.

Вы потрясающие, я люблю вас.

СПАСИБО!

Стефани.

Пролог

Я никогда не задумывалась о том, как умру, хотя в последние месяцы поводов было предостаточно, а если бы задумалась, то едва ли могла бы предположить, что это произойдет именно так.

Затаив дыхание, я уставилась в противоположный конец длинного зала, прямо в непронаемые глаза охотника, и он любезно ответил мне взглядом.

Конечно, это правильный выбор – умереть вот так, за дорогого тебе человека. Достойная смерть. Это что-то да значит.

Я знала: если бы я не приехала тогда в Форкс, то сейчас не смотрела бы в глаза своей смерти. Но даже сейчас, несмотря на ужас, объявший меня, я не испытывала сожалений. Глупо горевать о том, что жизнь подходит к концу, когда взамен судьба предлагает исполнить мечту, превосходящую твои самые смелые ожидания.

Охотник приветливо улыбнулся и не спеша направился убивать меня.

1. Первый взгляд

Мама везла меня в аэропорт, опустив стекла в окнах машины. В Финиксе было плюс двадцать четыре, в небе ни облачка – безупречная синева. В знак прощания с городом я надела свой любимый топ без рукавов, с белым шитьем. В ручной клади лежала парка.

На полуострове Олимпик в северо-западной части штата Вашингтон есть городок под названием Форкс, почти постоянно укрытый облачной завесой. В этом ничем не примечательном городке дожди идут чаще, чем где-либо еще в США. Оттуда, из этого унылого и вездесущего сумрака, мама сбежала вместе со мной, когда мне было всего несколько месяцев от роду. Там же я потом каждое лето маялась по целому месяцу, пока в четырнадцать лет не заявила наконец, что с меня хватит, благодаря чему в последние три года мой отец Чарли на целых две недели берет меня с собой в отпуск в Калифорнию.

И вот теперь я отбываю в ссылку не куда-нибудь, а именно в Форкс – на это решение я обрекла себя с ужасом, потому что ненавидела Форкс всей душой.

А Финикс любила – любила солнце и обжигающий зной, любила этот кипучий, привольно раскинувшийся город.

– Белла, – уже перед посадкой в самолет сказала мама в тысячный и последний раз, – тебе не обязательно уезжать.

Мы с мамой похожи, только у нее короткие волосы и морщинки от частого смеха. Я заглянула в ее по-детски широко распахнутые глаза, и на меня накатил приступ паники. Как я могу бросить на произвол судьбы мою нежную, взбалмошную, легкомысленную маму? Правда, теперь ее опекает Фил, так что счета будут оплачены, в холодильнике будет еда, в маминей машине – бензин, а если она заблудится, то будет знать, кому позвонить, и все же...

– Я хочу уехать, – соврала я. Врать я никогда не умела, но в последнее время повторяла эту ложь так часто, что сейчас она прозвучала почти правдоподобно.

– Передавай привет Чарли.

– Передам.

– Мы скоро снова увидимся, – уверяла она. – Приезжай домой, когда захочешь, и я сразу же вернусь, как только понадобится тебе.

Однако в глазах ее отчетливо читалось, что для нее это будет непосильная жертва.

– Не волнуйся ты так, – попросила я. – Все будет замечательно. Я люблю тебя, мама.

На минутку она крепко прижала меня к себе, потом я пошла на посадку, а мама уехала.

Четыре часа лету от Финикса до Сиэтла, еще час – на маленьком самолете до Порт-Анджелеса, потом час езды на машине до Форкса. Против перелетов я ничего не имела, зато перспектива провести час в машине с Чарли меня немного беспокоила.

Во всей этой ситуации Чарли проявил исключительное благородство. Он, похоже, по-настоящему обрадовался, что я приеду к нему на такой долгий срок. И уже записал меня в местную школу и даже собирался помочь обзавестись машиной.

И все-таки неловкости в присутствии Чарли было не избежать. Мы оба не особенно разговорчивы, к тому же я понятия не имела, о чем с ним говорить. Я знала, что мое решение здорово озадачило его: как и мама в свое время, я не скрывала, что терпеть не могу Форкс.

Когда самолет сел в Порт-Анджелесе, шел дождь. Я не увидела в этом плохой приметы, а приняла как данность. С солнцем я уже распрощалась.

Чарли встретил меня на полицейской машине. Как и следовало ожидать. Для законопослушных жителей Форкса он – начальник полиции Свон. Я сразу решила не затягивать с покупкой собственного транспорта, даже несмотря на нехватку денег, чтобы не ездить по городу с красно-синей «мигалкой» на крыше. Полицейские машины ужасно затрудняют личное движение.

Я неуклюже выбралась из самолета, и Чарли неловко обнял меня одной рукой.

– Рад видеть тебя, Беллз, – он улыбнулся и машинально поддержал, когда я споткнулась и чуть не упала. – Ты почти не изменилась. А как Рене?

– У мамы все хорошо. Я тоже рада видеть тебя, папа, – мне не разрешалось звать его в глаза по имени.

Из багажа у меня было всего лишь несколько сумок. Большая часть одежды, которую я носила в Аризоне, не смогла бы защитить меня от вашингтонских дождей. Мы с мамой объединенными усилиями попытались пополнить мой зимний гардероб, но он все равно получился скромным и легко уместился в багажник патрульной машины.

– А я нашел неплохую машину, в самый раз для тебя, и совсем недорого, – объявил Чарли, пока мы пристегивали ремни.

– Какую? – Меня насторожил тон, которым он уточнил, что эта «неплохая машина» будет «в самый раз» для меня.

– Ну, вообще-то это пикап «шеви».

– Откуда он у тебя?

– Помнишь Билли Блэка из Ла-Пуша?

Ла-Пушем называлась крошечная индейская резервация на побережье.

– Нет.

– Раньше он рыбачил с нами летом, – напомнил Чарли.

Понятно, почему я забыла его: я старалась вытеснить из головы мучительные и ничемные воспоминания.

– Теперь он в инвалидном кресле, – продолжил Чарли, не дождавшись от меня ответа, – машину больше не водит, потому и предложил мне свой пикап.

– Какого года?

По лицу Чарли я поняла: он надеялся, что я не догадаюсь об этом спросить.

– Билли столько трудов угрохал на мотор, и машина совсем не старая...

Неужели Чарли думает, что я так легко сдамся? За кого он меня принимает?

– Когда он купил ее?

– Кажется, в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом.

– Новую?

– Вроде бы нет. Новой она была в начале шестидесятых. Или, самое раннее, в конце пятидесятых, – смущенно признался он.

– Чар... папа, в машинах я ничего не смыслю. Если она сломается, сама я починить ее не смогу, а автомастерская мне не по карману...

– Вот увидишь, Белла, эта штука отлично бежит. Теперь таких не делают.

Я мысленно отметила «штуку»: звучит многообещающе – почти как название.

– «Дешево» – это сколько?

В этом вопросе компромиссов быть не могло.

– Знаешь, милая, я вроде как уже купил ее тебе. В качестве подарка к приезду, – Чарли бросил в мою сторону беглый взгляд, его лицо осветилось надеждой.

Ух ты, даром.

– Ну зачем ты, папа! Я собиралась купить машину на свои.

– Ничего, лишь бы тебе здесь понравилось, – не сводя глаз с дороги, ответил Чарли.

Выражать чувства он явно не привык. Я унаследовала от него эту стеснительность, поэтому ответила, тоже не глядя на него:

– Как здорово, папа! Спасибо. Я очень благодарна тебе.

Добавлять, что в Форксе мне просто не может понравиться, не стоило – зачем разочаровывать Чарли? И, кроме того, я не собиралась смотреть дареному пикапу в зубы – или в мотор.

– Э-э... не за что, – пробормотал он, смущенный моей благодарностью.

Мы перекинулись парой замечаний о погоде, которая была сырой, а когда разговор иссяк, молча уставились в окна.

Да, здесь было красиво, спорить не стану. Сплошная зелень – обросшие мхом стволы, навес из густой листвы, папоротники под деревьями. Даже воздух, казалось, становился зеленым, проникая сквозь листья.

Слишком зелено, как на чужой планете.

Наконец Чарли привез меня домой. Он по-прежнему жил в маленьком доме с двумя спальнями, который купил вместе с моей мамой сразу после того, как они поженились. Единственная хорошая пора их семейной жизни – самое начало. На улице перед домом, который ничуть не изменился, стоял мой новый – точнее, новый только для меня – пикап: когда-то красный, а теперь выгоревший, с большими выпуклыми крыльями и округлой кабиной. К моему изумлению, он мне понравился. Хотя я и не знала, как ездит эта машина, я легко могла представить себя в ней. К тому же она оказалась одной из тех прочных железных тачек, которые просто невозможно «убить»: из столкновений с другими машинами они выходят без единой царапины, тогда как остальные участники происшествия превращаются в бесформенную кучу железа.

– Ого, пап! Она мне нравится! Спасибо!

Грядущий день уже не казался таким беспросветным. По крайней мере, мне не придется выбирать, что хуже – тащиться в школу под дождем на своих двоих или на полицейской машине с мигалкой.

– Вот и хорошо, что тебе понравилось, – пробормотал Чарли, снова смутившись.

Вещей было немного, и мы перенесли их наверх за один раз. Мне досталась западная спальня с окнами на улицу. Эта комната числилась за мной с самого рождения. Дощатый пол, голубые стены, высокий скошенный потолок, пожелтевшие тюлевые занавески на окнах – все здесь напоминало о детстве. Когда я выросла, Чарли только заменил детскую кроватку и прибавил к обстановке письменный стол. Теперь на нем стоял подержанный компьютер с проводом модема, прибитым скобками вдоль плинтуса. Такое условие поставила мама, чтобы нам было легче поддерживать связь. В углу по-прежнему находилось кресло-качалка времен моего младенчества.

На втором этаже только одна ванная, общая для меня и Чарли. Я решила, что как-нибудь сумею это пережить.

Чарли хорош тем, что не стоит над душой. Он деликатно оставил меня одну, чтобы я могла спокойно распаковать и разложить вещи, – от мамы этого не дождешься. Приятно хоть немного побыть одной, не улыбаться и не делать довольный вид, с отсутствующим видом поглазеть в окно на дождевую пелену и ненадолго дать волю слезам. Рыдать я была пока что не в настроении. Приберегу слезы на потом, когда буду лежать в постели и задумаюсь о завтрашнем дне.

Средняя школа Форкса ужаснула общим количеством учеников – триста пятьдесят семь человек, вместе со мной – триста пятьдесят восемь; дома, в Финиксе, в одних только старших классах их насчитывалось более семисот. Все здешние школьники выросли вместе, их деды знали друг друга еще детьми. А я окажусь среди них новенькой из большого города – диковиной, чудачкой.

Может, будь я похожей на типичную девчонку из Финикса, это сыграло бы мне на руку. Но со своей внешностью я везде чувствую себя чужой. Как жаль, что я не загорелая спортивная блондинка – волейболистка или танцовщица из группы поддержки! В общем, не соответствую я представлению о жителях солнечной долины.

Да, кожа у меня очень светлая, несмотря на солнечный климат Аризоны, оттенка слоновой кости, но нет ни голубых глаз, ни рыжих волос, обычно прилегающих к такой белизне.

Я всегда была стройной, но не подтянутой, далеко не спортивного сложения; мне не доставало координации движений, чтобы заниматься спортом и не позориться при этом – и не подвергать опасности себя и тех, кто окажется поблизости.

Закончив раскладывать одежду в старом сосновом комод, я взяла сумку с туалетными принадлежностями и отправилась в нашу общую ванную приводить себя в порядок. Расчесывая спутанные влажные волосы, я разглядывала свое отражение в зеркале. Возможно, дело было в освещении, но лицо уже успело приобрести нездоровый желтоватый оттенок. При подходящем освещении моя кожа может выглядеть красиво, она очень чистая и словно полупрозрачная, но многое зависит от цвета лица. Здесь же у меня вообще нет никакого цвета.

Глядя на свое блеклое отражение в зеркале, мне пришлось признать, что я обманываю себя. Я чужая везде не просто потому, что выгляжу иначе. И если я не сумела прижиться в школе, где училось три тысячи человек, на что я могу рассчитывать здесь?

Я с трудом сходилась с ровесниками. А может, и с людьми в целом, вот и все. Даже с мамой, самым близким человеком во всем мире, мы так и не достигли согласия и полного взаимопонимания. Порой я гадала, действительно ли вижу своими глазами тот же самый мир, который видят все остальные. Может, у меня в мозгах глюк?

Но причина, в сущности, не главное. Важнее следствие. И завтрашний день будет лишь началом.

В ту ночь я никак не могла уснуть даже после того, как выплакалась. Несмолкающий шум ветра и стук дождя по крыше мешали погрузиться в блаженное забытие. Я с головой забралась под старое вылинявшее стеганое одеяло, потом накрыла голову подушкой. Но уснуть смогла лишь после полуночи, когда дождь наконец сменился бесшумной моросью.

Густой туман – вот что я увидела, выглянув утром в окно, и почувствовала, как во мне просыпается клаустрофобия. Здесь никогда не видно неба, и кажется, что ты в клетке.

Завтрак с Чарли прошел тихо и мирно. Он пожелал мне удачи в школе, я поблагодарила, зная, что его надежды напрасны: удаче свойственно избегать меня. Чарли первым уехал в полицейский участок, который заменял ему семью. После его ухода я уселась на один из трех разномастных стульев за старый дубовый кухонный стол и окинула взглядом тесную кухню с темными панелями стен, ярко-желтыми кухонными шкафами и белым линолеумом на полу. Здесь все осталось, как раньше. Шкафы покрасила мама восемнадцать лет назад в надежде сделать дом хоть немного светлее. В соседней гостиной размером с носовой платок над маленьким камином на полке выстроились в ряд фотографии. Первая из них запечатлела Чарли и маму в день бракосочетания в Лас-Вегасе, на следующей мы уже вдвоем, в клинике, где я родилась, – услужливая медсестра держит меня на руках, далее – школьные снимки. Смотреть на них было неловко – надо бы уговорить Чарли убрать их, по крайней мере, на то время, пока я буду здесь жить.

Находясь в этом доме, было трудно избавиться от мысли, что Чарли так и не оправился после расставания с мамой. Это смущало меня.

Я не хотела появляться в школе слишком рано, но и дома мне не сиделось. Надев куртку, вроде той, что носят сотрудники биозащиты, я вышла под дождь.

Он моросил по-прежнему, слишком мелкий, чтобы сразу же промокнуть под ним. Я вынула ключ, который мы всегда прятали под карнизом у двери, и заперла замок. Хлюпанье новых непромокаемых ботинок раздражало, мне не доставало привычного хруста гравия под ногами. Не получилось даже остановиться и полюбоваться своим пикапом: я поторопилась укрыться от сырого тумана, который клубился вокруг головы и словно льнул к волосам, забираясь под капюшон.

В машине было сухо и хорошо. Видимо, Билли или Чарли вычистили кабину, но от бежевой обивки сидений по-прежнему слабо пахло табаком, бензином и мятной жвачкой. На мое счастье, двигатель завелся сразу, только очень шумно – пробудился к жизни, взревел и на полной громкости продолжал работать вхолостую. Ну что ж, должен же быть хоть один изъян у такой старой машины. Зато древнее радио работало, чего я никак не ожидала.

Школу я отыскала без труда, хоть никогда прежде в ней и не бывала. Как и многие другие здания, она располагалась чуть в стороне от шоссе. Догадаться по ее виду, что это школа, было непросто; только указатель «Средняя школа Форкса» заставил меня притормозить. Несколько одинаковых школьных корпусов из темно-красного кирпича. Деревья и кусты здесь росли так густо, что о размерах школьной территории можно было только гадать. А как же казенная атмосфера? На меня накатила ностальгия. Где забор из сетки и металлоискатели?

Я припарковалась перед первым зданием, на двери которого висела неприметная табличка «Администрация». Поблизости больше никто не ставил машины, и я догадалась, что это запрещено правилами, но все-таки решила узнать, как проехать к учебным корпусам вместо того, чтобы глупо нарезать круги под дождем. Нехотя выбравшись из уютной кабины, я зашагала по мощенной камнем дорожке между темных живых изгородей. Прежде чем открыть дверь, я сделала глубокий вдох.

Внутри горел яркий свет и было теплее, чем я рассчитывала. Помещение оказалось маленьким, в приемной со складными стульями и оранжевым в крапинку ковролином теснились на стенах объявления и грамоты, громко тикали большие часы. Повсюду стояли комнатные растения в больших пластмассовых кадках – неужели им мало зелени снаружи? Комнату делила пополам длинная стойка для бумаг, заставленная проволочными лотками с яркими этикетками, приклеенными к лоткам спереди. За одним из трех столов, помещавшихся за стойкой, сидела крупная рыжеволосая женщина в очках. При виде ее лиловой футболки собственная одежда показалась мне неуместно нарядной.

Рыжая женщина подняла голову.

– Чем могу помочь?

– Я Изабелла Свон, – сообщила я, и глаза женщины мгновенно осветились узнаванием. Кто бы сомневался, что я стану предметом для сплетен? – еще бы, дочка этой ветреной особы, бывшей жены шефа полиции, наконец вернулась на родину.

– А, вот оно что, – отозвалась женщина, порылась в опасно накренившейся кипе бумаг на столе и наконец нашла то, что искала. – Здесь твое расписание и карта школы. – Она подошла к стойке и выложила на нее несколько листов.

Она перечислила мои предметы и классы, маркером разметила на карте маршруты и вручила мне карточку, в которой должен был расписаться каждый учитель. После уроков мне следовало принести ее обратно. Потом женщина улыбнулась и так же, как и Чарли, выразила надежду, что в Форксе мне понравится. Я постаралась улыбнуться как можно естественнее.

Когда я вернулась к своему пикапу, остальные ученики уже начали съезжаться. По территории школы я ехала, следуя разметке и с радостью отмечая, что машины здесь по большей части еще древнее моей, а роскошных и вовсе не попадает. Наш район в Финиксе был не самым богатым, однако новый «мерседес» или «порше» на школьной стоянке считались обычным явлением. Здесь же самым шикарным был серебристый «вольво», который сразу бросался в глаза. Но я все равно заглушила двигатель сразу же, как только нашла, где припарковаться, чтобы его громовой рев не привлекал внимания.

Сидя в пикапе, я изучила расположение корпусов, стараясь запомнить его: если повезет, мне не придется весь день разгуливать по территории школы, уткнувшись в карту. Потом я затолкала свои вещи в сумку, повесила ее через плечо и сделала глубокий вдох. Я справ-

люсь, необедительно солгала я себе. Никто меня не укусит. Наконец я выдохнула и выбралась из машины.

Набросив капюшон и опустив голову, я зашагала по дорожке в толпе подростков. К счастью, в своей простой черной куртке я ничем не выделялась среди них.

Третий корпус я заметила сразу же, как только обогнула здание школьного кафетерия: большая черная цифра «три» была нарисована на белой табличке с восточной стороны. С приближением к двери мое дыхание настолько участилось, что я очутилась на грани гипervентиляции. Я попыталась задержать дыхание и вошла в дверь следом за двумя дождевиками-унисекс.

Класс оказался маленьким. Хозяева дождевиков остановились у двери и повесили их на крючки в длинном ряду. Я сделала то же самое. Оказалось, я шла за девушками; одна – блондинка с фарфоровой кожей, вторая – тоже бледная, с русыми волосами. По крайней мере, цветом кожи я не буду выделяться.

Я отдала свою карточку учителю – рослому лысеющему мужчине, сидевшему за столом с табличкой «Мистер Мейсон». Увидев мою фамилию, он вытаращился, и конечно, от этой мало чем ободряющей реакции я густо покраснела. К счастью, он отправил меня на заднюю парту, не удосужившись представить классу. Глазеть на меня, сидящую сзади, моим новым одноклассникам было непросто, но они все же ухитрялись. Я не поднимала глаз от списка литературы, который вручил мне учитель. Список был стандартным: Бронте, Шекспир, Чосер, Фолкнер. Все это я уже читала. Приятно и... скучно. Я задумалась: придет ли мама мою старую папку с сочинениями или сочтет, что так нечестно? Мысленно я заспорила с ней, пытаюсь переубедить, а учитель тем временем бубнил свое.

Прозвучал гнусавый звонок, и нескладный парень в прыщах, с жирными черными волосами наклонился через проход между партами, чтобы поболтать со мной.

– Ты Изабелла Свон, верно?

С виду он казался чрезмерно услужливым, как подсказчик из шахматного клуба.

– Белла, – поправила я. Все сидящие в радиусе трех парт от меня разом обернулись.

– Где у тебя следующий урок? – спросил он.

Мне пришлось искать в сумке расписание и сверяться с ним.

– В шестом корпусе, политология у Джефферсона.

Повсюду, куда ни повернись, я сталкивалась с любопытными взглядами.

– Я иду в четвертый корпус, но могу показать тебе дорогу... – не просто услужлив, а навязчив. – Эрик, – представился он.

Я нерешительно улыбнулась.

– Спасибо.

Надев куртки, мы вышли под дождь, который припустил сильнее.

– Ну как, большая разница с Финиксом? – спросил Эрик.

– Очень.

Идущие за нами чуть не наступали нам на пятки. Я была готова поклясться, что они ловят каждое слово. Только паранойи мне не хватало.

– Там ведь редко идут дожди?

– Раза три-четыре в год.

– Ого! А в остальное время?

– Солнечно, – ответила я.

– Что-то не выглядишь ты загорелой.

– У меня мама – наполовину альбинос.

Он настороженно взгляделся в мое лицо, и я вздохнула. Похоже, с дождевыми тучами чувство юмора несовместимо. Еще несколько месяцев – и я отучусь от сарказма.

Мы обогнули кафетерий и направились к южным корпусам возле спортзала. Эрик проводил меня до самой двери, хотя номер корпуса был виден издали.

– Ну, удачи тебе, – пожелал он, когда я взялась за дверную ручку. – Может, на других уроках еще встретимся, – с надеждой в голосе добавил он.

Я неопределенно улыбнулась и вошла в здание.

Остаток утра прошел примерно так же. Учитель тригонометрии мистер Варнер, которого я в любом случае возненавидела бы за его предмет, стал единственным, кто велел мне выйти к доске и представиться классу. Я заикалась и краснела, а по пути к своему месту запнулась за собственный ботинок.

За два урока я запомнила несколько лиц в каждом классе. Всякий раз находился кто-нибудь посмелее остальных – называл свое имя, спрашивал, нравится ли мне Форкс. Я старалась проявлять дипломатичность, а чаще просто врала. Зато карта мне ни разу не понадобилась.

Одна девушка сидела со мной и на тригонометрии, и на испанском, а потом мы вместе отправились обедать в кафетерий. Она была худенькой и невысокой, на несколько сантиметров ниже моих ста шестидесяти трех сантиметров, но из-за темной шапки буйных кудрей разница в росте почти не чувствовалась. Я не запомнила ее имени, поэтому только улыбалась и кивала в ответ на болтовню об учителях и уроках. В смысл слов я не вникала.

Мы устроились в конце длинного стола вместе с ее подругами, которых она тут же познакомила со мной. Имена я забыла сразу же, как только услышала их. Девушки явно восхищались своей подругой, которая отважилась заговорить со мной. С другого конца зала мне махал парень с английского, Эрик.

Вот там-то, в кафетерии, пытаюсь поддерживать разговор с семью любопытными незнакомками, я и увидела их впервые.

Они сидели в углу кафетерия – в самом дальнем от меня, противоположном углу длинного зала. Их было пятеро. Они не разговаривали и не ели, хотя перед каждым стоял поднос с нетронутой едой. В отличие от большинства других учеников, они не главели на меня, поэтому на них можно было смотреть, не опасаясь столкнуться взглядом с заинтересованной парой глаз. Но вовсе не то, что я перечислила, привлекло и задержало мое внимание.

Между ними не наблюдалось ни малейшего сходства. Из трех парней один – здоровенный и мускулистый, как штангист-профессионал, с темными кудрявыми волосами. Второй – выше ростом, тоньше, но с развитой мускулатурой, медовый блондин. А третий – не такой крепкий, но высокий, с растрепанными волосами оттенка бронзы. В нем было больше мальчишеского, чем в остальных, которые походили скорее на студентов или учителей, чем на школьников.

Девушки были полной противоположностью друг другу. Высокая отличалась скульптурной стройностью. У нее была прекрасная фигура вроде тех, которые красуются в купальниках на обложке «Спорт иллюстрийтед» и больно бьют по самооценке любой девушки, случайно оказавшейся в той же комнате. Ее золотистые волосы мягкими волнами ниспадали до пояса. Вторая девушка была похожа на эльфа – невысокая, донельзя худенькая, с мелкими чертами лица. Ее иссиня-черные коротко подстриженные волосы торчали во все стороны, как иголки.

И все-таки кое-что объединяло всех пятерых. Их лица были белыми, как мел, бледнее, чем у любого школьника в этом городе, не знающем солнца. Бледнее, чем у меня, альбиноски. Цвет волос у всех пятерых был разный, а цвет глаз – одинаковым, почти черным. И густые тени под глазами, темные с лиловым оттенком – как после бессонной ночи или перелома носа. Однако их носы, как и остальные черты лица, были прямыми, четкими, совершенными.

Но не поэтому я смотрела на них, не в силах оторвать взгляд.

Я уставилась на них в упор потому, что их лица, такие разные и такие похожие, были невероятно, нечеловечески прекрасны. Такие лица можно встретить разве что на тщательно отретушированных снимках в журнале мод. Или на картине какого-нибудь старого мастера, изображающей ангела. Трудно было сказать, кто из них красивее – возможно, безупречная блондинка или парень с бронзовой шевелюрой.

Все они ни на кого не смотрели – ни в своей компании, ни на других учеников, вообще ни на что не смотрели, насколько я могла судить. На моих глазах невысокая девушка встала, взяла свой поднос с неоткрытой газировкой и нетронутым яблоком и направилась прочь свободным легким шагом танцовщицы, словно шла по подиуму. Пораженная ее гибкой грацией, я смотрела, как она выбросила свой поднос в мусорный бак и с ошеломляющей скоростью выскользнула в коридор. Я перевела взгляд на остальных, по-прежнему сидевших на месте.

– Кто это? – спросила я девушку, имя которой забыла, но помнила, что сидела с ней на испанском.

Она обернулась посмотреть, о ком я говорю, хотя, вероятно, уже догадалась по моему голосу, и вдруг ей ответил взглядом он – самый хрупкий, больше остальных похожий на мальчишку и, наверное, самый младший из них. Долю секунды он смотрел на мою соседку, а потом метнул взгляд темных глаз на меня.

Он отвел его сразу же, гораздо быстрее, чем я, хотя в приливе смущения я моментально потупилась. Этот краткий, как вспышка, взгляд, был совершенно равнодушным, словно моя соседка произнесла его имя, а он машинально отреагировал.

Она смущенно захихикала и тоже уставилась в стол.

– Это Каллены – Эдвард и Эмметт, рядом с ними – Розали и Джаспер Хейл. А та, что ушла, – Элис Каллен. Все они живут вместе, у доктора Каллена и его жены, – шепотом объяснила она.

Я мельком глянула на красавца, который теперь сидел, уставившись в свой поднос, и длинными бледными пальцами расщипывал на кусочки бублик. Его подбородок быстро двигался, но идеально очерченные губы оставались почти сомкнутыми. Остальные трое по-прежнему не смотрели на него, но мне казалось, он что-то тихо говорил им.

Странные, редкие у них имена, думала я. Слишком старомодные, сейчас так не называют. А может, здесь, в маленьком городке, такие имена – обычное дело? Только теперь я наконец вспомнила, что мою соседку зовут Джессикой. Обычное имя. Дома в Финиксе у нас на уроках истории было сразу две Джессики.

– Они... очень симпатичные, – это явное преуменьшение далось мне с трудом.

– Точно! – снова захихикав, согласилась Джессика. – Вот только они все время вместе – то есть Эмметт и Розали, Джаспер и Элис. И живут вместе.

Я с неудовольствием отметила, что в ее словах нашли отражение шок и осуждение, с которыми относились к этой семье все жители городка. Но если уж говорить начистоту, о таких отношениях ходили бы сплетни даже в Финиксе.

– Кто из них Каллены? – спросила я. – На родственников они не похожи.

– А они и не родственники. Доктор Каллен еще молодой, ему под тридцать или чуть больше. Все его дети – приемные. Хейлы, блондины, – близнецы, брат с сестрой, они временно воспитываются в семье доктора.

– Для воспитанников они выглядят слишком взрослыми.

– Сейчас – да, Джасперу и Розали уже восемнадцать, но с миссис Каллен они живут с тех пор, как им исполнилось восемь лет. Она приходится им теткой – кажется, так.

– Наверное, они очень хорошие люди, раз взяли на себя заботу обо всех этих детях, хотя сами еще совсем молодые.

– Наверное, – нехотя признала Джессика, и у меня сложилось впечатление, что доктор с женой ей чем-то неприятны. Судя по взглядам, которые она бросала на их приемных детей, я предположила, что причиной тому – зависть.

– Я слышала, миссис Каллен не может иметь детей, – добавила она, словно это умаляло поступок супругов.

Пока мы болтали, я то и дело бросала взгляд в сторону стола, за которым сидело это странное семейство. Все четверо по-прежнему смотрели куда-то в стену и ничего не ели.

– Они всегда жили в Форксе? – спросила я, подумав, что обязательно обратила бы на них внимание, приезжая на лето.

– Нет, что ты! – судя по голосу, Джессика считала, что это должно быть ясно даже мне, недавно приехавшей в город. – Они всего два года как переселились сюда откуда-то с Аляски.

На меня накатили и досада, и облегчение. Досада оттого, что, несмотря на всю красоту, они чужие и явно не признанные здесь. А облегчение – потому что я не единственная вновь прибывшая и, уж конечно, по любым меркам не самая примечательная.

Пока я разглядывала их, младший из Калленов вдруг поднял голову и встретился со мной взглядом, и на этот раз на его лице отразилось явное любопытство. Я поспешно отвела глаза, но мне показалось, что в его взгляде мелькнуло что-то вроде несбывшейся надежды.

– Тот рыжеватый парень – кто он? – спросила я. Краем глаза я продолжала наблюдать за ним, а он – за мной, но он не глазел с неприкрытым любопытством, как остальные ученики сегодня, а казался слегка разочарованным. Я снова потупилась.

– Это Эдвард. Он, конечно, потрясный, но лучше не трать на него время. Он ни с кем не встречается. Видно, считает, что никто из симпатичных девчонок здесь ему не пара, – и она фыркнула, явно притворяясь, что ей все равно. Интересно, давно ли он ее отшил.

Я прикусила губу, пряча улыбку, потом снова взглянула на Эдварда. Он сидел, почти отвернувшись, но мне показалось, что его щека слегка приподнялась, словно и он улыбался.

Еще несколько минут – и все четверо встали из-за стола. Все они двигались с удивительной грацией, даже самый крупный и рослый парень. От этого зрелища становилось немного не по себе. Тот, кого называли Эдвардом, больше ни разу на меня не взглянул.

С Джессикой и ее подругами я просидела в кафетерии гораздо дольше, чем если бы обедала одна, и теперь беспокоилась, как бы в первый же день не опоздать на урок. У одной из моих новых знакомых, которая предусмотрительно напомнила, что ее зовут Анджела, следующим уроком тоже была биология. Всю дорогу до класса мы прошли молча, Анджела тоже страдала застенчивостью.

В классе она села за лабораторный стол с черной столешницей, в точности такой, какие я видела в своей бывшей школе. У Анджелы уже была соседка. Занятыми оказались все места, кроме одного – в среднем ряду, рядом с Эдвардом Калленом.

Направляясь по проходу между столами, чтобы назвать учителю свою фамилию и подать карточку на подпись, я украдкой посмотрела на Эдварда. Когда я проходила мимо, он вдруг словно окаменел на своем месте, потом снова уставился на меня, а когда наши взгляды встретились, на лице его застыло совершенно неожиданное выражение – яростное и враждебное. Потрясенная, я быстро отвернулась и снова густо покраснела. В проходе я ненароком задела какую-то книгу, и мне пришлось схватиться за край стола. Сидящая за ним девчонка прыснула.

Я заметила, что у Эдварда черные глаза – черные, как уголь.

Мистер Баннер расписался в моей карточке и выдал учебник, не устраивая цирк с представлением всему классу. Я сразу поняла, что мы с ним поладим. Само собой, ему не оставалось ничего другого, кроме как отправить меня на единственное свободное место в центре класса. Не поднимая глаз, ошарашенная враждебным взглядом, я подошла, чтобы сесть рядом с Эдвардом.

Не глядя на него, я положила учебник на стол и заняла свое место, но успела все же заметить, что мой сосед сменил позу. Он отклонился от меня, отодвинулся на самый край своего стула и отвернулся, словно учуял вонь. Я незаметно понюхала собственные волосы – от них пахло клубникой, ароматом моего любимого шампуня. Вроде безобидный запах. Я наклонила голову так, чтобы волосы свесились с моего правого плеча, как темная штора, разделяющая нас, и попыталась вслушаться в слова учителя.

Увы, урок был посвящен строению клетки, а я его уже проходила. Но я все равно старательно записывала, не поднимая глаз.

Время от времени я, не удержавшись, поглядывала сквозь волосы на своего странного соседа. За весь урок он так и не сменил неудобную позу на краешке стула, находясь на максимальном расстоянии от меня. Я видела его кулак, сжатый на левом колене, жилы, проступившие под бледной кожей. Пальцы он так и не разжал. Длинные рукава его белой рубашки были закатаны до локтей, предплечье выглядело на удивление крепким, под светлой кожей просматривались мышцы. Слабаком он казался лишь в сравнении со своим крупным братом.

Этот урок, казалось, тянулся дольше остальных. Может, потому что день наконец близился к концу? Или потому, что я ждала, когда разожмется стиснутый кулак Эдварда? Так и не дождалась, а сидел он настолько неподвижно, словно и не дышал. Что с ним? Неужели он всегда такой? Я пожалела, что мысленно осудила Джессику за явную неприязнь к нему. Может, она не настолько злопамятна, как мне показалось.

Не верится, что дело во мне, ведь Эдвард увидел меня сегодня впервые.

Я взглянула на него украдкой еще раз и тут же пожалела об этом. Он вновь пристально уставился на меня черными, полными отвращения глазами. Я отшатнулась, вжалась в свой стул, и в голове у меня вдруг мелькнуло выражение «убийственный взгляд».

В этот момент грянул звонок – с такой силой, что я вздрогнула. Эдвард Каллен быстро и плавно поднялся с места, повернулся ко мне спиной и выскочил за дверь прежде, чем остальные успели встать. Я только успела отметить, что он гораздо выше ростом, чем мне показалось вначале.

Словно примерзнув к стулу, я беспомощно смотрела ему вслед. Столько злобы – за что? Я начала вяло собирать вещи, сдерживая наполняющий меня гнев и подступающие слезы. Почему-то мои вспышки гнева действуют непосредственно на слезные протоки. Обычно я плачу, когда злюсь, – унижительное свойство.

– Это ты – Изабелла Свон? – раздался мужской голос.

Обернувшись, я увидела симпатичного парня с детским лицом и очень светлыми волосами, тщательно уложенными с помощью геля в виде аккуратных шипов. Он дружески улыбался и явно не считал, что от меня неприятно пахнет.

– Белла, – с улыбкой поправила я.

– А я Майк.

– Привет, Майк.

– Помочь тебе найти следующий класс?

– Вообще-то я в спортзал. Думаю, не заблужусь.

– Мне туда же, – он обрадовался так, словно в этой маленькой школе такие совпадения были чем-то из ряда вон выходящим.

Мы отправились на урок вместе. Майк оказался болтуном – почти все время говорил он один, и это меня вполне устраивало. До десяти лет он жил в Калифорнии, поэтому хорошо понимал, как я должна скучать по солнцу. Выяснилось, что и на английском мы в одной группе. Из всех, с кем я познакомилась в этот день, он оказался самым славным.

Но перед тем, как мы вошли в спортзал, он спросил:

– Ты что, ткнула Эдварда Каллена ручкой? Никогда не видел его таким.

Меня передернуло. Значит, не только я это заметила. И, видимо, Эдвард Каллен обычно ведет себя иначе. Я сделала вид, что не понимаю его.

– Ты про парня, с которым я сидела на биологии? – наивным тоном уточнила я.

– Его самого, – подтвердил он. – У него как будто что-то разболелось.

– Не знаю, – ответила я. – Мы с ним не разговаривали.

– Вот чудной, – Майк топтался рядом вместо того, чтобы идти в раздевалку. – Если бы мне повезло сесть за твой стол, я бы с тобой обязательно поговорил.

Улыбнувшись ему, я ушла в женскую раздевалку. Майк держался дружески, я наверняка понравилась ему. Но этого было слишком мало, чтобы развеять мою досаду.

Учитель физкультуры, тренер Клапп, нашел для меня спортивную форму, но настаивать на том, чтобы я переделалась, не стал. В Финиксе на физкультуру в старших классах надо было ходить только два года. А здесь она была обязательной все четыре. Форкс оказался в буквальном смысле слова моим персональным адом.

Я смотрела четыре волейбольных партии одновременно и вспоминала, сколько травм получила и причинила, играя в волейбол. Меня подташнивало.

Наконец прозвенел звонок с последнего урока. Я нехотя побрела в административный корпус, относить карточку. Дождевые тучи рассеялись, но налетел сильный пронизывающий ветер. Стало холодно, я обхватила себя руками.

Однако войдя в теплую приемную, я едва удержалась, чтобы не выбежать снова на улицу.

Прямо передо мной, у стойки, стоял Эдвард Каллен. Я сразу узнала его по растрепанным бронзовым волосам. Видимо, он не слышал, как я вошла. Вжимаясь спиной в стену, я ждала, когда секретарь освободится.

Низким чарующим голосом Эдвард что-то доказывал ей. Суть разговора я уловила сразу: он просил перенести биологию в его расписании с шестого урока на какое-нибудь другое время, какое угодно.

Мне по-прежнему не верилось, что это из-за меня. Должна быть и другая причина, что-то должно было случиться еще до того, как я вошла в кабинет биологии. Выражение его лица наверняка объяснялось чем-то иным. Не может быть, чтобы незнакомый человек внезапно вспылал ко мне такой острой неприязнью.

Дверь снова открылась, холодный ветер ворвался в приемную, зашелестел бумагами на столе, спутал мне волосы. Вошедшая девушка молча приблизилась к столу, положила какую-то бумагу в проволочный лоток и снова вышла. Но спина Эдварда Каллена словно окаменела, он медленно обернулся и снова впился в меня пронзительным, полным ненависти взглядом. На миг я ощутила неподдельный ужас, от которого волосы у меня на руках встали дыбом. Этот взгляд длился всего секунду, но выморозил похлеще ледяного ветра. Эдвард снова повернулся к секретарю.

– Ну ладно, – поспешно произнес он бархатистым голосом. – Нельзя так нельзя. Большое спасибо вам за помощь, – он резко развернулся и скрылся за дверью, не удостоив меня взглядом.

Мгновенно побледнев, я робко приблизилась к стойке и протянула свою карточку с подписями.

– Как прошел твой первый день, милочка? – по-матерински заботливо спросила секретарь.

– Прекрасно, – слабым голосом соврала я. Похоже, она мне не поверила.

Мой пикап остался чуть ли не последней машиной на опустевшей стоянке. Я бросилась к нему, как к надежному убежищу, единственному подобию дома, какое только есть у меня в этой сырой зеленой дыре. Некоторое время я просто сидела в машине, уставившись неви-

дядим взглядом в ветровое стекло. Но вскоре замерзла, поняла, что пора включить печку, повернула ключ, и двигатель взревел. А я всю дорогу до дома Чарли глотала слезы.

2. Открытая книга

Следующий день был лучше... и хуже.

Лучше потому, что дождь еще не начался, хотя в небе сгустились темные тучи. А легче потому, что я уже знала, чего ожидать. На английском со мной сел Майк, он же проводил меня на следующий урок под негодующим взглядом Эрика-шахматиста, и это было лестно. На уроках на меня уже не глазели так, как вчера. Обедала я в большой и шумной компании – вместе с Майком, Эриком, Джессикой и другими ребятами, которых знала по имени и в лицо. Казалось, я уже не иду ко дну, пуская пузыри, а ухитряюсь держаться на плаву.

Вместе с тем день прошел хуже первого из-за усталости: я все еще не научилась засыпать под завывания ветра вокруг дома. А еще потому, что мистер Варнер задал мне вопрос на тригонометрии, и я ошиблась в ответе. Совсем плохо стало, когда пришлось играть в волейбол: один раз я не сумела увернуться от перепасованного мяча и залепила им в голову игроку своей команды. И самое ужасное: Эдвард Каллен вообще не появлялся в школе.

Все утро я со страхом ждала обеда и странных взглядов Эдварда. И в то же время мне хотелось вызвать его на разговор и потребовать объяснений. Лежа в постели без сна, я даже представляла себе, что и как скажу. Но я слишком хорошо знала себя и понимала, что мне не хватит духу заговорить с ним. Трусливый Лев в сравнении со мной – Терминатор.

Но когда я вошла в школьный кафетерий вместе с Джессикой, безуспешно стараясь не высматривать Эдварда, я увидела, что его странная семейка сидит на прежнем месте, а самого Эдварда нет.

Майк перехватил нас на полпути и повел к своему столику. Этот знак внимания окрылил Джессику, вскоре к нам присоединились ее подруги. Я пыталась вслушаться в их беспечную болтовню, но чувствовала себя страшно неловко и с тревогой ждала, когда наконец появится Эдвард. Если повезет, он просто не обратит на меня внимания, и тогда станет ясно, что я ошиблась в своих предположениях.

Он не появлялся, время шло, мои нервы натягивались все туже.

До конца обеденного перерыва он так и не появился, и я отправилась на биологию, чувствуя прилив уверенности в себе. Майк, разглагольствующий о достоинствах золотистых ретриверов, преданно сопровождал меня в класс. У двери я затаила дыхание, но Эдварда Каллена не было и в классе. С облегчением вздохнув, я прошла к своему месту. Майкл следовал за мной по пятам, рассказывая о предстоящей поездке на побережье. У моего стола он задержался до самого звонка, а потом грустно улыбнулся и отправился на свое место, за стол к девушке с брекетами и неудачной завивкой. Похоже, с Майком придется выяснять отношения, нужно подготовиться. В маленьком городке, где все всё про всех знают, без дипломатии никуда. А мне всегда недоставало тактичности, да и нет у меня опыта общения с чрезмерно дружелюбными парнями.

Хорошо, что Эдвард сегодня отсутствует, и весь стол в моем распоряжении. Я то и дело напоминала себе об этом, но не могла избавиться от назойливых подозрений, что причина отсутствия Эдварда – я. Но это ведь нелепость и самонадеянность – считать, что я способна настолько сильно повлиять на другого человека. Этого не может быть. Я понимала это, но все-таки опасалась, что мои догадки верны.

Когда уроки наконец закончились, а мои щеки перестали гореть после случая на волейболе, я поспешила снова переодеться в джинсы и темно-синий свитер и вылетела из женской раздевалки, с радостью обнаружив, что сумела на этот раз улизнуть от нового друга с его ретриверами. Быстрым шагом я достигла парковки, которая буквально кишела разъезжающимися учениками. В машине я заглянула в сумку, проверяя, не забыла ли что-нибудь.

Прошлым вечером выяснилось, что вершина кулинарного искусства для Чарли – яичница с беконом, после чего я заявила, что наряд по кухне на все время своего пребывания беру на себя. Чарли был только рад поручить наши банкеты моим заботам. А я обнаружила, что запасов еды в доме нет. Поэтому составила список покупок, взяла деньги из стоящей в буфете банки с наклейкой «На еду» и теперь собиралась заехать в супермаркет «Трифтуэй».

Я завела машину, разбудив громогласный двигатель и стараясь не замечать, сколько народу обернулось в мою сторону, и задним ходом осторожно заняла место в длинной веренице машин, ждущих своей очереди, чтобы выехать со стоянки. Пока я ждала, делая вид, что оглушительный рев издает вовсе не мой пикап, я увидела, как двое Калленов и близнецы Хейл садятся в свою машину – тот самый блестящий новый «вольво». Само собой. До сих пор я, загипнотизированная их лицами, не замечала, как они одеты. Но теперь мне стало ясно, что на редкость хорошо: их обманчиво простые неброские вещи явно из какой-то дизайнерской коллекции. Хотя с такой привлекательной внешностью и умением держаться им были бы к лицу и старые кухонные полотенца. Везет же некоторым! – и внешность тебе, и деньги. Собственно, в жизни чаще всего так и бывает. Вот только почему-то ни то, ни другое не обеспечило им теплого приема в Форксе.

Нет, в это мне все-таки не верилось. Скорее, им самим нравилось жить в своем тесном кругу: по-моему, перед такой красотой должны открываться любые двери.

Как и все остальные, эти четверо тоже посмотрели на мой грохочущий пикап, когда я проезжала мимо. Я старательно смотрела вперед и, выехав со школьной территории, наконец вздохнула с облегчением.

От школы до «Трифтуэя» было недалеко, всего несколько улиц к югу от шоссе. Очутиться в супермаркете было приятно, как в любом хорошо знакомом месте. Я и в Финиксе закупала продукты и теперь с радостью вернулась к привычным обязанностям. Супермаркет оказался достаточно просторным, шум дождя здесь был не слышен, ничто не напоминало мне, что я не в Финиксе.

Вернувшись домой, я выгрузила покупки и разложила их по всем шкафам, где нашлось свободное место. Надеюсь, Чарли не станет возражать. В духовку я поставила завернутую в фольгу картошку, в холодильник поверх картонки с яйцами пристроила залитый маринадом стейк.

Покончив с кухонными делами, я отнесла сумку с учебниками наверх, переделась в сухой спортивный костюм, собрала влажные волосы в хвост и, прежде чем взяться за уроки, впервые за все время проверила электронную почту. Во «Входящих» я обнаружила три письма.

«Белла, – писала мама, – напиши мне, как только приедешь. Как долетела? Дождь идет? Я уже соскучилась по тебе. Во Флориду почти уже собралась, только никак не могу найти свою розовую блузку. Ты не знаешь, где она? Фил передает тебе привет. Мама».

Я вздохнула и открыла следующее письмо, пришедшее через восемь часов после первого.

«Белла, от тебя до сих пор нет письма – почему тянешь с ответом? Мама».

Последнее письмо пришло сегодня утром.

«Изабелла, если не ответишь до половины шестого, я сегодня же позвоню Чарли».

Я взглянула на часы: у меня оставался еще час, но я хорошо знала маму. Ей всегда не хватало терпения.

«Мама, успокойся! Я как раз тебе пишу. Не торопи меня. Белла».

Отправив это письмо, я начала новое:

«Мама, все замечательно. Конечно, здесь дождь. Я просто ждала, когда будет о чем написать. В школе ничего, только немного нудно. Познакомилась кое с кем, мы вместе ходим обедать».

Твоя блузка в химчистке, надо было забрать ее в пятницу.

Чарли купил мне пикап, представляешь? Мне так нравится. Старый, но крепкий – ты же знаешь, для меня это важно.

Я тоже по тебе скучаю. Скоро напишу еще, но проверять почту каждые пять минут не буду. Успокойся и не волнуйся. Люблю, целую, Белла».

«Грозовой перевал», который мы как раз проходили по английской литературе, я решила перечитать на этот раз ради развлечения и читала его, пока не вернулся Чарли. А я и не заметила, как пролетело время. Я заторопилась вниз, доставать из духовки картошку и выкладывать на сковородку стейк.

– Белла? – спросил отец, услышав мои шаги на лестнице.

«А кто же еще?» – мысленно ответила я.

– Да, папа. С возвращением.

– Спасибо.

Пока я сутилась на кухне, Чарли повесил ремень с кобурой и разулся. Насколько мне было известно, по службе ему еще ни разу не приходилось стрелять, но оружие он всегда держал наготове. Когда я приезжала к нему в детстве, он разряжал пистолет сразу же, как только входил в дом. Наверное, теперь он считал, что я не настолько мала, чтобы случайно застрелиться, и не так угнетена депрессией, чтобы намеренно покончить с собой.

– Что на ужин? – настороженно спросил Чарли.

Мама подходит к готовке творчески, но результаты ее кулинарных опытов порой оказываются несъедобными. Я удивилась и расстроилась, обнаружив, что Чарли до сих пор об этом помнит.

– Стейк с картошкой, – ответила я, и на его лице отразилось облегчение.

Наверное, ему было неловко бездельничать, стоя на кухне, и он в ожидании ужина переместился в гостиную, смотреть телевизор. Это устраивало нас обоих. Пока жарились стейки, я нарезала салат и накрыла на стол.

Ужин был готов, я позвала Чарли. Войдя в кухню, он довольно принялся.

– Пахнет вкусно, Белл.

– Спасибо.

Пауза затянулась на несколько минут, но неловкости не вызвала. Молчание нас не напрягало. В каком-то смысле мы были буквально созданы, чтобы жить под одной крышей.

– Как тебе школа? Подружилась с кем-нибудь? – поинтересовался Чарли, попросив добавки.

– Ну, несколько уроков у меня в одном классе с Джессикой. Я обедаю с ней и ее подружками. Есть еще один мальчик, Майк, он очень хорошо ко мне относится. И все остальные тоже.

С одним примечательным исключением.

– Это, наверное, Майк Ньютон. Славный малый из хорошей семьи. У его отца магазин спорттоваров в пригороде. Неплохо зарабатывает за счет заезжих туристов.

– А Калленов ты знаешь? – нерешительно спросила я.

– Семейю доктора Каллена? Конечно. Доктор – молодчина.

– Знаешь, его дети... они не как все. По-моему, они не вписываются в школьную компанию.

Чарли удивил меня, сердито нахмурившись.

– Ох уж эти местные, – буркнул он. – Доктор Каллен – прекрасный хирург, он мог бы работать в любой больнице мира и зарабатывать в десять раз больше, чем здесь, – продолжал он уже громче. – Повезло нам с ним – повезло, что его жена согласилась поселиться в маленьком городке. Для местного общества он настоящая находка, все его дети хорошо воспитаны и вежливы. У меня были на их счет сомнения, когда они только переехали – я

думал, с такой компанией усыновленных подростков мы проблем не оберемся. Но все они ведут себя как порядочные и ответственные люди, ни к одному из них у меня нет абсолютно никаких претензий. В отличие от детей некоторых местных, которые живут здесь из поколения в поколение! Вдобавок Каллены держатся все вместе, как и полагается семье, каждые выходные выбирают на природу... Но в городе они недавно, вот про них и болтают.

Я в первый раз услышала от Чарли такую длинную речь. Наверное, он слишком близко к сердцу принял сплетни о Калленах.

Я поспешила поправиться:

– Они показались мне неплохими людьми. Просто держатся особняком. Зато очень красивые, – тут же добавила я, чтобы не расстраивать Чарли.

– Видела бы ты доктора! – засмеялся Чарли. – В его присутствии медсестрам не до работы. К счастью, он обожает свою жену.

Мы закончили ужин в молчании. Чарли убрал со стола, я занялась посудой. Он вернулся к телевизору, а я помыла посуду – посудомоечной машины в хозяйстве Чарли не оказалось – и нехотя направилась наверх, делать математику. Видимо, так и закладываются традиции.

Той ночью дождь наконец утих, и от усталости я быстро уснула.

Остаток недели событиями не баловал. Я привыкла к расписанию, к пятнице научилась узнавать если не по имени, то хотя бы в лицо почти всех учеников школы. В спортзале ребята из моей команды усвоили, что мячи мне лучше не пасовать, а если противник пытался воспользоваться моей слабостью, быстро заслоняли меня. А я старалась не путаться у остальных под ногами.

Эдвард Каллен в школе не появлялся.

Каждый день я не находила себе места, пока Каллены не приходили в кафетерий без него. Только после этого я успокаивалась и присоединялась к общей беседе за столом. В основном обсуждали поездку в зону отдыха «Ла-Пуш Оушен-парк», которую затеял Майк. Она должна была состояться через две недели. Меня тоже пригласили, и я согласилась – скорее из вежливости. Побережью океана положено быть жарким и сухим.

К пятнице я привыкла входить в кабинет биологии, не опасаясь увидеть там Эдварда. Откуда мне знать? – может, он вообще бросил школу. Я старалась не думать о нем, но не могла отделаться от мысли, что в его продолжительном отсутствии виновата я, как бы нелепо это ни звучало.

Мои первые выходные в Форксе прошли без приключений. Чарли еще не привык к тому, что он теперь живет не один, и почти все время пропадал на работе. Я навела в доме порядок, разделалась с домашними заданиями, написала маме еще одно притворно-жизнерадостное письмо. В субботу съездила в местную библиотеку, но выбор книг оказался таким скудным, что я не стала даже записываться; придется наметить на ближайшее время поездку в Олимпию или Сиэтл и поискать там хороший книжный магазин. Мимоходом прикинув, сколько бензина сжигает мой пикап на километр пути, я содрогнулась.

Все выходные дождь был несильным, почти бесшумным, и я сумела как следует выспаться.

В понедельник утром на стоянке со мной поздоровались сразу несколько человек. Я не знала их имен, но каждому махала в ответ и улыбалась. Этим утром похолодало, но, к счастью, дождя не было. На английском Майк, как обычно, сидел со мной. Нам неожиданно устроили контрольную по «Грозовому перевалу» – без подвохов, совсем легкую.

В общем, я освоилась на новом месте гораздо быстрее, чем рассчитывала. И чувствовала себя комфортнее, чем ожидала.

Когда мы вышли после урока, в воздухе кружились белые снежинки. Звучали оживленные голоса учеников. Ветер леденил щеки и нос.

– Ух ты, снег! – воскликнул Майк.

Мелкие белые хлопья беспорядочно лезли мне в лицо, скапливались на обочинах дорожки.

– Ой.

Снег. Вот тебе и хороший день.

Майк удивился.

– Неужели ты не любишь снег?

– Не люблю. Он означает, что для дождя уже слишком холодно.

Еще бы.

– И потом: я думала, ему полагается падать отдельными снежинками – ну, знаешь, каждая из которых неповторима, и все такое. А эти хлопья похожи на наконечники ватных палочек.

– Ты что, никогда раньше не видела снегопада? – не поверил своим ушам Майк.

– Видела, конечно, – я сделала паузу. – По телевизору.

Майк рассмеялся, и в этот момент большой мокрый снежок ударил ему в затылок. Мы оба обернулись, чтобы посмотреть, откуда он прилетел. Я заподозрила Эрика, который уходил, повернувшись к нам спиной, но не в сторону класса, где по расписанию у него был очередной урок, а в противоположную. Майк, должно быть, тоже подумал на него. Он наклонился и зачерпнул белую кашицу.

– Увидимся за обедом, ладно? – бросила я на ходу. – Раз уж началось швыряние этой мокрой гадости, я предпочитаю спрятаться под крышей.

Он только кивнул, не сводя глаз с удаляющегося Эрика.

Все утро было только и разговоров, что о снеге – наверное, по случаю первого снегопада в этом году. Я упорно молчала. Да, снег суше, чем дождь, – пока не растаял у тебя в носках.

После испанского, направляясь в кафетерий вместе с Джессикой, я была начеку. Мокрые снежки летели со всех сторон. Я несла в руках папку, чтобы прикрываться ею, как щитом. Джессика потешалась надо мной, но, видя мое испуганное лицо, сама запустить в меня снежком не отважилась.

Майк нагнал нас у двери – он смеялся, снег таял у него на шипах прически. Вставая в очередь за едой, Майк с Джессикой воодушевленно обсуждали битву на снежках. Я по привычке взглянула на стол в самом углу. И словно примерзла к месту. За столом сидели пятеро.

Джессика потянула меня за руку.

– Эй, Белла, тебе чего взять?

Я смотрела в пол, мои уши пылали. Мне нечего стыдиться, твердила я про себя. Я ни в чем не виновата.

– Что это с Беллой? – спросил Майк у Джессики.

– Ничего, – ответила я. – Возьму сегодня содовой, – и я встала в конец очереди.

– Совсем не хочешь есть? – удивилась Джессика.

– Тошнит немного, – не поднимая глаз, объяснила я.

Я дождалась, когда они выберут еду, и направилась за ними к столу, ни на кого не глядя.

Я пила содовую, прислушиваясь к урчанию в животе. С заботой, в которой я сейчас не нуждалась, Майк дважды спросил, как я себя чувствую. Я ответила, что нормально, а тем временем прикидывала, не сказать ли мне и в самом деле больной, чтобы переждать следующий урок в медпункте.

Бред. С какой стати я должна бегать от него?

Я решила еще раз взглянуть на семейство Калленов. Если Эдвард снова ответит враждебным взглядом, я прогуляю биологию, как последняя трусиха.

Не меняя позы, я незаметно бросила взгляд в сторону Калленов. Никто из них не смотрел на меня. Я немного подняла голову.

Они смеялись. Волосы Эдварда, Джаспера и Эмметта были мокрыми от растаявшего снега. Эмметт тряс головой, рассыпая вокруг капли, а Элис и Розали уворачивались от них. Все они так же, как и мы, радовались снежному дню, но, в отличие от нас, выглядели как кинозвезды.

Однако, несмотря на веселый вид, что-то в них изменилось, и я никак не могла понять, в чем разница. Я присмотрелась к Эдварду. Пожалуй, его кожа была не такой бледной, как раньше, – может, покраснела от игры в снежки, и круги под глазами стали менее заметными. Но изменилось что-то еще. Я уставилась на него, гадая, что именно.

– Куда смотришь, Белла? – вмешалась Джессика и проследила направление моего взгляда.

И в этот миг наши с Эдвардом взгляды встретились.

Я опустила голову, спрятав лицо за волосами. Мы смотрели друг другу в глаза лишь мгновение, но я успела заметить, что сегодня в его глазах нет враждебности. Напротив, он смотрел на меня с любопытством, хотя и с оттенком легкого недовольства.

– На тебя таращится Эдвард Каллен! – хихикнула Джессика мне в ухо.

– Он не злится? – не удержавшись, спросила я.

– Нет, – мой вопрос озадачил ее. – С какой стати?

– Мне кажется, я ему не нравлюсь, – призналась я. Меня снова затошнило, я подперла голову рукой.

– Калленам никто не нравится... а может, они просто никого вокруг не замечают. А Эдвард до сих пор смотрит на тебя.

– Отвернись! – прошипела я.

Она фыркнула, но отвела взгляд. Я подняла голову ровно настолько, чтобы убедиться, что она послушалась. Вмешался Майк, который задумал грандиозную снежную битву на стоянке после уроков и предложил нам составить ему компанию. Джессика охотно согласилась. На Майка она смотрела такими глазами, что я ничуть не сомневалась: ей придется по душе любое его предложение. Я промолчала. Придется прятаться в спортзале, пока стоянка не освободится.

До конца обеденного перерыва я просидела, изучая стол перед собой. И решила сдерживать слово, которое дала себе, – пойти на биологию, ведь Эдвард вроде бы уже не злился. При мысли, что мне опять придется сидеть рядом с ним, у меня екнуло сердце.

Идти на урок вместе с Майком, как обычно, мне не хотелось: почему-то он был излюбленной мишенью для снежков школьных снайперов. Но едва мы вышли из кафетерия, как все вокруг хором застонали: шел дождь, смывший все следы снега, который растаял и теперь чистыми ледяными ручейками стекал вдоль дорожек. Пряча радость, я набросила капюшон. Значит, домой можно отправиться сразу после физкультуры.

Майк плакался всю дорогу до четвертого корпуса.

В классе я с облегчением увидела, что за моим столом по-прежнему пусто. Мистер Баннер ходил между столами, ставя на каждый микроскоп и коробку с предметными стеклами. До начала урока оставалось несколько минут, доносился ровный гул голосов. Не сводя взгляда с двери, я рисовала каракули на обложке тетради.

Я сразу услышала, как кто-то отодвинул стул рядом со мной, но по-прежнему смотрела на свой рисунок.

– Привет, – раздался негромкий мелодичный голос.

Ошеломленная тем, что Эдвард заговорил со мной, я вскинула голову. Он и на этот раз сел как можно дальше, но повернул стул в мою сторону. Даже с мокрыми и встрепанными волосами он выглядел так, словно только что закончил сниматься в рекламе геля для

укладки. Его ослепительно красивое лицо было дружелюбным и открытым, на безупречных губах играла легкая улыбка. Но глаза оставались настороженными.

– Я Эдвард Каллен, – продолжил он. – На прошлой неделе я не успел представиться. А ты, наверное, Белла Свон.

В голове все перепуталось. Неужели у меня разыгралось воображение? Сейчас Эдвард был безукоризненно вежлив. Требовалось что-нибудь ответить, он ждал. А я не могла вспомнить ни одной подходящей вежливой фразы.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – с запинкой выговорила я.

Его смех был легким и завораживающим.

– По-моему, это все знают. Твоего приезда ждал весь город.

Я поморщилась. Так я и знала.

– Да нет же, – глупо возразила я, – я о другом: почему ты назвал меня Беллой?

Он растерялся.

– А тебе больше нравится «Изабелла»?

– Нет, «Белла», – ответила я. – Но Чарли, то есть мой отец, скорее всего называет меня за спиной Изабеллой, поэтому все здесь, похоже, знают меня как Изабеллу, – сбивчиво объяснила я, чувствуя себя безнадежно тупой.

– А-а, – он умолк. Я смущенно отвернулась.

К счастью, в этот момент мистер Баннер начал урок. Я попыталась сосредоточиться на его объяснениях сегодняшней лабораторной работы. Предметные стекла в коробке лежали не по порядку. Работая в паре, мы с соседом должны были определить, какие фазы митоза представлены на каждом предметном стекле с препаратами клеток верхушки корня репчатого лука, разложить их по порядку и снабдить соответствующими этикетками. Сверяться с учебником запрещалось. Мистер Баннер сказал, что проверит результаты через двадцать минут.

– Начали! – скомандовал он.

– Сначала дамы, напарник? – спросил Эдвард. Увидев, как красива его легкая криволинейная усмешка, я не смогла ответить, только уставилась на него, как дура.

– Или я начну – как скажешь, – его улыбка погасла, он явно сомневался в том, что я в своем уме.

– Нет! – я вспыхнула. – Я первая.

Я рисовалась, хоть и совсем немного, потому что уже делала эту лабораторную и знала, на что обращать внимание. Наверняка я легко справлюсь. Я поместила первое предметное стекло под микроскоп и быстро настроила объектив с сорокакратным увеличением. Некоторое время я изучала препарат.

– Профаза, – уверенно определила я.

– Можно и мне взглянуть? – спросил Эдвард, когда я попыталась вынуть предметное стекло. С этими словами он задержал мою руку. Его пальцы были ледяными, будто перед уроком он сунул их в сугроб. Но я отдернула руку вовсе не по этой причине: от его прикосновения меня словно пронзило током.

– Извини, – пробормотал он, сразу убрав руку, но продолжая тянуться к микроскопу. Все еще ошеломленная, я смотрела, как он изучает препарат – для этого ему понадобилось даже меньше времени, чем мне.

– Профаза, – подтвердил он, аккуратно вписывая это слово в нашу рабочую таблицу. Затем он взял следующее стекло и бегло взглянул на него в микроскоп.

– Анафаза, – пробормотал он и сделал еще одну запись.

Нейтральным тоном я поинтересовалась:

– Можно?

Он усмехнулся и подвинул микроскоп ко мне.

Я прильнула к окуляру и сразу отстранилась с досадой. Вот черт, он прав.

– Третье стекло? – не глядя на него, я протянула руку.

Эдвард вложил стекло в мою ладонь, на этот раз стараясь не дотронуться до нее.

Я ограничилась самым мимолетным взглядом, на какой только была способна.

– Интерфаза, – не дожидаясь просьбы, я придвинула микроскоп Эдварду. Он посмотрел в микроскоп и сделал новую запись. Я могла бы заполнить таблицу и сама, но устыдилась при виде его отчетливого изящного почерка. Мне не хотелось портить таблицу своими каракулями.

Лабораторную мы закончили, намного опередив остальных. Я заметила, как Майк с соседкой несколько раз смотрели то на одно стекло, то на другое, сравнивая их. Еще одна пара прятала под столом открытый учебник.

Заняться больше было нечем, и я попыталась не глядеть на Эдварда – безуспешно! Я все-таки взглянула на него, а он уставился на меня как прежде, с необъяснимым раздражением в глазах. Вдруг я сообразила, почему сегодня его лицо выглядит иначе.

– Ты в контактных линзах? – не задумываясь, ляпнула я.

Мой неожиданный вопрос его озадачил.

– Нет.

– А-а... – протянула я. – Просто мне показалось, что у тебя глаза стали другими.

Он пожал плечами и отвел взгляд.

Теперь я точно знала: что-то изменилось. Я же помнила непроглядную черноту его глаз, когда в прошлый раз он впивался в меня яростным взглядом: эти глаза отчетливо выделялись на фоне бледной кожи и рыжеватых волос. А сегодня у него были глаза совершенно другого цвета – необычного, охристого, темнее, чем цвет жженного сахара, но с тем же золотистым оттенком. Я не понимала, как такое возможно – если, конечно, он не соврал про линзы. Или просто Форкс свел меня с ума в буквальном смысле слова.

Я опустила глаза. Эдвард снова сжал пальцы в кулаки.

Мистер Баннер подошел к нашему столу, выяснить, почему мы бездельничаем. Заглянув нам через плечо и увидев заполненную таблицу, он начал проверять ее.

– Эдвард, может, стоило дать Изабелле возможность поработать с микроскопом? – спросил мистер Баннер.

– Белле, – машинально поправил Эдвард. – Вообще-то она определила три препарата из пяти.

Мистер Баннер перевел взгляд на меня, его выражение стало скептическим.

– Ты уже выполняла эту работу? – спросил он.

Я смущенно улыбнулась.

– Но не с препаратами лукового корня.

– С бластурой сига?

– Да.

Мистер Баннер кивнул.

– В Финиксе ты училась по программе повышенной сложности?

– Да.

– Ну что же, – помолчав, продолжил он, – хорошо, что на лабораторных вы сидите вместе, – он невнятно добавил еще что-то и отошел. Я снова принялась черкать в тетради.

– Обидно получилось со снегом, верно? – спросил Эдвард. Мне показалось, что он заставляет себя поддерживать со мной разговор о пустяках. Паранойя снова захлестнула меня. Он как будто подслушал наш с Джессикой разговор за обедом и теперь пытался доказать, что я не права.

– Вообще-то нет, – честно ответила я вместо того, чтобы притворяться нормальной, такой же, как все. Я до сих пор пыталась отделаться от дурацких подозрений и не могла сосредоточиться.

– Ты не любишь холод, – он не спрашивал, а утверждал.

– И сырость тоже.

– Тяжко тебе приходится в Форксе, – задумчиво проговорил он.

– Еще как, – мрачно буркнула я.

По какой-то невообразимой причине мои слова заинтересовали Эдварда. Его лицо мешало мне сосредоточиться, и я старалась смотреть на него не чаще, чем требовала вежливость.

– Зачем же ты сюда приехала?

Об этом меня еще никто не спрашивал – по крайней мере, напрямик, требовательно, как он.

– Это... сложно объяснить.

– А ты попробуй, – настаивал он.

Я помолчала, а потом сделала ошибку – посмотрела ему в глаза. Эти темно-золотистые глаза смутили меня, и я выпалила, не думая:

– Моя мама снова вышла замуж.

– Пока что все понятно, – отметил он с неожиданным сочувствием. – Когда это случилось?

– В прошлом сентябре, – даже я уловила грусть в собственном голосе.

– И ты его недолюбливаешь, – предположил Эдвард все тем же доброжелательным тоном.

– Нет, Фил хороший. Может, слишком молодой, но славный.

– Почему же ты не осталась с ними?

Я понятия не имела, почему он так заинтересовался, но он не сводил с меня пронизательных глаз так, словно моя скучная биография имела жизненно важное значение.

– Фил постоянно в разъездах. Он зарабатывает на жизнь бейсболом, – я нехотя улыбнулась.

– Я мог слышать о нем? – он ответил улыбкой.

– Вряд ли. Фил играет так себе. Всего лишь в низшей лиге. И постоянно ездит куда-нибудь.

– И твоя мать отправила тебя сюда, чтобы самой ездить вместе с ним, – он опять не спрашивал, а утверждал.

Мой подбородок дрогнул.

– Никуда она меня не отправляла. Это я сама.

Он нахмурился.

– Не понимаю, – признался он так, словно безо всякой нужды раздражался от этого.

Я вздохнула: ну и к чему все эти объяснения? Эдвард по-прежнему с явным интересом смотрел на меня.

– Сначала мама оставалась со мной, но очень скучала по Филу. Она была несчастна... вот я и решила, что пора пожить у Чарли, – мрачно закончила я.

– И теперь несчастна ты, – указал он.

– И что с того? – с вызовом спросила я.

– По-моему, несправедливо, – пожал он плечами, не сводя с меня пристального взгляда.

Мой смех прозвучал невесело.

– А разве ты не знала? В жизни нет справедливости.

– Кажется, что-то в этом роде я уже слышал, – сухо подтвердил он.

– Вот, собственно, и все, – заверила я, не понимая, почему он до сих пор так внимательно смотрит на меня.

Взгляд Эдварда стал оценивающим.

– Здорово у тебя получается, – с расстановкой произнес он. – Но готов поспорить, что ты страдаешь, хотя и не подаешь виду.

Я состроила гримасу, с трудом удержавшись, чтобы не показать ему язык, как девчонка, и отвернулась.

– Я ошибся?

Отвечать я не стала.

– Нет, вряд ли, – самоуверенно добавил он вполголоса.

– А тебе-то что? – огрызнулась я, глядя, как учитель ходит по классу.

– Вопрос в самую точку, – пробормотал он так тихо, словно говорил сам с собой. После нескольких секунд молчания стало ясно, что другого ответа я не дождусь.

Я вздохнула, насупленно разглядывая классную доску.

– Я тебя раздражаю? – спросил он, словно забавляясь.

Я неосмотрительно еще раз посмотрела на него... и снова сказала правду.

– Не то чтобы ты. Скорее, я сама себя раздражаю. У меня все написано на лице – мама говорит, что читает меня, как открытую книгу. – Я нахмурилась.

– Наоборот! Тебя очень трудно читать.

Эти слова прозвучали неожиданно искренне.

– Ты, похоже, спец в этом деле, – отозвалась я.

– Ну, в общем, да, – он широко улыбнулся, сверкнув безупречными белоснежными зубами.

Тут мистер Баннер призвал класс к порядку, и я с облегчением стала его слушать. Мне не верилось, что я рассказала свою скучную историю этому удивительно красивому парню, даже не разобравшись, презирает он меня или нет. Нашим разговором он вроде бы увлекся, но теперь я видела краем глаза, как он снова отодвинулся подальше и судорожно, в несомненном напряжении вцепился в край стола.

Я сделала вид, что внимательно слушаю мистера Баннера, который возился с пленками и проектором, показывая те же фазы, которые я без труда различила под микроскопом, но мысленно продолжала прокручивать наш разговор.

Сразу после звонка Эдвард выскользнул из класса так же быстро и плавно, как в прошлый понедельник. И снова я замороженно уставилась ему вслед.

Подоспел Майк и принялся услужливо собирать мои учебники. Я представила, как он от усердия виляет хвостом.

– Кошмар! – жаловался он. – Их же вообще не различишь, эти стекла! Повезло тебе с напарником.

– Я сама справилась, – заверила я, уязвленная намеком, но тут же пожалела о своей резкости. – Просто я уже делала эту работу, – добавила я прежде, чем он успел обидеться.

– Каллен сегодня был в настроении, – заметил Майк, пока мы надевали куртки. Это наблюдение его не радовало.

Я изобразила безразличие.

– Интересно, что с ним стряслось в прошлый понедельник.

По дороге в спортзал я не слушала болтовню Майка, на физкультуре тоже витала в облаках. Сегодня я попала в одну команду с Майком, и он по-рыцарски успевал играть и на моей, и на своей позиции. Мои грезы наяву прерывались лишь ненадолго, когда наступала моя очередь подавать, а команде – бдитительно уворачиваться от моих бросков.

До стоянки я шла под мелкой изморосью, но в сухой кабине сразу воспряла духом и включила печку, уже не стесняясь надсадно ревущего мотора. Расстегнув куртку, сбросила капюшон и взбила волосы, чтобы по пути домой они успели просохнуть.

Оглядев стоянку, чтобы убедиться, что выезд свободен, я вдруг заметила неподвижную белую фигуру. Через три машины от меня, прислонившись к передней дверце «вольво», стоял Эдвард Каллен и внимательно смотрел в мою сторону. Я торопливо отвернулась, переключилась на заднюю передачу и в спешке чуть не задела ржавую «тойоту-короллу». К счастью для «тойоты», я вовремя ударила по тормозам: такую машину мой пикап легко превратил бы в металлолом. Я сделала глубокий вдох и, не глядя по сторонам, осторожно повторила попытку вырваться со своего места, на этот раз успешно. Проезжая мимо «вольво», я смотрела прямо перед собой, но, судя по тому, что заметила боковым зрением, могла бы поклясться: Каллен смеялся.

3. Феномен

Открыв глаза на следующее утро, я сразу ощутила перемену.

Другим стал свет. По-прежнему серовато-зеленый, как пасмурным днем в лесу, он заметно посветлел. Я поняла, что тумана за окном больше нет.

Вскочив, я выглянула в окно и в ужасе застонала.

Тонкий слой снега покрыл весь двор, припорошил крышу автомобиля и выбелил улицу. Мало того, капли вчерашнего дождя затвердели, покрыв иголки на деревьях причудливым панцирем, а мокрая подъездная дорожка превратилась в опасный каток. Я и на сухой земле не всегда удерживаю равновесие, а в такой день, как этот, мне лучше вообще не вылезать из постели.

Чарли уехал на работу задолго до того, как я встала. В некотором смысле жить с Чарли было все равно что одной, и я обнаружила, что наслаждаюсь одиночеством, а не страдаю от него.

На скорую руку я заправила миской хлопьев и апельсиновым соком. Не терпелось поскорее добраться до школы, и это пугало: ведь я рвалась туда вовсе не ради стимулирующей учебной атмосферы или встречи с новыми друзьями. Если уж говорить начистоту, я спешила в школу, чтобы увидеть Эдварда Каллена. Глупо, конечно. Ведь после того, что я вчера так бездумно наболтала ему, мне следовало избегать его. Верить этому парню нельзя: зачем он соврал про линзы? И почему все время пытается отстраниться, несмотря на приветливый тон? И это идеальное лицо, при воспоминании о котором перехватывает дыхание... Я прекрасно понимала, что мой мир никак не пересекается с миром Эдварда, – понимала, и все равно хотела как можно скорее увидеть его.

Мне понадобилось всецело сосредоточиться, чтобы одолеть скользкую подъездную дорожку и остаться в живых. Возле самого пикапа я чуть не потеряла равновесие, но ухитрилась схватиться за боковое зеркало и все же устояла на ногах. День определенно предвещал недоброе.

По дороге в школу я думала о Майке и Эрике, а также о том, как по-разному относились ко мне мальчишки в прежней школе и здесь. Я ничуть не сомневалась, что выгляжу точно так же, как в Финиксе. Может, на прежнем месте мальчишки не обращали на меня внимания из-за того, что все нескладные фазы подросткового возраста проходили у них на глазах? Или здесь я пользуюсь успехом только из-за того, что новенькая? Ведь новые люди в здешних краях – редкость. Может, моя неуклюжесть выглядит здесь вовсе не жалко, а даже мило, и я произвожу впечатление «девы в беде»? Как бы там ни было, собачья преданность Майка и очевидное соперничество с ним Эрика смущали меня. Пожалуй, я предпочла бы остаться незамеченной.

По черному льду, покрывающему дороги, мой пикап передвигался, не доставляя проблем. Но ехала я очень медленно, не желая оставлять за собой полосу разрушений на Мейн-стрит.

Только выйдя из пикапа у школы, я поняла, почему добралась без приключений. Заметив какой-то серебристый блеск, я обошла машину сзади, на всякий случай держась за крыло, и осмотрела колеса. Тонкие противоледные цепи, надетые на них крест-накрест, образовывали ромбы на шинах. Чарли поднялся ни свет ни заря, чтобы оснастить цепями мой пикап! Я не привыкла к тому, чтобы меня опекали, молчаливая забота Чарли застала меня врасплох.

Я все еще стояла, пытаюсь одолеть внезапно подступившие слезы, когда вдруг услышала странный звук.

Это был пронзительный скрип, который стремительно усиливался.

А потом я увидела все и сразу. Но не как в кино, в замедленной съемке: видимо, из-за выброса адреналина мой мозг заработал гораздо быстрее, и я сумела уловить картину целиком, вплоть до мельчайших подробностей.

Я видела, как Эдвард Каллен, от которого меня отделяло четыре машины, в ужасе смотрит на меня. Его лицо выделялось из целого моря лиц, на которых застыло одинаковое выражение шока. Но главную роль в этой сцене играл темно-синий фургон, который занесло, и теперь он, с заблокированными колесами, под визг тормозов крутился волчком, продвигаясь по обледенелой стоянке. Удар по заднему углу моего пикапа был неминуем, а на пути фургона, между ним и пикапом, стояла я. И времени не было даже на то, чтобы закрыть глаза.

Но за мгновение до того, как я услышала скрежет, с которым крыло фургона сложилось, огибая угол кузова пикапа, что-то с силой ударило меня, но не с той стороны, откуда я ожидала. Моя голова стукнулась о покрытый льдом асфальт, я почувствовала, как что-то твердое и холодное пригвоздило меня к нему. Оказалось, я лежу за бежевой машиной, возле которой припарковалась. Но больше я ничего не успела заметить, потому что фургон снова приближался. Со скрежетом обогнув пикап, он, продолжая скользить и поворачиваться, вновь угрожал наехать на меня.

Приглушенная брань подсказала, что рядом со мной кто-то есть, и не узнать этот голос было невозможно. Две длинные руки были рывком выброшены вперед, и фургон, содрогнувшись, остановился на расстоянии метра от моего лица, большие ладони пришились точно по размеру глубокой вмятины на боку фургона.

Белые руки задвигались так стремительно, что расплылись в воздухе. Одна вдруг схватилась снизу за кузов фургона, и одновременно что-то потащило меня прочь, пока наконец мои ноги не были перекинуты, словно тряпичные, на другое место, где задели шину бежевого автомобиля. Глухой стук металла и звон резанул уши, и фургон с лопнувшим стеклом наконец застыл на асфальте – на том самом месте, где за мгновение до этого лежали мои ноги.

Секунда гробовой тишины тянулась бесконечно, а потом раздался визг. В этом внезапном бедламе я слышала, как сразу несколько голосов повторяют мое имя. Но гораздо отчетливее, чем вопли, я различила приглушенный отчаянный возглас Эдварда Каллена:

– Белла, ты жива?

– Со мной все хорошо, – собственный голос казался мне чужим. Я попыталась сесть, и только тогда поняла, что Эдвард мертвой хваткой прижимает меня к своему боку.

– Осторожно! – предостерег он, пока я пыталась высвободиться. – Кажется, ты сильно ударила голову.

Лишь после этого я ощутила пульсирующую боль над левым ухом.

– Ой... – удивилась я.

– Так я и думал, – как ни странно, он словно с трудом удерживался от смеха.

– Но как... – Я осеклась, пытаюсь собраться с мыслями и осознать случившееся. – Как ты очутился здесь так быстро?

– Я же стоял рядом с тобой, Белла, – он снова посерьезнел.

Я попробовала сесть, и на этот раз он не стал удерживать меня, разжал руки у меня на талии и отодвинулся, насколько позволяло узкое пространство между машинами. Я увидела на его лице озабоченное и бесхитростное выражение и снова растерялась под взглядом его золотистых глаз. Так о чем я хотела спросить?

В этот момент к нам подбежала целая толпа. Со слезами на глазах эти люди что-то кричали друг другу и нам.

– Не двигайтесь! – велел кто-то.

– Вытащите Тайлера из фургона! – крикнул другой. Вокруг нас поднялась суета. Я хотела было встать, но Эдвард ледяной рукой удержал меня за плечо.

– Подожди пока.

– Холодно, – пожаловалась я, и Эдвард, удивив меня, негромко хмыкнул. В этом звуке слышалось самодовольство.

– Ты стоял вон там, – вдруг вспомнила я, и его смешок оборвался. – Возле своей машины.

Его лицо стало непреклонным.

– Нет, не там.

– Но я же видела!

Хаос вокруг нас продолжался. Я различала низкие голоса подоспевших взрослых. И упрямо продолжала спорить: я считала, что права, и добивалась от Эдварда признания моей правоты.

– Белла, я стоял рядом с тобой и оттолкнул тебя в сторону, – он пустил в ход всю ошеломляющую силу своего взгляда, словно пытался мысленно внушить мне что-то важное.

– Нет, – сопротивлялась я.

Его глаза полыхали золотом.

– Прошу тебя, Белла!

– Но почему? – допытывалась я.

– Доверься мне, – умолял он, и его мягкий голос кружил голову.

Неподалеку завывали сирены.

– Обещаешь потом все объяснить?

– Ладно, – с внезапным раздражением бросил он.

– Ладно, – зло повторила я.

Понадобилось шесть санитаров «Скорой помощи» и двое учителей – мистер Варнер и тренер Клапп – чтобы отодвинуть фургон и перенести поближе к нам носилки. Эдвард наотрез отказался лечь на них, и я попыталась последовать его примеру, но он предательски сообщил им, что я ударилась головой и, наверное, у меня сотрясение. Я чуть не умерла от унижения, когда на меня надели фиксирующий воротник. Казалось, вся школа сбежалась посмотреть, как меня грузят в кузов «Скорой помощи». Эдварду досталось место в кабине. Только этого не хватало!

В довершение всех бед шеф полиции Свон прибыл раньше, чем меня успели благополучно увезти.

– Белла! – в панике закричал он, увидев меня на носилках.

– Все хорошо, Чар... папа, – я вздохнула. – Ничего со мной не случилось.

За подтверждением он обратился к ближайшему санитару. А я отвлеклась, чтобы обдумать мешанину необъяснимых видений, беспорядочно крутившихся у меня в голове. Когда меня подняли, чтобы унести от машины, я заметила глубокую вмятину на бампере бежевой машины, очень характерную вмятину, повторяющую очертания плеч Эдварда... будто он вжался в машину с такой силой, что погнул металлическую раму... Я попыталась найти логическое объяснение происшедшему, но безуспешно.

Его семья наблюдала за нами издали, с самым разным выражением лиц – от осуждения до бешенства. А беспокойства за брата я что-то не заметила.

Разумеется, «Скорая» прибыла в окружную больницу вместе с полицейским эскортом. Все время, пока меня выгружали, я чувствовала себя нелепо. Особенно когда Эдвард просто вошел в дверь больницы на своих двоих. Мне осталось лишь скрипеть зубами.

Меня привезли в приемное отделение «Скорой» – длинную палату с кроватями в ряд, отгороженными друг от друга занавесками с пастельным рисунком. Медсестра надела мне на руку манжету тонометра и сунула под язык градусник. Поскольку никому не пришло в голову задернуть занавеску и обеспечить мне хоть какое-то подобие уединения, я решила,

что больше не обязана терпеть дурацкий фиксирующий воротник. Как только медсестра вышла, я расстегнула липучку на нем и зашвырнула его под кровать.

Снова поднялась суета, и к соседней кровати подвезли еще одну каталку. Несмотря на тугую окровавленную повязку на голове, я узнала пациента – это был Тайлер Кроули из моего класса политологии. Тайлер пострадал раз в сто сильнее, чем я, но увидев меня, заволновался.

– Белла, прости, пожалуйста!

– Тайлер, со мной все хорошо, а вот ты неважно выглядишь. Как ты?

Тем временем медсестры начали снимать с него пропитанные кровью бинты, и оказалось, что весь лоб и левая щека Тайлера усеяны множеством мелких порезов.

Мой вопрос он пропустил мимо ушей.

– Я уже думал, что задавлю тебя! Разогнался по глупости, а там лед... – он поморщился: медсестра принялась обрабатывать его раны.

– Не беспокойся, ты меня не задел.

– Но как тебе удалось отскочить так быстро? Только что была на месте и вдруг исчезла.

– Эм-м... меня Эдвард оттащил.

Он растерялся.

– Кто?

– Эдвард Каллен, он стоял рядом со мной.

Я же говорила, что врать не умею. Объяснение прозвучало неубедительно.

– Каллен? А я его не заметил... Ого, вот это реакция! Как он, ничего?

– Кажется, да. Он где-то здесь, но пришел сам, не на носилках.

Я точно знала, что я в своем уме. Так что же произошло? Объяснить то, что я видела своими глазами, оказалось невозможно.

Потом меня увезли на рентген. Я и без него могла сказать, что все в порядке. Обошлось даже без сотрясения. Я спросила сестру, можно ли мне уйти, но она велела дожидаться осмотра врача. Пришлось торчать в приемном отделении, выслушивая бесконечные извинения Тайлера и обещания загладить вину. Я изо всех сил пыталась убедить его, что со мной ничего не случилось, но он никак не мог успокоиться. Наконец я закрыла глаза и перестала отвечать ему, а он все бормотал и бормотал...

– Она спит? – спросил мелодичный голос. Я мигом открыла глаза.

В ногах моей кровати стоял усмехающийся Эдвард. Я смерила его возмущенным взглядом, хотя это было непросто – изобразить возмущение вместо восторга.

– Слушай, Эдвард, ты извини... – начал Тайлер.

Эдвард вскинул руку:

– «Нет крови – нет фола», – напомнил он спортивное правило, сверкнув зубами, и присел на край койки Тайлера, лицом ко мне. Он по-прежнему усмехался.

– Ну, каков вердикт? – спросил он у меня.

– Все хорошо, а они меня не отпускают, – пожаловалась я. – А тебя почему не привязали к носилкам?

– Меня здесь знают, – ответил он. – Не бойся, я пришел освободить тебя.

А потом из-за угла вышел доктор, и я невольно разинула рот: молодой, светловолосый, красивее всех кинозвезд, каких я только видела! Однако лицо у него было бледным и усталым, с темными кругами под глазами. Вспомнив слова Чарли, я догадалась, что это отец Эдварда.

– Итак, мисс Свон, – удивительно приятным голосом произнес доктор Каллен, – как вы себя чувствуете?

– Замечательно, – ответила я уже в который раз.

Он прошел к световому щиту у меня за головой и включил его.

– Снимки хорошие, – объявил он. – Голова не болит? Эдвард сказал, что вы сильно ударились головой.

– С головой все замечательно, – повторила я со вздохом, метнув в Эдварда злобный взгляд.

Доктор осторожно прощупал мой череп холодными пальцами. И заметил, как я поморщилась.

– Болит?

– Почти нет.

Бывало и хуже.

Услышав, как усмехнулся Эдвард, я подняла глаза и увидела его снисходительную улыбку. И зло прищурилась.

– Ну что же, можете ехать домой – ваш отец ждет в приемном покое. Но если закружится голова или появятся проблемы со зрением, немедленно приезжайте.

– А в школу можно? – спросила я, представив, как Чарли попытается окружить меня заботами.

– Сегодня вам лучше остаться дома.

Я кивнула в сторону Эдварда.

– А ему, значит, можно в школу?

– Кто-то же должен передать остальным, что мы живы, – с самодовольным видом высказался Эдвард.

– Между прочим, – заметил доктор Каллен, – почти вся школа здесь, в приемном покое.

– О, нет! – застонала я, закрыв лицо ладонями.

Доктор Каллен поднял брови.

– Хотите остаться в палате?

– Нет-нет! – испугалась я, сбросила ноги с кровати и порывисто вскочила. Слишком порывисто, отчего слегка пошатнулась, и доктору Каллену пришлось поддержать меня. Его лицо стало озабоченным.

– Все замечательно, – снова заверила я, не вдаваясь в объяснения, что ушиб головы и проблемы с равновесием никак не связаны.

– Выпейте тайленол от боли, – предложил он, помогая мне устоять на ногах.

– Боли почти нет, – возразила я.

– Похоже, вы на редкость удачливы, – улыбнулся доктор Каллен, размашисто расписываясь в моей карте.

– Это Эдвард удачливый, – поправила я, многозначительно глядя на того, о ком шла речь.

– А, да, – рассеянно согласился доктор Каллен и подошел к койке Тайлера. Интуиция меня не подвела: доктор в курсе случившегося.

– А вам, к сожалению, придется у нас задержаться, – сказал он Тайлеру, осматривая его раны.

Как только доктор отвернулся, я шагнула к Эдварду.

– Поговорим? – еле слышно шепнула я. Эдвард сделал шаг назад, лицо стало жестким.

– Тебя ждет отец, – процедил он сквозь зубы.

Я оглянулась на доктора Каллена и Тайлера.

– Мне хотелось бы поговорить с тобой наедине, – настаивала я.

С недовольным видом он повернулся и зашагал через длинную комнату. Чтобы угнаться за ним, я почти бежала. Как только мы зашли за угол и оказались в небольшом коридоре, он круто развернулся.

– Ну, чего тебе? – раздраженно выпалил он. Его глаза были ледяными.

От такой враждебности я опешила. Мой голос зазвучал не так требовательно и строго, как я рассчитывала.

– Ты обязан объясниться, – напомнила я.

– Я спас тебе жизнь и больше ничем не обязан.

Его ответ прозвучал так неприязненно, что я вздрогнула, как от боли.

– Ты же обещал!

– Белла, у тебя ушиб головы. Ты сама не понимаешь, что говоришь, – тон был язвительным.

Я вспыхнула и с вызовом уставилась на него.

– С головой у меня все в порядке.

Он пронзил меня взглядом в упор.

– Чего ты от меня хочешь, Белла?

– Хочу знать правду. Знать, зачем ты заставил меня врать.

– Ну и что, по-твоему, случилось? – рявкнул он.

Слова выплеснулись из меня разом:

– Я помню только, что рядом со мной тебя не было, и Тайлер тоже тебя не видел, и не надо твердить, что это у меня от ушиба, голова тут ни при чем! Тот фургон должен был раздавить нас обоих, но не раздавил, а на боку у него остались вмятины от твоих ладоней, и еще одна вмятина от тебя, на другой машине, а ты цел и невредим! И еще тот фургон должен был наехать мне на ноги, но ты задержал его и поднял... – Я вдруг поняла, как абсурдно все это звучит, и осеклась. В бешенстве я чувствовала, как подступают слезы, и попыталась сдержать их, стиснув зубы.

Эдвард смотрел на меня так, будто не верил своим глазам. Его лицо оставалось напряженным и застывшим.

– По-твоему, я поднял фургон?!

Судя по тону, он сомневался в моем здравом рассудке, однако слова прозвучали как отрепетированная реплика опытного актера.

Я лишь кивнула, сжав зубы.

– Ты же понимаешь: никто тебе не поверит, – с оттенком издевки выговорил он.

– А я и не собираюсь никому об этом рассказывать, – с расстановкой произнесла я, старательно сдерживая гнев.

На его лице промелькнуло удивление.

– Тогда не все ли равно?

– Мне – нет, – возразила я. – Не люблю врать, и ты должен привести очень убедительные аргументы для того, чтобы я сделала это.

– Неужели нельзя просто сказать мне «спасибо» и покончить с этим?

– Спасибо, – с негодованием бросила я и застыла в ожидании.

– Значит, не успокоишься?

– Нет.

– Ничего не поделаешь... вынужден тебя разочаровать.

Мы молча и мрачно уставились друг на друга. Глядя в это прекрасное злое лицо, я начала забывать все правильные слова, которые приготовила. Он был похож на грозного ангела.

– Ну если так, зачем вообще было утруждать? – холодно проговорила я.

Он помолчал, и на краткий миг его изумительное лицо вдруг стало беззащитным.

– Не знаю, – прошептал он, повернулся и ушел.

От злости я несколько минут не могла сойти с места, потом медленно побрела к выходу в конце коридора.

Когда я вошла в приемный покой, мне показалось, что здесь собралось все население Форкса. И все смотрели на меня. Чарли бросился было навстречу, но резко затормозил, увидев мои вскинутые руки.

– Я в полном порядке, – угрюмо заверила я.

– Что сказал врач?

– Ничего страшного. Доктор Каллен осмотрел меня и отпустил домой. – Я вздохнула. И Майк, и Джессика, и Эрик – все были здесь и начинали обступать нас. – Давай уедем, – попросила я.

Держа руку наготове, чтобы подхватить, если я начну падать, Чарли проводил меня к выходу. У застекленной двери я вяло помахала друзьям, давая понять, что у них нет причин для беспокойства, и в кои-то веки села в патрульную машину с радостью.

Мы ехали молча. Я так погрузилась в свои мысли, что почти не замечала присутствия Чарли. Во время разговора в коридоре Эдвард явно защищался, тем самым косвенно признавая, что все эти чудеса мне не привиделись.

Возле дома Чарли наконец заговорил:

– Знаешь... ты позвони Рене, – и виновато опустил голову.

Я ужаснулась.

– Ты сказал маме?!

– Извини.

Покидая машину, я хлопнула дверцей громче, чем следовало.

Мама, конечно, впала в истерику. Пришлось раз тридцать повторить, что я в полном порядке, прежде чем она успокоилась. Она умоляла меня вернуться домой, совсем забыв, что там я буду совсем одна. Сейчас у меня не было ни малейшего желания возвращаться в Финикс. Все мои мысли занимала тайна Эдварда. И не в последнюю очередь – сам Эдвард. Глупо, как же это глупо. Я не согласилась уехать из Форкса, как это сделал бы на моем месте любой нормальный здравомыслящий человек.

Тем вечером я рано ушла в свою комнату. Чарли по-прежнему озабоченно следил за мной, и это действовало мне на нервы. По дороге к себе я прихватила из ванной три таблетки тайленола. Боль утихла, и я задремала.

Той ночью мне впервые приснился Эдвард Каллен.

4. Приглашения

В сновидении царила тьма, и только кожа Эдварда слабо светилась. Я не видела его лица – он уходил вдаль, оставляя меня во мраке. Как бы я ни бежала, я не могла его догнать, как бы громко ни звала, он не оборачивался. Измученная, я проснулась среди ночи и потом долго не могла заснуть. С тех пор я видела Эдварда каждую ночь, но только издалека. И ни разу – рядом.

Месяц после инцидента на стоянке прошел в беспокойстве, напряжении и поначалу – в мучительной неловкости.

К моему ужасу, на всю оставшуюся неделю я очутилась в центре всеобщего внимания. Тайлер Кроули был невыносим – слонялся за мной по пятам в надежде заглядеть вину. Я убеждала его, что больше всего хочу, чтобы он просто обо всем забыл, тем более что со мной ничего особенного не случилось, однако он не унимался. Он ходил за мной с урока на урок, сидел во время обеда за нашим и без того многолюдным столом. Майк и Эрик были настроены к нему еще враждебнее, чем друг к другу, и я начала опасаться, что обзавелась еще одним непрошеным поклонником.

Об Эдварде никто не вспоминал, хотя я без устали объясняла, что он и есть герой – ведь это он буквально выволок меня из-под машины, рискуя собственной жизнью. Мне казалось, что мои объяснения звучат убедительно, но Джессика, Майк, Эрик и остальные в один голос твердили, что Эдвард появился рядом со мной, только когда фургон оттащили в сторону.

Я терялась в догадках, почему никто не видел того, что произошло на самом деле: он совершил невозможное и спас мне жизнь. И наконец была вынуждена признаться себе: никто не чувствовал присутствие Эдварда так же остро, как я. Никто не следил за ним так же пристально. Очень жаль.

Эдварда так ни разу и не обступили любопытные очевидцы, требуя отчета из первых рук. Как обычно, его сторонились. Каллены и Хейлы занимали тот же столик, что и всегда, не ели и разговаривали только между собой. В мою сторону никто из них больше не смотрел, особенно Эдвард.

На уроках он старался отодвинуться как можно дальше и совсем не обращал на меня внимания. Только время от времени вдруг сжимал кулаки, так что натянувшаяся кожа белела на костяшках, и я снова задавалась вопросом, на самом ли деле он так безразличен, как кажется.

Наверное, раскаивается, что спас меня от фургона Тайлера, – другого объяснения я не находила.

Через день после злополучного случая я не выдержала и попыталась заговорить с ним. С одной стороны, я все еще злилась на него за недоверие и нежелание сказать правду, несмотря на то, что я добросовестно выполнила свою часть сделки, но с другой стороны – он спас мне жизнь. От одной этой мысли жгучий гнев мгновенно сменялся трепетом благодарности.

Когда я вошла в кабинет биологии, Эдвард уже сидел там, глядя прямо перед собой. Я тоже села, ожидая, что он повернется. Но он словно и не заметил моего появления.

– Привет, Эдвард, – вежливо сказала я, всем своим видом давая понять, что не намерена возвращаться к неприятной ему теме.

Он едва заметно повернул голову, коротко кивнул и отвернулся.

Так и закончилось наше последнее общение, хотя мы по-прежнему каждый день сидели рядом. Порой, не удержавшись, я наблюдала за ним в кафетерии или на парковке. И видела, как его золотистые глаза с каждым днем все заметнее темнеют. Но на уроках делала вид, что не замечаю его. И тосковала. А сны продолжались.

В письмах Рене я врала без зазрения совести, но общий тон встревожил ее, и она несколько раз звонила. Я всячески успокаивала ее, уверяя, что меня угнетает погода.

Зато Майка радовало явное охлаждение между мной и Эдвардом. Видимо, он опасался, что я могу влюбиться в своего спасителя. Теперь же, убедившись, что этого не случилось, он осмелел и частенько подсаживался на край моего стола, чтобы поболтать перед биологией, не замечая Эдварда так же, как Эдвард не замечал нас.

После памятного гололеда снегопады прекратились надолго. Майк жалел, что битва на снежках так и не состоялась, и утешался только приближающейся поездкой на побережье. Но проходили недели, а дожди не заканчивались.

Приближался весенний бал, на который по традиции девушки приглашают парней. Мне позвонила Джессика и попросила разрешения пригласить Майка.

– Так ты правда не против? Значит, не собиралась пригласить его сама? – допытывалась она, услышав, что я нисколько не возражаю.

– Нет, Джесс, я вообще не пойду, – заверила я. Танцы – не мой конек.

– Приходи, будет весело! – сказала она без особого пыла, больше для очистки совести. Я уже давно догадалась, что она общается со мной скорее из-за того, что я популярна, чем потому, что ей искренне нравится моя компания.

– Вот и повеселишься вместе с Майком, – обнадежила я.

На следующий день на тригонометрии и испанском я с удивлением отметила, что Джессика как-то странно неразговорчива. До другого корпуса мы дошли в полном молчании. Я не рискнула спросить, в чем дело, – вдруг Майк отказал ей?

За обедом я укрепилась в своих подозрениях – Джессика села как можно дальше от Майка и воодушевленно зашебетала с Эриком. Вопреки обыкновению, Майк молчал.

И на урок он сопровождал меня молча, а смущенное выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Но о случившемся он заговорил лишь в классе, когда я заняла свое место, а он пристроился на краю моего стола. Как обычно, я остро ощущала присутствие Эдварда – совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но такого далекого...

– Знаешь... – начал Майк, глядя в пол, – Джессика пригласила меня на весенний бал.

– Здорово, – я изобразила радость и воодушевление. – С Джессикой тебе будет весело.

– М-да... – он осекся, увидев, что я улыбаюсь. Моя реакция расстроила его. – Я сказал ей, что подумую.

– О чем же здесь думать? – укоризненно спросила я, втайне радуясь, что он не отказал ей сразу.

Он вспыхнул и опустил глаза. Сочувствие к нему поколебало мою решимость.

– Я просто подумал... а вдруг меня пригласишь ты.

Я помолчала, ругая себя за внезапный прилив угрызений совести. И вдруг краем глаза увидела, как Эдвард в задумчивости повернул голову в мою сторону.

– Майк, ты должен принять приглашение Джессики, – сказала я.

– Ты уже пригласила кого-то?

Заметил ли Эдвард, как Майк стрельнул в него глазами?

– Нет, – ответила я, – на бал я вообще не пойду.

– Почему?

Мне не хотелось объяснять, что представляют собой танцы в моем исполнении, и я наскоро придумала отговорку.

– В ту субботу я еду в Сиэтл, – объяснила я. Мне все равно пора сменить обстановку, а тут как раз подвернулся случай.

– А в другие выходные съездить нельзя?

– К сожалению, нет, – ответила я. – Так что не заставляй Джесс ждать, это невежливо.

– Ага, верно, – промямлил он и вернулся на свое место удрученный. Я закрыла глаза и прижала пальцы к вискам, стараясь вытеснить из головы угрызения совести и сочувствие. Мистер Баннер обратился к классу, я вздохнула и открыла глаза.

И обнаружила, что Эдвард смотрит на меня с любопытством и уже знакомым оттенком раздражения, более очевидным теперь, когда его глаза стали черными.

В удивлении я уставилась на него в упор, ожидая, что он сразу отвернется. Но вместо этого он продолжал впиваться в меня пристальным взглядом. О том, чтобы отвернулась я, не могло быть и речи. У меня задрожали руки.

– Мистер Каллен! – вызвал учитель, ожидая ответа на вопрос, который я прослушала.

– Цикл Кребса, – ответил Эдвард, нехотя переводя взгляд на мистера Баннера.

Едва улизнув от его взгляда, я уставилась в учебник, соображая, на чем мы остановились. Как обычно, я трусливо свесила волосы с правого плеча, прикрывая лицо. Невероятно, насколько мощная волна эмоций накрыла меня только потому, что впервые за шесть недель Эдвард соизволил взглянуть на меня. Нельзя настолько поддаваться его влиянию. Это выглядит жалко. Не просто жалко – опасно.

Я изо всех сил старалась не думать о нем, и когда наконец раздался звонок, отвернулась и принялась собирать вещи, уверенная, что он, как обычно, молча выскользнет из класса.

– Белла!

Почему этот голос кажется таким знакомым, словно я знаю его не какие-нибудь несколько недель, а всю свою жизнь?

Я медленно, нехотя повернулась, опасаясь выдать свои чувства при виде его абсолютно безупречного лица. Когда я наконец повернулась, мое лицо было настороженным, а его – непроницаемым. Он молчал.

– Ну, что? Мы снова разговариваем? – не выдержав, спросила я, и этот вопрос прозвучал почти капризно.

Его губы дрогнули, он подавил усмешку.

– Вообще-то нет, – признался он.

Я закрыла глаза, пытаюсь скрыть разочарование. Он ждал.

– Тогда что тебе нужно, Эдвард? – не открывая глаз, спросила я: оказалось, что с закрытыми глазами разговаривать проще.

– Извини, – голос звучал искренне. – Понимаю, я веду себя грубо. Но так будет лучше.

Я открыла глаза. Его лицо было совершенно серьезным.

– Не понимаю, о чем ты, – настороженно проговорила я.

– Нам лучше держаться друг от друга подальше, – объяснил он. – Просто поверь мне.

Я прищурилась: это мы уже проходили.

– Какая жалость, что ты додумался до этого так поздно, – прошипела я сквозь зубы. –

А то не пришлось бы сожалеть.

– Сожалеть? – Это слово и мой тон стали для него неожиданностью. – Сожалеть о чем?

– Что не дал этому дурацкому фургону размазать меня по стоянке.

Он изумился и уставился на меня, словно не веря своим глазам.

– Думаешь, я сожалею о том, что спас тебе жизнь?!

– Я не думаю, я знаю, – выпалила я.

– Ничего ты не знаешь, – в сердцах бросил он.

Я резко отвернулась, сцепив зубы, чтобы не швырнуть ему в лицо целый поток нелепых обвинений, потом собрала учебники, встала и направилась к двери. Эффектно покинуть класс мне не удалось: зацепившись мыском ботинка за дверной косяк, я выронила книги, постояла, раздумывая, не оставить ли их здесь, потом вздохнула и уже наклонилась, намереваясь поднять их... как вдруг увидела, что Эдвард уже успел собрать их и с каменным лицом протягивает мне.

– Спасибо, – ледяным тоном произнесла я.

Он прищурился.

– Пожалуйста.

Я порывисто выпрямилась, отвернулась и проследовала в спортзал.

На физкультуре мне здорово досталось.

Играли в баскетбол. Товарищи по команде, к счастью, мне не пасовали, но я постоянно падала. И порой не одна. Сегодня я чувствовала себя особенно неуклюжей, потому что думала только об Эдварде.

Конец урока, как обычно, принес облегчение. Я почти бегом бросилась к пикапу – слишком много было вокруг людей, разговоров с которыми мне хотелось избежать. В аварии пикап почти не пострадал. Габаритные огни пришлось заменить, а если бы мне вздумалось замазать царапины, я справилась бы и сама. А родителям Тайлера пришлось продать их фургон на запчасти.

Меня чуть не хватил удар, когда я свернула за угол и увидела рослую темную фигуру, прислонившуюся к пикапу. Потом присмотрелась и узнала Эрика. И направилась к машине.

– Привет, Эрик.

– Привет, Белла.

– Что-нибудь не так? – спросила я, открывая машину. На его непривычное смущение я поначалу не обратила внимания, поэтому следующие его слова стали для меня полной неожиданностью.

– Я тут подумал... может, пойдём на весенний бал вместе? – на последнем слове он осекся.

– А мне казалось, на него девушки приглашают, – я так растерялась, что утратила чувство такта.

– Ну... да, – вяло согласился он.

Спohватившись, я постаралась сгладить неловкость улыбкой.

– Спасибо за приглашение, но в тот день я уезжаю в Сиэтл.

– А-а. Может, в другой раз.

– Конечно, – подхватила я и тут же осеклась. Не хватало еще, чтобы он воспринял мой ответ буквально.

Ссутулившись, он поплелся к школе. Неподалеку послышался негромкий смешок.

Эдвард шел мимо моего пикапа, не глядя по сторонам и крепко сжав губы. Рванув дверцу пикапа, я забралась внутрь и с грохотом захлопнула ее за собой. Взревел двигатель, задним ходом я выбралась со своего места. Эдвард уже сидел в машине. Он резко тронулся и ловко подрезал меня. И остановился, ожидая своих; я видела, что все четверо направлялись в нашу сторону, но еще не дошли до кафетерия. Меня так и подмывало поддать сзади его сияющему «вольво», но свидетелей вокруг было слишком много. Я взглянула в зеркало заднего вида – на выезд со стоянки начала выстраиваться очередь. Тайлер Кроули махал мне из стоящей прямо за мной новой «сентры». В раздражении я сделала вид, что не заметила его.

Я старалась смотреть куда угодно, только не на машину Эдварда, как вдруг услышала стук в стекло с пассажирской стороны. Тайлер! Растерявшись, я взглянула в зеркало заднего вида: мотор его машины работал, дверцу Тайлер оставил открытой. Перегнувшись через пассажирское сиденье, я завертела ручку, опуская стекло. Оно не поддавалось, и я, опустив его до половины, оставила напрасные попытки.

– Извини, Тайлер, Каллен меня запер, – бросила я недовольно, ведь задержка произошла не по моей вине.

– Да вижу я, просто хотел спросить кое-что, пока мы тут застряли, – он улыбался.

Не может быть.

– Пригласишь меня на весенний бал?

– Меня не будет в городе, Тайлер, – ответ прозвучал слишком резко. Пришлось напомнить себе: Тайлер не виноват, что из-за Майка и Эрика мой запас терпения на сегодня исчерпан.

– Ага, Майк говорил мне, – подтвердил он.

– Ну и зачем тогда?..

Он пожал плечами.

– Я подумал, ты просто не хотела его обидеть.

А вот это уже его вина, целиком и полностью.

– Извини, Тайлер, – с плохо скрытым раздражением сказала я, – но я на самом деле уезжаю.

– Ничего. Еще выпускной впереди.

Ответить я не успела: он отошел к своей машине. Я буквально чувствовала, как отражается потрясение на моем лице. Посмотрев вперед, я увидела, что Элис, Розали, Эмметт и Джаспер уже садятся в «вольво». Эдвард наблюдал за мной в зеркало заднего вида. Сомнений быть не могло: он трясся от смеха, словно слышал каждое слово, сказанное Тайлером. У меня аж зачесалась нога на педали газа: от одного удара ничего не случится, разве что немного поцарапается блестящая серебристая краска. Я завела двигатель.

Но к тому времени они расселись, и Эдвард укатил прочь. Домой я ехала медленно и осторожно, бурча себе под нос.

На ужин я запланировала энчилады с курятиной: готовить их долго, а мне надо было чем-нибудь занять себя. Пока я томила репчатый лук и чили на медленном огне, зазвонил телефон. Поначалу я не решалась ответить, но звонить мог и Чарли. Или мама.

Оказалось, что звонит торжествующая Джессика: Майк разыскал ее после уроков и принял приглашение. Не переставая помешивать свой ужин, я коротко поздравила ее. Джессика сразу начала прощаться, ей еще надо было сообщить радостную новость Анджеле и Лорен. Словно невзначай, я заметила, что Анджела, застенчивая девушка, с которой мы виделись на биологии, могла бы пригласить Эрика, а замкнутая Лорен, которая за обедом мне ни слова не сказала, – Тайлера: я слышала, что он вроде бы еще свободен. Джесс согласилась со мной. Теперь, когда насчет Майка она уже не сомневалась, ее сожаления, что меня не будет на балу, прозвучали искренне. Я опять напомнила, что еду в Сиэтл.

Повесив трубку, я сосредоточилась на ужине, особенно пока нарезала кубиками курятину: одной поездки в «Скорую» мне было вполне достаточно. Но в голове по-прежнему вертелись слова Эдварда, каждое из которых я подвергала придирчивому анализу. Что он имел в виду, говоря, что нам лучше держаться друг от друга подальше?

Внезапно до меня дошел смысл его слов, и внутри все сжалось. Он наверняка заметил, что я увлеклась им, и не хотел обнадеживать. Все дело в том, что он совершенно ко мне равнодушен.

Само собой, равнодушен, в отчаянии повторила я, и глаза защипало – запоздалая реакция на лук. Я никому не интересна. В отличие от него – интересного, умного, загадочного, безупречного, красивого... Не говоря уж о том, что он способен одной левой поднять целый фургон.

Ну и пусть. Я вполне могу отстать от него – и отстану. Продержусь еще немного в этом чистилище, в изгнании, на которое сама себя обрекла, а потом, если повезет, мне дадут стипендию в каком-нибудь колледже на Юго-Западе или даже на Гавайях. Заворачивая начинку в лепешки и ставя их в духовку, я старалась думать только о солнечных пляжах и пальмах.

Вернувшись домой и с порога учуяв запах перца, Чарли насторожился. Ничего странного: ближайшее заведение со съедобной мексиканской едой находится где-нибудь на юге Калифорнии. Но ему, полицейскому, пусть и в небольшом городке, хватило смелости съесть

первый кусок. И, кажется, он остался доволен. Забавно было наблюдать, как он постепенно начинает доверять моим кулинарным способностям.

– Папа... – начала я, когда с ужином было почти покончено.

– Да, Белла?

– В следующую субботу я поеду в Сиэтл... ничего?

Просить разрешения мне не хотелось, чтобы не создавать нежелательный прецедент, но собственное заявление показалось мне грубым, вот я и внесла поправку в самом конце.

– Зачем? – удивился он, словно не мог представить себе, что в Форксе может чего-нибудь недоставать.

– Ну, надо прикупить кое-какие книги – здесь в библиотеке выбор ограничен, и, может быть, поискать какую-нибудь одежду.

Поскольку Чарли подарил мне машину, у меня остались свободные деньги. Хотя часть из них уйдет на бензин.

– Твой пикап, наверное, жрет бензин почему зря, – эхом повторил мои мысли Чарли.

– Знаю, но я подзаправлюсь в Монтесано и в Олимпии. И в Такоме, если понадобится.

– Совсем одна едешь? – спросил он, и я не поняла: то ли он подозревает, что я тайком встречаюсь с парнем, то ли опасается, что пикап подведет меня в пути.

– Да.

– Сиэтл – большой город, смотри не заблудись, – заволновался он.

– Папа, Финикс в пять раз больше Сиэтла, а я умею ориентироваться по карте, так что не беспокойся за меня.

– Хочешь, я поеду с тобой?

Скрывая ужас, я решила схитрить:

– Давай, но я же весь день проторчу в примерочных, ты изведешься от скуки.

– Да, пожалуй. – Перспектива провести день в магазинах женской одежды отрезвила его.

– Все равно спасибо за предложение, – улыбнулась я.

– А на бал успеешь?

Гррр. Только в маленьких городках даже отцы в курсе, когда у старшеклассников танцы.

– Нет. Я не танцую, папа.

Кто, как не он, должен понять меня: сложности с равновесием я унаследовала не от мамы.

И он понял.

– А, ну ладно.

На следующее утро, завернув на стоянку, я нарочно выбрала место как можно дальше от серебристого «вольво». Не хотелось бороться с искушением или, чего доброго, оплачивать Эдварду новую машину. Выбравшись из кабины, я не удержала в руках ключи, уронила их в лужу под ногами и наклонилась, чтобы поднять. Но белая рука мелькнула в воздухе и схватила ключи, опередив меня. Вздрогнув, я выпрямилась. Эдвард Каллен стоял рядом, небрежно прислонившись к моему пикапу.

– Как тебе это удастся? – в изумлении и досаде спросила я.

– Удастся что? – Мои ключи по-прежнему были у него. Я потянулась за ними, он уронил их мне на ладонь.

– Возникать из ниоткуда.

– Белла, я не виноват, что ты такая невнимательная, – его голос был обычным – негромким, бархатистым.

Я нахмурилась, глядя на его безупречное лицо. Сегодня его глаза опять посветлели, приобрели насыщенный золотистый оттенок меда. Мне пришлось отвести взгляд, чтобы собраться с разбежавшимися мыслями.

– Зачем ты вчера вечером устроил пробку? – спросила я, не глядя на него. – Мне казалось, ты решил не замечать меня.

– Так я же не для себя, а для Тайлера. Надо было дать ему шанс, – рассмеялся он.

– Ах ты... – Подобрать достойное его ругательство не удалось. Я раскипятилась так, что об меня можно было обжечься, а Эдварда это лишь забавляло.

– И кстати, у меня и в мыслях не было не замечать тебя, – продолжал он.

– Значит, решил известить меня? Раз уж фургон Тайлера меня не прикончил?

Гнев вспыхнул в его золотистых глазах. Губы сжались в тонкую линию, смешливость исчезла бесследно.

– Белла, ты бредишь, – его низкий голос стал холодным.

Мне так захотелось что-нибудь расколотить, аж зачесались ладони. Я изумилась самой себе: руки я обычно не распускаю. Круто развернувшись, я направилась прочь.

– Подожди! – окликнул он. Я не остановилась, сердито шлепая под дождем. Эдвард легко догнал меня и подстроился к моему шагу.

– Извини, я был груб, – на ходу заговорил он. Я молчала. – По форме я был неправ, но в целом остаюсь при своем мнении, – зачем-то добавил он.

– Может, просто оставишь меня в покое? – буркнула я.

– Я хотел задать тебе вопрос, а ты сбила меня с мысли, – усмехнулся он, словно не замечая моего недовольного тона.

– У тебя что, раздвоение личности? – строго спросила я.

– Опять ты за свое.

Я вздохнула.

– Ну ладно. Какой вопрос ты хотел задать?

– Слушай, я тут подумал, через неделю в субботу... ну, знаешь, весенний бал...

– По-твоему, это смешно? – перебила я, резко повернув к нему осыпанное каплями дождя лицо.

Его глаза злорадно блеснули.

– Можно мне закончить?

Я закусила губу и стиснула руки, переплетя пальцы, чтобы не наделать глупостей.

– Я слышал, как ты говорила, что в тот день собираешься в Сиэтл, вот и подумал: может, тебя подвезти?

Этого я не ожидала.

– Что?.. – Я не могла понять, что он задумал.

– Хочешь поехать в Сиэтл вместе?

– С кем? – озадачилась я.

– Со мной, разумеется, – он выговорил каждый слог так отчетливо, словно общался с умственно отсталой.

Мое изумление не проходило.

– Но почему?

– Ну, я как раз в ближайшие недели собирался в Сиэтл и, честно говоря, не уверен, что твой пикап годится для такой поездки.

– Мой пикап в полном порядке, спасибо за заботу, – я зашагала дальше, от удивления мой гнев начал утихать.

– Тебе же не хватит бака на всю поездку, – он опять подстроился к моим шагам.

– А тебе что до этого?

Болван на блестящем «вольво»!

– Меня волнует бесполезное расходование невозобновляемых ресурсов.

– Знаешь что, Эдвард? – Назвав его по имени, я ощутила трепет и возненавидела себя. – Тебя не поймешь. Ты же говорил, что нам лучше держаться друг от друга подальше.

– Я говорил, что так было бы лучше, но я не говорил, что хочу этого.

– Ну, спасибо! Наконец-то все прояснилось.

Сплошной сарказм. Только тут я заметила, что опять остановилась. Мы стояли под навесом у кафетерия, дождь уже не бил мне в лицо при попытке взглянуть на Эдварда. Но легче от этого не стало.

– Гораздо... благоразумнее с твоей стороны было бы не водить дружбу со мной, – растолковал он. – Но я устал сторониться тебя, Белла.

Он впился в меня взглядом, голос стал прерывистым и страстным. Я вдруг разучилась дышать.

– Ты поедешь со мной в Сиэтл? – с напряжением в голосе спросил он.

Не в силах выговорить ни слова, я только кивнула.

Он сверкнул улыбкой и снова посерьезнел.

– Но ты должна держаться от меня подальше, – предостерег он. – Увидимся на уроке.

Он развернулся и направился в ту сторону, откуда мы пришли.

5. Группа крови

На английский я шла, словно в трансе. И только войдя в класс, поняла, что урок уже начался.

– Спасибо, что соизволили почтить нас своим присутствием, мисс Свон, – съехидничал мистер Мейсон.

Я вспыхнула и поспешила на свое место.

Лишь в конце урока я заметила, что Майк пересел со своего прежнего места рядом со мной, и ощутила укол совести. Но и он, и Эрик все-таки дождались меня у выхода из класса, и я расценила это как прощение. По пути на урок Майк, совсем как раньше, заговорил о прогнозе погоды на ближайшие выходные. В чередке дождей намечался краткий перерыв, так что, возможно, поездка на побережье все-таки состоится. В попытке загладить обиду, которую нанесла ему вчера, я изображала воодушевление. Это было непросто: даже если дождя все-таки не будет, температура не поднимется выше плюс десяти, да и то если нам повезет.

Остаток утра прошел как в тумане. Мне уже казалось, что я сама все придумала – и слова Эдварда, и его взгляд. Может, это был просто на редкость правдоподобный сон, который я перепутала с реальностью. Любое объяснение казалось более вероятным, чем предположение, что Эдвард проявил ко мне интерес.

В кафетерий я входила, изводясь от нетерпения и страха. Мне хотелось взглянуть ему в лицо, убедиться, что он не стал вновь таким же холодным и равнодушным, как на протяжении последних нескольких недель. Или что свершилось чудо, и этим утром я действительно услышала то, что услышала. Джессика без умолку болтала о предстоящих танцах, Лорен и Анджела уже пригласили парней и теперь надеялись пойти на бал вместе. Никто не замечал, что я их не слушаю.

Разочарование окатило меня, как только я привычно нашла взглядом в кафетерии стол Эдварда. Остальные четверо были на месте, а он отсутствовал. Уехал домой? С подавленным видом я встала в очередь рядом с продолжающей щебетать Джессикой. Аппетит пропал, я ограничилась бутылкой лимонада. Хотелось только одного: сидеть и хныкать.

– Опять Эдвард Каллен на тебя уставился, – Джессика наконец сумела привлечь мое внимание, назвав его по имени. – Интересно, почему он сегодня сел отдельно?

Я вскинула голову, взглянула в ту же сторону, что и Джессика, и увидела, что усмехающийся Эдвард смотрит на меня из-за столика в конце кафетерия, противоположном тому, где он обычно сидел. Заметив, что я смотрю на него, он поднял руку и указательным пальцем поманил меня. Я вытаращила глаза, а он подмигнул.

– Это он тебе? – спросила Джессика с обидным удивлением.

– Наверное, хочет, чтобы я помогла ему с домашней по биологии, – пробормотала я, чтобы не расстраивать ее. – Пойду узнаю, что ему надо.

Я отошла, чувствуя ее пристальный взгляд.

Подойдя к столу Эдварда, я нерешительно остановилась напротив, возле свободного стула.

– Не хочешь сесть со мной сегодня? – улыбаясь, спросил он.

Я машинально села, с опаской поглядывая на него. Он продолжал улыбаться. С трудом верилось, что эта красота – не сон. Я боялась, что в любую секунду он рассеется, как облачко дыма, а я проснусь.

Он как будто ждал от меня каких-то слов.

– Совсем другое дело, – наконец выговорила я.

– Что ж... – Он помолчал и скороговоркой закончил: – Я так решил: попал в ад – терпи муки.

Я ждала, когда он скажет хоть что-нибудь вразумительное. Бежали секунды.

– Ты же видишь: я понятия не имею, о чем ты, – наконец заметила я.

– Вижу, – он снова улыбнулся и сменил тему. – По-моему, твои друзья сердятся, что я похитил тебя.

– Ничего, переживут.

Я почувствовала, как они буравят взглядами мою спину.

– А я вот возьму и не отдам им тебя, – предупредил он с озорным блеском в глазах.

Я судорожно сглотнула.

Он рассмеялся.

– Ага, испугалась.

– Нет, – возразила я, но голос по-дурацки дрогнул. – Скорее, удивилась... Что это значит?

– Я же объяснил: я устал избегать тебя. Поэтому сдаюсь, – он все так же улыбался, но золотистые глаза посерьезнели.

– Сдаешься? – в замешательстве переспросила я.

– Да, больше не стану держаться в рамках. Отныне я делаю то, что хочу, а там будь что будет, – пока он говорил, его улыбка погасла, голос стал жестким.

– Опять ты меня запутал.

На лице вновь вспыхнула невысказанно прекрасная усмешка.

– С тобой я всегда ухитрюсь наговорить лишнего, в этом-то и беда.

– Не волнуйся, я все равно ничего не понимаю, – с иронией отозвалась я.

– На то и расчет.

– Но в переводе на нормальный язык – теперь мы друзья?

– Друзья... – с сомнением повторил он.

– А может, и нет, – пробормотала я.

Он усмехнулся.

– Ну что ж, пожалуй, можно попробовать. Но имей в виду: для тебя я не лучшая компания, – несмотря на улыбку, он не шутил.

– Ты столько об этом говоришь, – напомнила я, стараясь не замечать внезапную дрожь и говорить ровным голосом.

– Все потому, что ты меня не слушаешь. А я до сих пор жду, когда ты мне поверишь. Будь ты посообразительней, сама начала бы избегать меня.

– Ты уже не первый раз отмечаешь мой интеллект, – я прищурилась.

Он виновато улыбнулся.

– Ну что ж, поскольку я не блистаю умом, давай попробуем стать друзьями? – подвела я итог этому странному разговору.

– Давай попробуем.

Я перевела взгляд на свои руки, в которых держала бутылку лимонада, не зная, что делать дальше.

– О чем задумалась? – любопытно спросил он.

Его темно-золотистые глаза опять сбили меня с толку, и я, как обычно, брякнула правду:

– Пытаюсь тебя раскусить.

Он сжал зубы, но продолжал улыбаться, – правда, с трудом.

– И как, получается? – небрежно спросил он.

– Не очень, – призналась я.

Он хмыкнул.

– Какие версии? Может, поделишься?

Я вспыхнула. Весь последний месяц я колебалась между Брюсом Уэйном и Питером Паркером. Но признаваться в этом Эдварду не собиралась.

– Не скажешь? – спросил он, склонив голову набок с ошеломляюще обольстительной улыбкой.

Я покачала головой.

– Нет, не решусь.

– А вот это уже и в самом деле обидно, – расстроился он.

– Неужели? – прищурившись, протянула я. – Разве это обидно – когда человек отказывается тебе что-то рассказать? А некоторые еще делают при этом загадочные намеки, так что ты потом не спишь по ночам, пытаешься разобраться, что имелось в виду.

Он поморщился.

– Или еще, например, – меня понесло, – допустим, некий человек спасает тебе жизнь, а на следующий день будто и знать тебя не желает. И все это без объяснений. Так что какие могут быть обиды?

– Быстро же ты заводишься.

– Просто не люблю двойные стандарты.

Мы смотрели друг на друга в упор.

Он перевел взгляд выше, поверх моего плеча, и вдруг фыркнул.

– Ты что?

– Твой приятель, похоже, решил, что я тебя обижаю, и раздумывает, пора нас уже разнимать или нет.

– Не знаю, о ком ты говоришь, – ледяным тоном ответила я. – Но в любом случае ты ошибаешься, можешь мне поверить.

– Я прав. Я же тебе говорил: большинство людей читаются на раз.

– А я – нет.

– А ты – нет, – его настроение мгновенно изменилось, взгляд помрачнел. – И мне хотелось бы знать, почему.

Его взгляд стал таким пристальным, что я опустила глаза и принялась отвинчивать крышку с бутылки. Потом сделала глоток, уставившись в стол невидящим взглядом.

– Не хочешь есть? – сменил тему Эдвард.

– Не хочу, – не стоило объяснять, что я уже сыта по горло – нервной дрожью в желудке. – А ты? – перед ним на столе было пусто.

– Я не голоден.

Он произнес эти слова с интонацией, которую я не поняла, – кажется, посмеялся шутке, известной лишь в его кругу.

– У меня есть просьба, – после секундного замешательства сказала я.

Он мгновенно насторожился.

– Какая?

– Ничего сложного, – заверила я.

Он ждал в напряжении и в то же время с интересом.

– Я вот подумала... в следующий раз, когда ты снова решишь не замечать меня ради моего же блага, не мог бы ты предупредить об этом заранее? Просто чтобы я успела подготовиться, – объясняя все это, я смотрела на свою бутылку лимонада и обводила мизинцем горлышко.

– Звучит логично.

Подняв взгляд, я заметила, что он сжимает губы, с трудом удерживаясь от смеха.

– Спасибо.

– Тогда я тоже попрошу. – Тон был требовательным.

– Хорошо.

– Поделись гипотезой. Хотя бы одной.

Ой.

– Только не это.

– Ты не ставила условий, просто согласилась выполнить просьбу, – напомнил он.

– Как будто ты никогда не нарушал обещаний! – парировала я.

– Всего одну гипотезу. Я не буду смеяться.

– Еще как будешь, – в этом я не сомневалась.

Он опустил голову, а потом бросил на меня опаляющий взгляд золотистых глаз из-под длинных черных ресниц.

– Ну пожалуйста! – выдохнул он, наклоняясь ко мне.

Я заморгала, в голове вмиг стало пусто. Господи, как ему это удастся?

– Э-э... что? – оторопело спросила я.

– Пожалуйста, скажи мне свою гипотезу – одну, самую маленькую, – он не сводил с меня пылающих глаз.

– Эм-м... тебя укусил радиоактивный паук?

Может, он еще и гипнозом владеет? Или это я безвольная тряпка?

– С фантазией у тебя не ахти, – иронически оценил он.

– Ну извини, больше ничего не придумала, – оскорбилась я.

– Ничего похожего и в помине нет.

– Не было пауков?

– Ни единого.

– И радиоактивности тоже?

– Вообще.

– Не повезло, – вздохнула я.

– И криптонит на меня не действует, – ухмыльнулся он.

– А говорил, что не будешь смеяться. Уже забыл?

Он попытался сделать серьезное лицо.

– Рано или поздно я все равно узнаю, – предупредила я.

– Даже не пытайся, – он опять не шутил.

– Это еще почему?

– А вдруг я не супергерой? Вдруг я злодей? – он весело улыбался, но взгляд был непроницаемым.

– А-а, – отозвалась я, и сразу несколько его намеков вдруг обрели смысл. – Поняла.

– Правда? – Его лицо вдруг стало строгим, словно он жалел, что ненароком проговорился.

– Тебя надо бояться? – предположила я, и сердце забилось чаще: интуиция подсказывала, что я попала в точку. Он и вправду опасен. Именно это он и пытался мне втолковать.

Он только смотрел на меня глазами, в которых отражались недоступные моему пониманию чувства.

– Но ты не злодей, – прошептала я, качая головой. – Нет, я не верю, что ты настолько плох.

– Напрасно, – его голос прозвучал чуть слышно. Не поднимая глаз, он забрал у меня крышку от бутылки и раскрутил ее, поставив на ребро. Я уставилась на него, гадая, почему мне не страшно. Ведь он не шутит, это ясно как день. А я ощущала лишь нетерпение, волнение, и главное – увлеченность. Так я всегда себя чувствовала, оказываясь рядом с ним.

Молчание длилось, пока я не заметила, что кафетерий почти опустел.

Я вскочила.

– Опоздаем!

– Сегодня я не пойду на урок, – ответил он, снова раскручивая крышку. Она вращалась с такой скоростью, что превратилась в размытое пятно.

– Почему?

– Изредка прогуливать уроки полезно для здоровья, – он улыбался, но взгляд по-прежнему был беспокойным.

– А я пойду, – сказала я. Мне, трусихе, не хотелось получить нагоняй.

Он снова занялся своей импровизированной юлой.

– Ладно, до встречи.

Я медлила, желая разорваться, пока первый звонок не заставил меня вылететь за дверь. Обернувшись перед уходом, я заметила, что Эдвард даже не шелохнулся.

На урок я почти бежала, мысли вертелись быстрее, чем крышка от бутылки. Горстка полученных ответов не шла ни в какое сравнение с лавиной новых, только что возникших вопросов. Хорошо, хоть дождь прекратился.

Мне повезло влететь в класс, опередив мистера Баннера. Быстро усевшись на место, я заметила, что на меня глазеют Майк и Анджела: у него был обиженный вид, а у нее – удивленный и слегка испуганный.

Вошедший мистер Баннер потребовал тишины. Он поставил на стол Майка несколько картонных коробок и велел передать их остальным.

– Итак, я хочу, чтобы все вы взяли по одному предмету из каждой коробки, – начал он, доставая из кармана лабораторного халата резиновые перчатки и надевая их. Скрип натянувшейся на запястьях резины показался мне зловещим. – Первый из этих предметов – картиндикатор, – продолжал он, показывая классу белую карточку с четырьмя квадратами на ней. – Второй – аппликатор с четырьмя зубцами, – он поднял что-то похожее на почти беззубый гребень, – а третий – стерильный одноразовый ланцет, – он взял голубую пластмассовую штучку и отломил колпачок. Издалека иглу было не разглядеть, но у меня все равно екнуло в животе.

– Я подойду к каждому с пипеткой для воды, чтобы подготовить карты, поэтому прошу вас не начинать, пока я к вам не подошел, – он снова начал со стола Майка и аккуратно капнул водой на каждый из четырех квадратов. – Теперь надо осторожно уколоть палец ланцетом... – он схватил Майка за руку и кольнул иглой подушечку среднего пальца. О, нет! На лбу у меня проступил холодный пот.

– Возьмите по капле крови каждым зубцом аппликатора, – что он и продемонстрировал, сжимая палец Майка, пока на нем не набухла капля крови. Я судорожно сглотнула, борясь с подступающей тошнотой.

– И нанесите ее на карту, – закончил он, предъявляя нам карточку с расплывающимся кровавым пятном. Я закрыла глаза, пытаюсь расслышать объяснения сквозь звон в ушах.

– В следующие выходные Красный Крест проводит в Порт-Анджелесе день донора, вот я и подумал, что всем вам следует знать свою группу крови, – объяснил довольный собой мистер Баннер. – Тем, кому еще нет восемнадцати, понадобится разрешение родителей. Бланки у меня на столе.

Он продолжал обходить класс с пипеткой воды. Я прижалась щекой к прохладной черной крышке стола и попыталась остаться в сознании. Вокруг меня слышались визг, причитания, смешки – мои одноклассники тыкали ланцетами в пальцы. Я медленно и размеренно дышала ртом.

– Белла, что с тобой? – встревоженный голос мистера Баннера прозвучал совсем рядом, над моей головой.

– Мистер Баннер, я уже знаю свою группу крови, – слабо выговорила я, не поднимая головы.

– Тебе плохо?

– Да, сэр, – пробормотала я, продолжая мысленно корить себя за то, что не прогуляла биологию вместе с Эдвардом.

– Пожалуйста, кто-нибудь, отведите Беллу к медсестре! – обратился он к классу.

В провожатые вызвался Майк.

– Идти сможешь? – спросил мистер Баннер.

– Да, – шепнула я. Что угодно, лишь бы выбраться отсюда, думала я. Хоть ползком.

Майк поспешил обнять меня за талию и закинуть мою руку себе на плечи. Выходя из класса, я повисла на нем всем телом.

Майк медленно вел меня по территории школы. Когда мы свернули за угол кафетерия и скрылись от глаз мистера Баннера, я остановилась.

– Я посижу немножко, ладно? – попросила я.

Он помог мне присесть на бордюр.

– Только палец спрячь в карман, – предупредила я. Голова кружилась по-прежнему. Я повалилась на бок, прижалась щекой к холодному и влажному бетону и закрыла глаза. Вот так уже лучше.

– Ого, ты аж позеленела, Белла, – занервничал Майк.

– Белла! – позвал издали другой голос.

О, нет! Только бы этот до боли знакомый голос мне померещился!

– В чем дело? Ей плохо? – Голос приблизился, в нем слышалось беспокойство. Значит, не померещилось. Я крепко зажмурилась, мечтая умереть. Или хотя бы сдержать рвоту.

Майк совсем разволновался.

– По-моему, она в обмороке. Не знаю, почему, она даже палец себе не колола.

– Белла! – с заметным облегчением произнес Эдвард совсем рядом. – Ты меня слышишь?

– Нет, – простонала я. – Уходи.

Эдвард усмехнулся.

– Я вел ее к медсестре, – объяснял Майк, словно оправдываясь, – а она не пошла дальше.

– Я сам отведу ее, – сказал Эдвард. Судя по голосу, он улыбался. – А ты иди в класс.

– Не пойду, – заупрямился Майк, – мне учитель велел.

Вдруг бордюр словно растворился подо мной. В ужасе я открыла глаза и обнаружила, что Эдвард поднял меня на руки так легко, словно я весила килограммов пять, а не пятьдесят.

– Положи на место!

Господи, только бы меня не вырвало прямо на него! Не дослушав меня, он зашагал вперед.

– Эй! – крикнул вслед Майк, отставший на десять шагов.

Эдвард не слушал его.

– Выглядишь жутко, – с усмешкой сказал он мне.

– Отпусти меня, – заныла я. От его движений при ходьбе меня опять затошнило. Он бережно удерживал весь мой вес на вытянутых руках, не прижимая к себе, и похоже, без всякого труда.

– Значит, тебе стало дурно при виде крови? – спросил он так, будто забавлялся.

Я не ответила. Закрыв глаза, я сжимала зубы, изо всех сил сдерживая тошноту.

– Даже не твоей, а чужой, – с довольным видом добавил он.

Не знаю, как он умудрился открыть дверь со мной на руках, но мне вдруг стало тепло, и я поняла, что мы в помещении.

– Боже мой! – ахнул женский голос.

– Ей стало плохо на биологии, – объяснил Эдвард.

Я открыла глаза: мы были в административном корпусе, Эдвард нес меня мимо стойки к медпункту. Рыжеволосая мисс Коуп бросилась вперед, чтобы открыть перед нами дверь. Медсестра, похожая на бабушку, изумленно подняла взгляд от романа, когда Эдвард зашел в медпункт и бережно положил меня на хрустнувшую одноразовую простыню поверх коричневой клеенчатой кушетки. Положил и отошел в дальний угол тесной комнаты. Его глаза возбужденно блестели.

– У нее просто закружилась голова, – успокоил он всполошившуюся медсестру. – Они определяли группу крови на биологии.

Медсестра понимающе закивала.

– Такое вечно с кем-нибудь случается.

Эдвард подавил смешок.

– Просто полежи минутку, милочка, и все пройдет.

– Наверное, – я вздохнула. Тошнота уже отступала.

– Часто с тобой такое? – спросила медсестра.

– Иногда случается, – призналась я. Эдвард закашлялся, пряча очередной приступ смеха.

– А ты можешь возвращаться на урок, – сказала ему медсестра.

– Мне велели побыть с ней, – он заявил об этом так уверенно, что медсестра не стала спорить, хоть и поджала губы.

– Сейчас принесу пузырек со льдом, положить тебе на голову, милочка, – пообещала она и скрылась за дверью.

– Ты был прав, – простонала я, с облегчением закрывая глаза.

– Как обычно. И в чем же на этот раз?

– Прогуливать и вправду полезно для здоровья, – я старалась дышать ровно.

– Поначалу ты меня так напугала, – после паузы признался он, словно речь шла об унижительной слабости. – Я уж думал, Майк Ньютон тащит твой хладный труп в лес, чтобы зарыть там!

– Обхохочешься, – я не открывала глаз, но с каждой минутой чувствовала себя все лучше.

– Без шуток, я видел покойников, у которых цвет лица был получше. И перепугался, что теперь придется мстить твоему убийце.

– Бедняга Майк. Наверняка взбесился.

– Он меня на дух не переносит, – жизнерадостно согласился Эдвард.

– Тебе-то откуда знать? – возразила я, но вдруг задумалась: возможно, он прав.

– Это видно по его лицу.

– Но откуда ты вообще взялся? Ты же вроде прогуливал. – Мне заметно полегчало, хотя тошнота, наверное, прошла бы быстрее, если бы я съела что-нибудь за обедом. А может, это и к лучшему, что в желудке у меня было пусто.

– Сидел в машине, слушал музыку.

Настолько нормальный ответ – я даже удивилась.

Услышав скрип двери, я открыла глаза и увидела медсестру с холодным компрессом.

– Вот так, милочка, – она положила компресс мне на лоб. – Выглядишь гораздо лучше, – добавила она.

– Наверное, все уже прошло. – Я села. В ушах еще звенело, но голова не кружилась. И мятно-зеленые стены стояли как положено.

Медсестра собиралась снова уложить меня, но тут дверь открылась, и в медпункт заглянула мисс Коуп.

– К вам еще пациент, – сообщила она.

Я поспешно встала, освобождая кушетку для очередного страдальца.

Компресс я вернула медсестре.

– Возьмите, мне он уже не нужен.

В дверь вошел пошатывающийся Майк, ведя изжелта-бледного Ли Стивенса, еще одного моего одноклассника с биологии. Мы с Эдвардом прижались к стене, пропуская их.

– О, нет... – пробормотал Эдвард. – Выйди в приемную, Белла.

Я недоуменно смотрела на него.

– Поверь, так будет лучше, выйди.

Повернувшись, я юркнула в щель закрывающейся двери медпункта. Эдвард вышел следом.

– Наконец-то ты меня послушалась, – поразился он.

– Кровью пахло, – я сморщила нос. Видимо, в отличие от меня, Ли мутило от вида собственной крови.

– Люди не чувствуют запах крови, – возразил он.

– А я чувствую, и меня от него тошнит. Кровь пахнет ржавчиной... и солью.

Он уставился на меня с выражением, недоступным моему пониманию.

– Ну, что? – спросила я.

– Ничего.

Вышел Майк и посмотрел сначала на меня, потом на Эдварда. Похоже, Эдвард не ошибся, утверждая, что Майк его на дух не переносит. Он окинул меня хмурым взглядом.

– Выглядишь лучше, – с осуждением заметил он.

– Только палец из кармана не вынимай, – снова предупредила я.

– Крови больше нет, – заверил он. – Вернешься на урок?

– Шутишь? Придется опять вести меня в медпункт.

– Это уж точно... Так ты едешь в выходные? На побережье? – с этими словами он метнул еще один свирепый взгляд на Эдварда, который прислонился к заваленной бумагами стойке и с неподвижностью статуи смотрел в пустоту.

Я постаралась ответить как можно приветливее:

– Конечно, я же сказала.

– Тогда встречаемся у отцовского магазина в десять. – Он снова стрельнул глазами в Эдварда, словно сомневался, стоит ли выдавать эту секретную информацию при нем. Всем своим видом Майк давал понять, что на Эдварда приглашение не распространяется.

– Буду вовремя, – пообещала я.

– На физкультуре увидимся. – Он нерешительно направился к двери.

– Увидимся, – повторила я. Круглое лицо Майка стало чуть обиженным, он еще раз взглянул на меня и вышел за дверь, ссутулившись. На меня нахлынула волна сочувствия. Пришлось представить, как буду смотреть в его недовольное лицо еще целый урок... на физкультуре.

– Физкультура! – простонала я.

– Сейчас что-нибудь придумаем. – Я и не заметила, как Эдвард подошел и зашептал мне на ухо: – Сядь и притворись, что тебе плохо.

Задача оказалась несложной: бледной я выгляжу всегда, а после недавнего головокружения мое лицо по-прежнему блестело от испарины. Я опустила на скрипучий складной стул, запрокинула голову, прижавшись затылком к стене, и закрыла глаза. После обморочных состояний я всегда чувствовала себя обессиленной.

Я услышала, как Эдвард негромко окликнул женщину за стойкой:

– Мисс Коуп!

– Да?

А я и не заметила, как она вернулась на рабочее место.

– Следующим уроком у Беллы физкультура, а ей, кажется, все еще плохо. Наверное, будет лучше, если я прямо сейчас отвезу ее домой. Вы не могли бы дать ей освобождение от урока?

Его голос сочился медом. Нетрудно было представить себе, каким головокружительным взглядом он одарил мисс Коуп.

– Наверное, и ей освобождение, и тебе тоже – да, Эдвард? – засуетилась мисс Коуп.

Ну почему я так не могу?

– Нет, у меня урок у миссис Гофф, она меня отпустит.

– Вот и хорошо. Поправляйся, Белла, – обратилась она ко мне. Я слабо кивнула, самую малость переигрывая.

– Сама дойдешь? Или тебя донести? – Эдвард стоял спиной к мисс Коуп, поэтому усмехался с нескрываемым сарказмом.

– Дойду.

Встала я с опаской, но убедилась, что чувствую себя неплохо. Придерживая передо мной дверь, Эдвард вежливо улыбался, хотя его глаза насмешливо блеснули. Я вышла под холодный мелкий дождь, который только недавно начался. Впервые в жизни обрадовавшись воде, падающей с неба, я подставила дождю лицо, чтобы он смыл липкую испарину.

– Спасибо, – сказала я Эдварду, вышедшему за мной. – Ради того, чтобы отделаться от физкультуры, можно и в обморок упасть!

– Не за что. – Он смотрел прямо перед собой, щурясь от дождя.

– Так ты поедешь? В субботу? – Хорошо бы он согласился, хоть это и маловероятно. Невозможно было представить даже, чтобы он сел в машину к кому-нибудь из ребят – он из другого мира. Но мне хватило одного только проблеска надежды, что он поедет с нами, чтобы впервые подумать о поездке с энтузиазмом.

– А куда вы едете?

Эдвард все так же безучастно смотрел вперед.

– В Ла-Пуш, на Ферст-Бич. – Я взглядела в его лицо, пытаюсь понять реакцию. Глаза Эдварда чуть заметно сузились.

Скосив на меня взгляд, он иронично улыбнулся.

– Меня, кажется, не приглашали.

Я вздохнула.

– Я приглашаю.

– На этой неделе мы с тобой больше не будем доводить беднягу Майка. А то еще сорвется.

В его глазах плясали искры: похоже, ему нравится доводить беднягу Майка.

– Майк-шмайк, – буркнула я, задумавшись о том, каким тоном он произнес «мы с тобой». Это понравилось мне – больше, чем я была готова себе признаться.

У стоянки я повернула налево, к своему пикапу, но Эдвард схватил меня за куртку и притянул обратно.

– Куда это ты собралась? – возмущенно спросил он, намотав на кулак ткань куртки.

Я озадачилась.

– Домой, а что?

– Ты не слышала, что я обещал благополучно доставить тебя до дома? Думаешь, я разрешу тебе сесть за руль в таком состоянии? – голос был негодующим.

– При чем тут состояние? А как же мой пикап? – расстроилась я.

– Попрошу Элис пригнать его после уроков. – Он потянул меня к своей машине, схватив за куртку. Пришлось перебирать ногами, чтобы не рухнуть навзничь. Если бы я упала, он, наверное, потащил бы меня волоком.

– Пусти! – требовала я, но он не слушал. Так и пришлось тащиться за ним, спотыкаясь, до самого «вольво». Только тогда он наконец отпустил меня, и я наткнулась на пассажирскую дверцу.

– Какая наглость! – буркнула я.

– Открыто, – только и ответил он и сел за руль.

– Я вполне способна сама доехать до дома!

Возмущаясь, я стояла возле машины. Дождь усилился, капюшон я не надела, и теперь вода с волос стекала мне за шиворот.

Нажатием кнопки он опустил стекло и наклонился ко мне через сиденье.

– Садись в машину, Белла.

Я не ответила, мысленно прикидывая, успею ли добежать до пикапа, прежде чем он меня догонит.

– Обратно приволоку, – пригрозил он, разгадав мой план.

Я попыталась с достоинством сесть в машину. Но попытку вряд ли можно назвать успешной: я больше напоминала мокрую кошку, а ботинки противно скрипели.

– В этом нет никакой необходимости, – сухо обронила я.

Эдвард не ответил: нажимал кнопки, включал печку, приглушал музыку. Пока он выезжал со стоянки, я решила в отместку поиграть с ним в молчанку и даже заранее надула губы, но тут услышала знакомую мелодию, и любопытство заставило меня передумать.

– «Лунный свет»?

– Ты знаешь Дебюсси? – он тоже удивился.

– Немного. Мама часто включает дома классическую музыку.

– Это одна из моих любимых пьес, – задумчиво сказал он.

Я слушала музыку, расслабившись на светло-сером кожаном сиденье. Дождь превратил пейзаж за окном в скопление серо-зеленых клякс. Мы ехали очень быстро, но машина неслась так плавно и ровно, что я почти не чувствовала скорости.

– Расскажи о своей матери, – вдруг сказал Эдвард.

Я повернула голову и увидела, что он с любопытством разглядывает меня.

– Внешне мы похожи, только она красивее, – объяснила я, и он вскинул брови. – Во мне слишком много от Чарли. Мама смелая, общительная, не то что я. Легкомысленная, немного эксцентричная, любит кулинарные эксперименты, правда, предугадать исход этих экспериментов практически невозможно. Мы с ней лучшие подруги, – я умолкла, вдруг осознав, что соскучилась по маме.

– Сколько тебе лет, Белла? – он был чем-то расстроен.

Машина остановилась, и я обнаружила, что мы уже возле дома Чарли. Дождь лил стеной, так что здание едва просматривалось. Казалось, машина погрузилась под воду.

– Семнадцать, – чуть смутилась я.

– На семнадцать ты не выглядишь.

Он словно в чем-то упрекал меня, и я рассмеялась.

– Ты что? – в нем снова проснулось любопытство.

– Мама вечно твердит, что я родилась тридцатипятилетней и с каждым годом становлюсь все больше похожей на женщину средних лет, – я рассмеялась, потом вздохнула. – Что ж, должен же кто-то в семье быть взрослым. – После секундной паузы я заметила: – Ты тоже не очень-то похож на старшеклассника.

Он поморщился и сменил тему.

– Так почему же твоя мать вышла за Филадельфа?

Я удивилась, что он запомнил, как его зовут – ведь я упоминала это имя всего один раз, почти два месяца назад. Ответила я после минутного размышления.

– Моя мама... для своих лет она очень молода. А с Филом, по-моему, чувствует себя еще моложе. Во всяком случае, она в него влюблена, – я покачала головой. Эта влюбленность оставалась для меня загадкой.

– И ты не против ее брака?

– А не все ли равно? – возразила я. – Я хочу, чтобы мама была счастлива... а она хочет быть вместе с этим человеком.

– Такое великодушие... интересно... – задумчиво отозвался он.

– Что именно?

– Готова ли она отплатить тебе той же монетой, как ты думаешь? Кем бы ни оказался твой избранник? – Он вдруг впился в меня взглядом.

– Д-думаю, да, – с запинкой ответила я. – Но она же мать. Это другое дело.

– В таком случае не выбирай слишком страшных, – поддразнил меня он.

В ответ я усмехнулась.

– Слишком страшных – это каких? Сплошь в пирсинге и татуировках?

– Можно сказать и так.

– А как сказал бы ты?

Пропустив мимо ушей этот вопрос, он задал другой:

– Как думаешь, я могу быть страшным? – Он вскинул бровь, и легкая улыбка осветила его лицо.

На миг я задумалась, не зная, что прозвучит лучше: правда или ложь. И отважилась на правду.

– Хм... пожалуй, можешь, если захочешь.

– А сейчас ты меня боишься?

Улыбка исчезла, его неземное лицо вмиг стало серьезным.

– Нет, – но ответ прозвучал слишком поспешно, и улыбка появилась вновь.

– Может быть, теперь ты расскажешь мне о своей семье? – попыталась я сменить тему. – Наверняка твоя история гораздо интереснее моей.

Он мгновенно насторожился.

– Что ты хочешь узнать?

– Каллены усыновили тебя? – уточнила я.

– Да.

Я помедлила.

– Что случилось с твоими родителями?

– Они умерли много лет назад, – равнодушно ответил он.

– Сочувствую, – пробормотала я.

– На самом деле я их почти не помню. Карлайл и Эсме давным-давно уже стали мне настоящими родителями.

– И ты их любишь. – Это было скорее утверждение; он говорил о Калленах так, что ответ был очевиден.

– Да, – он улыбнулся. – Они лучше всех.

– Тебе повезло.

– Сам знаю.

– А твой брат с сестрой?

Он сверился с часами на приборной доске.

– Мои брат с сестрой, а если уж на то пошло, и Джаспер с Розали не обрадуются, если им придется мокнуть под дождем, дожидаясь меня.

– Ой, извини, тебе же надо уезжать! – выбирать из машины мне не хотелось.

– А тебе надо, чтобы пикап пригнали раньше, чем шеф полиции Свон вернется домой.

Тогда тебе не придется рассказывать о том, что стряслось с тобой на биологии.

– Да он наверняка уже в курсе. В Форксе невозможно что-то утаить, – вздохнула я. Он засмеялся, смех прозвучал чуть самодовольно.

– Удачной вам поездки на побережье. Погода в самый раз, чтобы позагорать, – он кивнул на ливень за окном.

– А разве завтра мы не увидимся?

– Нет. У нас с Эмметтом выходные начнутся досрочно.

– Чем займетесь?

Друзья вправе спрашивать об этом, верно? Я надеялась, что он не заметит разочарования в моем голосе.

– Идем в поход в заповедник Гэут-Рокс, к югу от Рейнира.

Я вспомнила: Чарли говорил, что Каллены часто ходят в походы.

– Ну ладно, удачного вам похода.

Я постаралась изобразить искренность, но, кажется, обмануть его не сумела. По губам Эдварда порхала улыбка.

– Можешь выполнить одну мою просьбу? – Он посмотрел на меня в упор, пустив в ход всю силу своих пылающих золотистых глаз.

Я беспомощно кивнула.

– Не обижайся, но ты, похоже, из тех, кто прямо-таки притягивает к себе неприятности! Так что... постарайся не свалиться в воду и не попасть под машину, ладно? – он усмехнулся.

Мою беспомощность как рукой сняло. Я ответила ему яростным взглядом.

– Сделаю, что смогу, – отрезала я и выскочила под дождь, изо всех сил хлопнув дверцей.

Уезжая, Эдвард по-прежнему улыбался.

6. Страшные истории

Сидя у себя в комнате, я делала вид, что корплю над третьим актом «Макбета», а сама слушала, не раздастся ли за окном рев моего пикапа. Мне казалось, я услышу его даже сквозь шум дождя. Но когда я в очередной раз выглянула в окно, оказалось, что пикап уже стоит у дома.

От пятницы я не ждала никаких подарков, и она в полной мере оправдала мои ожидания. Само собой, от разговоров о вчерашнем посещении медпункта было не отвертеться. Джессика смаковала историю старательнее всех. К счастью, Майк держал язык за зубами, поэтому о роли, которую сыграл в ней Эдвард, никто не знал. Но и без этого Джессика за обедом засыпала меня вопросами.

– Что нужно было вчера от тебя Эдварду Каллену? – спросила она на тригонометрии.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – До сути он так и не добрался.

– Ты была словно не в себе, – забросила она удочку.

– Правда? – как ни в чем не бывало переспросила я.

– Понимаешь, я ведь никогда раньше не видела, чтобы он сидел с кем-нибудь, кроме своих. Странно все это.

– Странно, – согласилась я.

Джессика, похоже, рассердилась. Она раздраженно отбросила за спину свои темные кудряшки. Видно, рассчитывала услышать от меня что-нибудь ценное, чтобы потом распустить слухи.

Гораздо хуже в эту пятницу было другое: Эдвард не пришел. Я знала, что он не придет, и все равно надеялась. В кафетерии, сидя рядом с Джессикой и Майком, я то и дело поглядывала в сторону стола, за которым Розали, Элис и Джаспер обсуждали что-то, склонив головы. Я подсчитала, сколько еще ждать новой встречи с Эдвардом, и окончательно впала в уныние.

За моим столом все только и говорили, что о завтрашней поездке. Майк снова оживился и возлагал большие надежды на местного синоптика, пообещавшего солнечную погоду. Я не собиралась верить в это, пока не увижу своими глазами. Но сегодня потеплело почти до плюс шестнадцати. Может, из этой поездки и выйдет что-нибудь путное.

За время обеда я заметила несколько недружелюбных взглядов Лорен, причины которых не понимала, пока мы не вышли из кафетерия. Я шла позади Лорен и видела ее гладкие, серебристо-белокурые волосы на расстоянии шага перед собой, а она об этом, очевидно, не подозревала. Я услышала, как она вполголоса говорит Майку:

– ...не понимаю, почему Белла... – она издевательски выговорила мое имя, – ...до сих пор не пересела к Калленам.

Раньше я не замечала, какой у нее противный гнусавый голос, вдобавок меня удивила прозвучавшая в нем злоба. Мы с Лорен были почти не знакомы – во всяком случае, она знала меня недостаточно хорошо, чтобы недолго любить. По крайней мере, раньше мне так казалось.

– Мы с ней друзья, поэтому она сидит с нами, – преданно, но с оттенком собственничества шепнул в ответ Майк. Я пропустила вперед Джесс и Анджелу, не желая слушать продолжение разговора.

Тем вечером за ужином Чарли радовался тому, что я поеду в Ла-Пуш. Видимо, его мучили угрызения совести за свои дежурства по выходным, однако его привычки складывались годами и отказаться от них в одночасье было непросто. Разумеется, он знал по имени всех ребят, с которыми я уезжала, а также их родителей и, скорее всего, дедов. И, кажется,

считал эту компанию подходящей. Интересно, отпустит ли он меня в Сиэтл с Эдвардом Калленом? Правда, я не собиралась сообщать ему об этом.

– Пап, а ты знаешь заповедник Гэут-Рокс, или как-то в этом роде? Кажется, к югу от горы Рейнир? – словно невзначай спросила я.

– Знаю, а что?

Я пожала плечами.

– В школе говорили, собираются туда в поход.

– Так себе место для походов, – удивился он. – Там медведей развелось, обычно туда ездят на охоту.

– А-а, – пробормотала я. – Наверное, я название перепутала.

Я собиралась поспать утром подольше, но непривычно яркий свет разбудил меня. Открыв глаза, я увидела, как в комнату заглядывают желтые лучи, не поверила своим глазам и бросилась к окну: действительно, солнце. Правда, слишком низко и, пожалуй, чересчур далеко, но все-таки солнце. На горизонте зависли облака, но над городом остался чистый клочок голубого неба. Я долго медлила у окна, боясь, что, если отойду, эта синева снова исчезнет.

Магазин Ньютонов «Снаряжение олимпийцев» находился у северной границы города. Я много раз проезжала мимо, но ни разу не заходила туда – туристическая экипировка мне без надобности. На парковке я заметила «сабербан» Майка и «сентру» Тайлера. Ставя машину рядом, я видела, что вся компания уже собралась возле «сабербана». Эрик болтал с двумя парнями из моего класса – Беном и Коннером. Джесс тоже была здесь, вместе с Анджелой и Лорен, а с ними – еще три девушки, в том числе та, которую, помнится, я сбила с ног в пятницу на физкультуре. Пока я выбиралась из машины, она смерила меня недобрым взглядом и о чем-то зашушукалась с Лорен. Лорен тряхнула шелковистыми светлыми волосами и презрительно прищурилась, глядя в мою сторону.

Значит, день будет еще тот.

Зато Майк обрадовался мне.

– Приехала! – восторженно закричал он. – Говорил я, что сегодня будет солнечно, или нет?

– А я пообещала, что поеду, – напомнила я.

– Осталось только дожждаться Ли и Саманту... если ты больше никого не приглашала, – добавил Майк.

– Никого, – легко соврала я, надеясь, что на лжи меня не поймают. И помечтала, что свершится чудо и Эдвард все-таки объявится.

Майк остался доволен.

– Поедешь в моей машине? Или в минивэне матери Ли?

– В твоей, конечно.

Он просиял. Осчастливить его оказалось очень просто.

– Оставлю тебе место спереди, рядом со мной, – пообещал он. Я постаралась не выдать огорчения, сообразив, что осчастливить и Майка, и Джессику одновременно никак не получится. Враждебный взгляд Джессики я чувствовала на себе постоянно.

Впрочем, для меня все сложилось удачно. Ли позвал с собой еще двоих ребят, теперь каждое место в машинах было на счету. Я ухитрилась усадить Джесс между собой и Майком на переднее сиденье «сабербана». Джессика ликовала.

Расстояние между Ла-Пушем и Форксом – всего двадцать четыре километра по шоссе, и почти на всем протяжении его окаймляют густые зеленые леса, а вдалеке дважды мелькает широкая река Квилет. Мне повезло устроиться у окна. Вдвигателем в машине было тесновато, мы ехали с открытыми окнами, и я старалась впитать как можно больше солнечных лучей.

Приезжая к Чарли в Форкс летом, я часто бывала на побережье в окрестностях Ла-Пуша, поэтому полумесяц пляжа Ферст-Бич был хорошо знаком мне. И все равно у меня каждый раз захватывало дух от этой картины. Даже при свете солнца вода казалась темно-серой, волны с белыми пенными гребнями тяжело бились о серый каменистый берег. Скалистые острова вздымались из этих стальных прибрежных вод, устремлялись отвесными утесами к острым вершинам, поросшим суровыми высокими елями. Пляж представлял собой узкую полоску песка вдоль границы воды, а дальше миллионы крупных гольшей выглядели издаലെка одинаково серыми, но вблизи поражали богатством оттенков терракоты, цвета морской волны, лаванды, сероватой синевы, тусклого золота. Вдоль границы прилива берег был усеян плавником – выброшенными стволами деревьев, белыми, как кости, от соленых волн. Одни громоздились кучами, доходившими до опушки леса, другие валялись тут и там отдельно, уже недосыгаемые для волн.

Со стороны океана налетал резкий ветер, пахло свежестью и солью. На волнах покачивались пеликаны, над ними кружили чайки и одинокий орел. Тучи обложили небо, грозили затянуть его в любой момент, но солнце по-прежнему храбро светило в голубом просвете.

Мы пробрались к берегу, Майк привел нас к выложенным кругом стволам деревьев, которые явно служили местом для пикника таким же компаниям, как наша. Здесь обнаружилась и яма от костра, полная черных углей и пепла. Эрик с Беном принялись собирать обломанные ветки из уже подсохших, ближайших к лесу куч плавника, и вскоре над кострищем была воздвигнута конструкция, напоминающая вигвам.

– Видела когда-нибудь, как горит плавник? – спросил меня Майк. Я сидела на стволе дерева, цветом напоминающем кость; остальные девушки, оживленно болтая, расселись по обе стороны от меня. Майк встал на колени перед костром и поджег тонкую ветку зажигалкой.

– Нет, – ответила я на его вопрос. Он осторожно вложил в «вигвам» заплывшую ветку.

– Тогда тебе понравится – смотри, какие краски, – он поджег еще одну тонкую ветку и отправил ее за первой. Пламя жадно принялось лизать сухое дерево.

– Голубое! – удивилась я.

– От соли. Красиво, правда? – добавив в костер еще одну зажженную ветку, он вернулся на место рядом со мной. К счастью, Джесс, сидевшая по другую сторону от него, сразу завладела его вниманием. Я наблюдала, как странное голубовато-зеленое пламя взбирается по «вигваму» вверх, к небу.

После получасовой болтовни у костра мальчишки решили сходить к ближайшим приливным заводям. Я озадачилась: с одной стороны, приливные заводы мне всегда нравились. Они завораживали меня с детства, о встрече с ними я с радостью вспоминала, когда приходило время снова уезжать в Форкс. С другой стороны, я не раз падала в них. Впрочем, это не страшно, когда тебе семь лет и твой отец рядом. Я вспомнила просьбу Эдварда не свалиться в воду.

В итоге решение я приняла благодаря Лорен: ей не хотелось никуда идти, она сказала, что ее обувь не годится для пеших походов. Почти все девчонки, кроме Анджелы и Джессики, тоже решили остаться на берегу. Дождавшись, когда Тайлер и Эрик вызвались побыть с ними, я встала и молча присоединилась к компании, которая выступала за поход к заводям. Заметив, что я иду с ними, Майк широко заулыбался.

Идти пришлось недолго, но в лесу деревья скрыли из виду небо, и я расстроилась. Зеленоватый свет в лесу не гармонировал с гоготом подростков, казался слишком мутным и зловещим по сравнению с беспечной болтовней вокруг меня. Я старалась быть осторожной – аккуратно перешагивала торчащие корни, отводила в сторону нависающие ветки, и вскоре отстала от остальных. В конце концов я покинула изумрудные застенки леса и снова очутилась на каменистом берегу. Отлив уже начался, воды приливной реки мчались мимо нас

на пути к океану. Мелкие, никогда не пересыхающие лужи на ее галечных берегах кишели жизнью.

Я старалась помнить об осторожности и не наклоняться слишком низко над этими маленькими океанскими заводами. А остальные бесстрашно прыгали с камня на камень, опасно балансируя на самом краю. Я разыскала надежный с виду камень на берегу одной из самых больших заводов и осторожно присела на него, замороженная природным аквариумом. Целые букеты ярких морских анемонов непрестанно колыхались в невидимых течениях, раки-отшельники перебежали по дну под прикрытием витых раковин, неподвижные морские звезды распластались на камнях и одна поверх другой, маленькая черная мурена в белую полоску, как зебра, лавировала между блестящими зелеными водорослями в ожидании, когда вернется океан. Каким бы захватывающим ни было это зрелище, время от времени я гадала, чем сейчас занят Эдвард, и пыталась представить, что он сказал бы, если бы оказался здесь со мной.

Наконец мальчишки проголодались, и я, с трудом распрямив затекшие ноги, двинулась за ними в обратный путь. На этот раз в лесу я старалась успеть за остальными, и само собой, несколько раз упала. Мои ладони покрылись неглубокими порезами, джинсы на коленях перепачкались зеленью, но могло быть и хуже.

На Ферст-Бич мы обнаружили, что наша компания пополнилась. Еще издалека мы заметили, что у пришедших пообщаться подростков из индейской резервации прямые и блестящие черные волосы и медно-красная кожа. Еду уже начали раздавать, мальчишки поспешили за своей долей, Эрик познакомил нас, когда мы расселись на плавнике у костра. Мы с Анджелой подошли последними, и когда Эрик называл наши имена, я заметила, что на меня с интересом взглянул мальчишка помладше остальных, сидевший на камнях возле костра. Я устроилась рядом с Анджелой, Майк принес нам сэндвичи и несколько бутылок газировки на выбор, а старший из гостей скороговоркой представил остальных семерых. Мне удалось расслышать только, что среди них тоже есть Джессика, а парня, обратившего на меня внимание, зовут Джейкоб.

Сидеть рядом с Анджелой было спокойно: она молчалива, ей незачем заполнять болтовней каждую паузу. Пока мы ели, я погрузилась в свои мысли, ее соседство мне не мешало. Я размышляла о том, как беспорядочно течет время в Форксе: временами оно прямо летит, так что успеваешь заметить лишь отдельные бессвязные образы на этом размытом фоне. А потом вдруг каждая секунда приобретает значимость, оставляет в памяти неизгладимый след. Я точно знала, чем вызвана разница, и это меня тревожило.

За время обеда тучи крадучись перешли в наступление по голубому небу, иногда на миг загорали солнце, отбрасывали длинные тени на пляж, зачерняли волны. Пообедав, мои соседи стали разбредаться кто куда – парами, по трое. Одни отошли к воде и пытались пускать «блинчики» по ее покрытой мелкой рябью поверхности. Другие собирались еще раз сходить к приливным заводам. Майк – вместе с Джессикой, тенью следующей за ним, – отправился в ближайшую деревню, в магазин. Несколько местных ребят составили ему компанию, остальные ушли на заводы. Наконец разошлись все, кто собирался, только я осталась сидеть на плавнике, Лорен и Тайлер неподалеку слушали плеер, предусмотрительно прихваченный кем-то, у костра пристроились трое ребят из резервации, в том числе Джейкоб и самый старший из парней, который познакомил нас с остальными.

Несколько минут спустя Анджела бросилась догонять ушедших к заводам, а ее место рядом со мной занял Джейкоб. С виду ему было лет четырнадцать, а может, пятнадцать, длинные и блестящие черные волосы он стягивал на затылке резинкой. Его красивая шелковистая кожа имела ржаво-коричневый оттенок, глаза были темными, глубоко посаженными над высокими скулами. Подбородок еще сохранял следы детской округлости. В целом на

редкость симпатичное лицо. Но впечатление о внешности Джейкоба подпортили первые же слова, слетевшие с его языка.

– Ты ведь Изабелла Свон?

Как в первый день в новой школе.

– Белла, – со вздохом поправила я.

– Я Джейкоб Блэк, – он дружеским жестом протянул руку. – Ты купила пикап у моего отца.

– А-а, – с облегчением отозвалась я, пожимая его гладкую кисть, – ты сын Билли! Как же я сразу не вспомнила?

– Я в семье младший, но ты наверняка помнишь моих старших сестер.

– Рейчел и Ребекка, – сразу отозвалась я. Во время моих летних приездов Чарли часто возил меня к Билли, играть с его дочерьми, пока наши отцы рыбачили вместе. Но мы были слишком застенчивыми, поэтому так и не подружились. А к тому времени, как мне исполнилось одиннадцать, я уже научилась закатывать скандалы, чтобы положить конец поездкам на рыбалку.

– Они тоже здесь? – я присмотрелась к девушкам на берегу, гадая, узнаю ли их теперь.

– Нет, – Джейкоб покачал головой. – Рейчел дали стипендию в университете штата Вашингтон, а Ребекка вышла замуж за серфера-полинезийца и теперь живет на Гавайях.

– Замуж? Ничего себе! – поразилась я. Сестры-близняшки были всего на год старше меня.

– Как тебе пикап? – спросил Джейкоб.

– Мне нравится. Хорошо бегаёт.

– Ага, только медленно, – рассмеялся он. – Когда Чарли купил его, у меня прямо от сердца отлегло. Отец нипочем не дал бы мне собрать новую машину, если в семье старая еще на ходу.

– Ну, не так уж и медленно, – возразила я.

– А разгоняться за девяното ты пробовала?

– Нет, – призналась я.

– Вот и хорошо. Даже не пытайся, – он усмехнулся.

Я невольно ответила ему усмешкой.

– Зато отлично держит удар, – встала я на защиту своего пикапа.

– Эту колымагу и танком не раздавишь, – снова засмеявшись, согласился он.

– Значит, ты собираешь машины? – впечатлилась я.

– Когда есть свободное время и запчасти. Не знаешь случаем, где бы мне раздобыть главный цилиндр тормозной системы для «фольксвагена-рэббит» восемьдесят шестого года? – пошутил он. У него был голос с приятной хрипотцой.

– Извини, – засмеялась я. – В последнее время они мне не попадались, но если попадутся, буду иметь в виду.

Можно подумать, я знаю, что это такое! Общаться с Джейкобом оказалось очень легко.

Он улыбнулся, сверкнув ослепительными зубами и глядя на меня с явным интересом – я уже научилась разбираться в таких взглядах. И не я одна это заметила.

– Джейкоб, ты что, знаком с Беллой? – спросила Лорен, как мне показалось, с вызовом, сидя по другую сторону от костра.

– Да мы вроде как с пеленок друг друга знаем, – хохотнул он, снова улыбнувшись мне.

– Мило, – судя по тону, ничего милого она в этом не видела. Она сощурила белесые рыбки глаза.

– Белла, – снова заговорила она, не сводя внимательного взгляда с моего лица, – я как раз говорила Тайлеру: жаль, что Каллены сегодня с нами не поехали. Неужели никто не додумался пригласить их? – ее огорчение было явно фальшивым.

– Ты про семью доктора Карлайла Каллена? – к нескрываемому раздражению Лорен, вмешался рослый и взрослый парень прежде, чем я успела ответить. Он и вправду был скорее мужчиной, чем мальчишкой, и говорил почти басом.

– Да, а ты их знаешь? – свысока бросила Лорен через плечо, сидя вполборота к нему.

– Каллены сюда не заглядывают, – не ответив на ее вопрос, отрезал он.

В попытке снова завладеть вниманием Лорен, Тайлер спросил что-то про плеер у нее в руках. Она отвлеклась.

Я озадаченно засмотрелась на парня с басовитым голосом, но он сидел, отвернувшись от нас в сторону темного леса. Смысл его слов, про то, что Каллены сюда не заглядывают, был ясен, но тон намекал на нечто большее – некий запрет, словно путь сюда был им заказан. Его слова оставили у меня странное впечатление, я пыталась не думать о них, но безуспешно.

Мои раздумья прервал Джейкоб.

– Что, Форкс сводит тебя с ума?

– Это еще мягко сказано, – я поморщилась, и он понимающе усмехнулся.

В голове по-прежнему вертелась странная фраза о Калленах, и вдруг меня осенило. План дурацкий, но за неимением лучшего сойдет. Я надеялась, что опыта общения с девушками Джейкоб еще не приобрел, поэтому вряд ли раскусит мою жалкую попытку флирта.

– Пройдемся по берегу? – предложила я, невольно подражая взгляду, каким Эдвард смотрел на меня из-под ресниц. Подражатель из меня никудышный, в этом я не сомневалась, но Джейкоб с готовностью вскочил.

Пока мы шагали по пестрым камням в сторону груды плавника, тучи наконец сомкнули ряды вокруг солнца, волны потемнели, воздух сразу похолодал. Я сунула руки поглубже в карманы куртки.

– Так сколько тебе – шестнадцать? – спросила я, стараясь не выглядеть полной дурой в попытках наивно похлопать ресницами на манер девчонок из телевизора.

– Пятнадцать только что стукнуло, – польщенно признался Джейкоб.

– Правда? – я старательно притворилась удивленной. – А я думала, ты гораздо старше.

– Высокий вымахал, – объяснил он.

– В Форксе часто бываешь? – спросила я так игриво, словно и не сомневалась, что часто. Мне казалось, я веду себя как идиотка. Я уже опасалась, что Джейкоб возмутится и обвинит меня в притворстве, но он по-прежнему был польщен.

– Не очень, – нахмурившись, признался он. – Вот соберу себе машину, буду приезжать, когда захочется. Только права сначала получу, – поправился он.

– Кто тот парень, с которым говорила Лорен? Староват он для нашей компании, – я намеренно причислила себя к молодежи, ясно давая понять, что предпочитаю Джейкоба.

– Это Сэм. Ему девятнадцать, – доложил он.

– Что он такое говорил про семью доктора? – будто невзначай, расспрашивала я.

– Про Калленов? А-а, приезжать в резервацию им не положено, – повторяя слова, которые я уже слышала от Сэма, он смотрел в сторону острова Джеймс.

– Но почему?

Он взглянул на меня и прикусил губу.

– Ох. А мне нельзя об этом говорить.

– Да никому я не скажу, мне просто любопытно, – обольстительно улыбалась я.

Джейкоб улыбнулся в ответ, поддавшись моим чарам, потом приподнял бровь и таинственным хриловатым голосом спросил:

– Любишь страшные истории?

Вопрос прозвучал зловеще.

– Очень, – воодушевилась я, стараясь смотреть на него жарким взглядом.

Джейкоб подошел к ближайшему плавнику, корни которого напоминали безвольно обвисшие лапы гигантского беловатого паука, и легко вскочил на один из этих узловатых витых корней, а я устроилась пониже, на стволе дерева. Уголки широких губ парня приподнимала улыбка, он засмотрелся вдаль, на прибрежные камни. Я догадалась, что он сочиняет историю поинтереснее, и сосредоточилась, чтобы на лице отразился неподдельный интерес.

– Ты когда-нибудь слышала древние легенды о нашем племени – квилетах? – начал он.

– Ни разу, – призналась я.

– Так вот, есть множество таких легенд, некоторые восходят еще ко временам потопа – якобы древние квилеты привязали свои каноэ к верхушкам самых высоких деревьев на горах, потому и спаслись, как Ной с его ковчегом, – он улыбнулся, всем своим видом показывая, что нисколько не верит в эти байки. – В другой легенде говорится, что мы произошли от волков и что волки по-прежнему наши братья. Закон племени запрещает нам убивать их.

– А еще есть легенды о «холодных», – он слегка понизил голос.

– Холодных? – на этот раз я была заинтригована по-настоящему.

– Да. Легенды о «холодных» такие же древние, как о волках, а некоторые еще древнее. По одной такой легенде, мой родной прадед встречался с «холодными». Он и заключил соглашение, по которому им запрещено приближаться к нашей земле, – он закатил глаза.

– Твой прадед? – поддала жару я.

– Он был старейшиной племени, как и мой отец. Понимаешь, «холодные» – естественные враги волков, ну, не всех, конечно, а тех, которые становятся людьми, как наши предки. У вас таких называют оборотнями.

– Разве у оборотней есть враги?

– Есть. Единственный враг.

Я смотрела на него во все глаза, надеясь выдать свое нетерпение за восхищение.

– Как видишь, – продолжал Джейкоб, – «холодные» – наши враги испокон веков. Но клан, который появился на нашей территории во времена моего прадеда, был не такой, как все. «Холодные» из этого клана охотились не так, как их сородичи, и вроде бы не представляли угрозы для племени. И мой прадед заключил с ними соглашение: они не суются на нашу землю, а мы не выдаем их бледнолицым, – и он подмигнул.

– Но зачем, если они не представляли угрозы? – Я силилась во всем разобраться и в то же время не показать Джейкобу, что принимаю его страшную историю всерьез.

– Для людей всегда есть угроза, если рядом «холодные», даже такие цивилизованные, каким был этот клан. Неизвестно, когда они оголодают настолько, что не удержатся, – он намеренно подпустил в голос побольше зловещей хрипотцы.

– «Цивилизованные»? Что это значит?

– По их словам, они якобы не охотятся на людей, обходятся только животными.

Я старалась говорить небрежным тоном.

– А при чем тут Каллены? Они вроде тех «холодных», с которыми договорился твой прадедушка?

– Нет, – он выдержал эффектную паузу. – Они и есть те самые «холодные».

Должно быть, по выражению моего лица он решил, что напугал меня своей историей. Довольно улыбнувшись, он продолжал:

– Теперь их стало больше, у них новая женщина и новый мужчина, а остальные те же самые. Еще во времена моего прадеда стало известно, что их глава – Карлайл. Он побывал в здешних местах, а потом снова ушел, задолго до того, как появилось твое племя, – он с трудом сдерживал улыбку.

– Но кто они? – наконец спросила я. – Что это за «холодные»?

Джейкоб мрачно усмехнулся.

– Те, кто пьет кровь, – ледящим душу голосом ответил он. – Твое племя называет их вампирами.

Выслушав его ответ, я перевела взгляд на пенную полосу прибоя, не представляя, что отражается сейчас на моем лице.

– Ага, испугалась? У тебя мурашки, – он довольно засмеялся.

– Здорово рассказываешь, – похвалила я, по-прежнему глядя на волны.

– На бред похоже, да? Ничего странного, что отец запрещает нам рассказывать об этом. Я еще не овладела собой настолько, чтобы смотреть ему в глаза.

– Не бойся, я тебя не выдам.

– Похоже, я только что нарушил соглашение, – рассмеялся он.

– Я унесу эту тайну с собой в могилу, – пообещала я, и меня вдруг передернуло.

– А если без шуток, Чарли лучше не говори. Он и так разругался с моим отцом, когда узнал, что наши отказываются ездить в больницу с тех пор, как там работает доктор Каллен.

– Не скажу, конечно.

– Наверное, теперь считаешь нас суеверными дикарями? – спросил он шутливо, но с оттенком тревоги. Я по-прежнему смотрела на океан.

Повернувшись к Джейкобу, я улыбнулась как можно приветливее.

– Нет. Но вы здорово умеете рассказывать страшные истории. Видишь? У меня до сих пор мурашки, – и я показала свою руку.

– Круто, – он заулыбался.

В этот момент на берегу захрустели камешки. К нам кто-то приближался. Мы вскинули головы одновременно и увидели метрах в сорока пяти от себя Майка и Джессику.

– Вот ты где, Белла! – с облегчением крикнул Майк и замахал мне рукой.

– Это твой парень? – спросил Джейкоб, уловив ревнивые нотки в голосе Майка. Я удивилась: не думала, что это настолько заметно.

– Ни в коем случае! – шепнула я. Джейкобу я была глубоко признательна и не хотела расстраивать его. Я подмигнула ему так, чтобы Майк не увидел, и Джейкоб улыбнулся, окрыленный моим неумелым флиртом.

– Вот получу права... – размечтался он.

– И приедешь ко мне в Форкс. Сходим куда-нибудь, – до меня дошло, что я его просто использовала, и мне стало стыдно. Но Джейкоб мне на самом деле нравился. С ним я запросто смогла бы дружить.

Майк был уже рядом, Джессика отстала на несколько шагов. Я заметила, как Майк окинул оценивающим взглядом Джейкоба, понял, что он младше, и успокоился.

– Где же ты пропадала? – спросил Майк, хотя ответ был очевиден.

– Просто Джейкоб рассказывал мне местные легенды, – не дожидаясь подробных вопросов, объяснила я.

И дружески улыбнулась Джейкобу, а он – мне.

– А-а... – Майк помедлил, наблюдая наш товарищеский обмен и пытаясь разобраться в ситуации. – Мы уже собираемся – похоже, скоро начнется дождь.

Все мы посмотрели в хмурое небо. Оно и вправду предвещало дождь.

– Ладно, – я встала. – Идем.

– Рад был снова увидеть тебя, – сказал Джейкоб явно специально для Майка.

– Да, очень. В следующий раз, когда Чарли соберется к Билли, я тоже попрошусь, – пообещала я.

Его усмешка стала шире.

– Было бы здорово.

– И еще раз спасибо! – с жаром добавила я.

Плетясь по каменистому берегу в сторону стоянки, я набросила капюшон. Первые капли дождя уже начинали падать, оставляя черные пятна на прибрежных камнях. Мы добрались до «сабербана», когда остальные уже забросили все наши вещи в багажник. Объявив, что спереди я уже сидела, я утрамбовалась на заднее сиденье вместе с Анджелой и Тайлером. Анджела смотрела в окно, Лорен извернулась и перегнулась через спинку переднего сиденья, требуя внимания Тайлера. А я просто откинула голову назад, закрыла глаза и изо всех сил пыталась ни о чем не думать.

7. Кошмар

Я сказала Чарли, что нас завалили домашней работой, а есть мне не хочется. Он не заметил ничего необычного в моем лице или голосе – видимо, потому, что увлекся баскетболом, а я, само собой, не понимала, что в нем такого особенного.

Поднявшись к себе, я заперла дверь. Перерыла вещи на столе, разыскала старые наушники, воткнула их в мой маленький плеер, нашла диск, который Фил подарил мне на Рождество. Это была запись одной из его любимых групп – на мой взгляд, многовато визга и басов. Вставив диск в плеер, я легла в постель, надела наушники, нажала воспроизведение и прибавила громкость, пока не заболели уши. Потом закрыла глаза, но свет по-прежнему мешал мне, и я накрыла верхнюю половину лица подушкой.

Я всецело сосредоточилась на музыке – пыталась разобрать слова, распутать сложный ритмический рисунок. К тому времени, как я прослушала весь диск в третий раз, я уже знала слова, по крайней мере, в припевах. И как только шумы перестали раздражать меня, с удивлением обнаружила, что эта группа мне все-таки нравится. Надо будет еще раз поблагодарить Фила.

Способ сработал. Думать под оглушительные ритмы было невозможно, на что я и рассчитывала. Я слушала диск раз, другой, третий, пока не начала подпевать всем песням, и наконец уснула.

Открыв глаза, я увидела знакомое место. Краешком сознания понимая, что вижу сон, я узнала зеленоватый свет в глубине леса. Было слышно, как где-то неподалеку волны бьются о прибрежные камни. И я поняла: выйду к океану – увижу солнце. Я двинулась было на звук, но откуда-то взявшийся Джейкоб Блэк схватил меня за руку и потащил в темноту, в самую чащу.

– Джейкоб, ты что? – спросила я. С перепуганным лицом он тянул меня изо всех сил, хотя я и сопротивлялась. В темноту мне не хотелось.

– Беги, Белла! Тебе надо бежать! – с ужасом шептал он.

– Белла, сюда! – я слышала голос Майка, доносящийся из мрачной чащи, но самого Майка не видела.

– Зачем? – удивлялась я, продолжая отбиваться от Джейкоба в отчаянной попытке выйти к солнцу.

Но Джейкоб вдруг отпустил мою руку, взвыл, затрясся, повалился в сумрачный подлесок. Он корчился на земле, а я в ужасе смотрела на него.

– Джейкоб! – закричала я. Но Джейкоб исчез. А на его месте возник большой рыжевато-бурый волк с черными глазами. Волк отвернулся от меня, потянулся в сторону берега, и шерсть у него на загривке встала дыбом, из-за оскаленных клыков вырвался низкий рык.

– Белла, беги! – снова раздался крик Майка за моей спиной. Но я не обернулась. Я смотрела на свет, исходящий со стороны берега.

А потом из леса вышел Эдвард: его кожа слегка светилась, глаза были черными и опасными. Он поднял руку и поманил меня к себе. Волк у моих ног зарычал.

Я сделала шаг вперед, к Эдварду. Он улыбнулся, показав зубы – длинные, заостренные.

– Доверься мне, – вкрадчиво произнес он.

Я сделала еще шаг.

Волк ринулся между мной и вампиром, целясь ему в горло.

– Нет! – вскрикнула я и рывком села в постели.

От резкого движения провод наушников натянулся и стащил плеер с тумбочки, плеер с грохотом упал на дощатый пол.

В комнате по-прежнему горел свет; полностью одетая и обутая, я сидела на кровати. Ничего не понимая, я взглянула на часы, стоящие на комод. Половина шестого утра.

Застонав, я рухнула на спину, перекатилась лицом вниз, скинула ботинки. Но лежать было настолько неуютно, что уснуть я не надеялась. Перевернувшись на спину, я расстегнула джинсы и неуклюже выползла из них, оставаясь в лежачем положении. Теперь мешала коса, неудобный бугор на затылке. Я повернулась на бок, сорвала с косы резинку и быстро расплела волосы. И накрыла лицо подушкой.

Но это не помогло. Подсознание настойчиво подсовывало мне именно те образы, которые я с таким отчаянием гнала прочь. И теперь мне предстояло встретиться с ними лицом к лицу.

Я села, кровь устремилась по телу вниз, и голова ненадолго закружилась. Сначала приведу себя в порядок, сказала я себе, и, радуясь возможности хотя бы немного отдалить неизбежное, схватила сумку с туалетными принадлежностями.

Но с душем я справилась быстрее, чем хотелось бы. Даже высушила волосы феном. Завернувшись в полотенце, я вернулась к себе, так и не узнав, спит Чарли или уже уехал. Я выглянула в окно, но его машины возле дома не было. Опять на рыбалку.

Я неторопливо переоделась в свой самый уютный спортивный костюм и заправила постель, чего обычно никогда не делала. Дольше тянуть некуда. Я подошла к письменному столу и включила свой старенький компьютер.

Местный интернет раздражал меня. Мой модем давным-давно устарел, бесплатные услуги связи были ниже всякой критики; подключение оказалось таким долгим, что в ожидании я решила съесть миску хлопьев.

Я ела не торопясь, тщательно пережевывая каждую ложку. После еды вымыла миску и ложку, вытерла их и убрала на место. И направилась вверх по лестнице, едва волоча ноги. Первым делом подошла к кровати, подняла с пола плеер и положила его точно в центр стола. Вынула наушники и убрала в ящик. Включила все тот же диск, убавив громкость до уровня фонового шума.

И со вздохом перевела взгляд на компьютер. Естественно, экран был сплошь в рекламе. Ерзая на жестком складном стуле, я принялась закрывать эти мелкие окошки одно за другим, потом наконец вошла в любимый поисковик, закрыла еще несколько всплывших реклам и набрала в строке поиска единственное слово.

«Вампир».

Ждать пришлось так долго, что я извелась. А когда наконец появились результаты, многие из них пришлось отсеять сразу же: фильмы, телепередачи, ролевые игры, андерграундный «металл» и компании, выпускающие косметику для готов.

Наконец мне попала ссылка на многообещающий сайт «Вампиры от А до Я». В ожидании, когда он загрузится, я раздраженно закрывала всплывающие окна, как только те всплывали на экране. Загрузка завершилась: простой черный текст на белом фоне, похоже на научную публикацию. Главная страница встретила меня двумя цитатами:

В обширном сумеречном мире призраков и демонов нет никого ужаснее и отвратительнее, нет персонажа более пугающего, и вместе с тем внушающего столь же сильное боязливое восхищение, чем вампир, который, сам не принадлежа ни к призракам, ни к демонам, имеет, однако, темную природу и обладает таинственными и ужасными свойствами и тех, и других.

Преподобный Монтегю Саммерс

Если и найдутся в этом мире неоднократно подтвержденные свидетельства, то это свидетельства о вампирах. В них есть все: официальные отчеты и данные под присягой пись-

менные показания людей, заслуживающих доверия: врачей, священников, судей – самые полные судебные доказательства, какие только возможны. Но при всем при этом найдется ли хоть кто-нибудь, кто верит в вампиров?

Руссо

В остальном сайт представлял собой алфавитный список всевозможных историй о вампирах со всего мира. Первым, на кого я кликнула, оказался Данаг – филиппинский вампир, благодаря которому на островах якобы начали с давних времен выращивать клубни таро. Согласно этому мифу, Данаг много лет трудился бок о бок с людьми, пока однажды этому сосуществованию не пришел конец: какая-то женщина порезала палец, Данаг высосал из ранки кровь, и ее вкус настолько ему понравился, что он выпил у пострадавшей всю кровь до последней капли.

Я вдумчиво читала тексты в поисках хоть каких-нибудь знакомых или хотя бы правдоподобных подробностей. По-видимому, в большинстве вампирских мифов фигурировали прекрасные женщины в качестве злодеек и дети в качестве жертв; казалось, концепция вампиризма для того и выдумана, чтобы объяснить высокий уровень смертности среди маленьких детей и оправдать измены мужчин. Во многих сюжетах упоминались бестелесные духи и содержались предостережения против неподобающих обрядов погребения. Мало что напоминало виденные мною фильмы о вампирах, и лишь очень немногие из вампиров, например, еврейская «эстри» и польский «упырь», жаждали напиться крови.

Лишь три статьи завладели моим вниманием: о румынских «варколачи» – могущественной нежити, способной превращаться в прекрасных людей с бледной кожей, о словацких «нелапси» – существах такой удивительной силы и проворства, что им не составляет труда в полночь вырезать целую деревню всего за час, и еще одна, о «стрегони бенефичи».

Эта последняя состояла всего из одного краткого предложения:

Стрегони бенефичи – итальянский вампир, по свидетельствам, будто бы стоящий на стороне добра, заклятый враг всех злых вампиров.

Хоть что-то, хоть одна короткая статья, один миф среди сотен, подтверждающий, что добрые вампиры существуют.

Но в целом с рассказом Джейкоба и моими наблюдениями мало что совпадало. Читая и тщательно сравнивая мифы, я составила маленький перечень: скорость, сила, красота, бледная кожа, меняющие цвет глаза. И характеристики, названные Джейкобом: питье крови, вражда с волками-оборотнями, холодная кожа и бессмертие. Мифов, соответствующих хотя бы по одному признаку, почти не попадалось.

Возникла еще одна сложность, памятная мне по немногочисленным ужастикам, которые я смотрела, и подтвержденная сегодняшним чтением: вампиры не выходят на свет, иначе солнце спалит их дотла. Днем они спят в гробах, а по ночам выходят.

Я выключила компьютер, не дожидаясь, когда сеанс работы завершится как положено. К моему раздражению примешивался жгучий стыд. Идиотизм! Сажу у себя в комнате, ищу в интернете вампиров. Да что со мной такое? Я решила возложить вину главным образом на город Форкс или, если уж на то пошло, на вечно мокрый от дождей полуостров Олимпик.

Я обулась и спустилась вниз, понятия не имея, куда направляюсь. Не посмотрев, какая за окном погода, набросила дождевик и вышла за дверь.

Было облачно, но пока без дождя. Оставив пикап у дома, я направилась пешком на восток, к лесу, окружающему город со всех сторон. Вскоре и дом, и шоссе остались далеко позади, и я слышала только, как хлюпает сырая земля у меня под ногами и покрикивают сойки.

Если бы не узкая ленточка тропы, ведущая через лес, я не рискнула бы забрести так далеко одна. У меня начисто отсутствует чувство направления, я способна заблудиться даже в гораздо менее располагающей к этому обстановке. Тропа уводила все глубже в лес, в основном на восток, насколько я могла судить, вилась между елками и тсугой, тисом и кленами. Названия окружающих меня растений я припоминала смутно, зная их только потому, что Чарли когда-то показывал их мне из окна патрульной машины. Попадалось много незнакомых видов, насчет некоторых, сплошь обросших растениями-паразитами, я сомневалась.

Я шла по тропе до тех пор, пока злость на саму себя гнала меня вперед, и сбавила шаг, лишь когда немного остыла. Несколько холодных капель просочились сквозь навес веток над головой, но я так и не поняла – то ли снова начинается дождь, то ли ветер стряхнул с листьев застоявшуюся со вчерашнего дня дождевую воду. Недавно поваленное дерево – я поняла, что оно упало недавно, потому что оно еще не успело покрыться ковром мха, – опиралось на ствол другого, получилась уютная скамейка всего в нескольких спасительных шагах от тропы. Переступив через папоротники, я осторожно села, подложив под себя подол дождевика и прислонившись головой в капюшоне к живому дереву, служившему опорой для поваленного.

Не стоило сюда приходить, но куда еще мне податься? Лес был темным, зеленым и слишком похожим на страшный сон минувшей ночью, поэтому на душевный покой я не рассчитывала. Теперь, когда я больше не слышала собственных шагов, тишина казалась гнетущей. Птицы тоже притихли, капли сверху падали все чаще – должно быть, все-таки начался дождь. Папоротники поднимались выше моей головы теперь, когда я сидела, поэтому меня никто не увидел бы, даже пройдя по тропе на расстоянии трех шагов.

Здесь, среди деревьев, поверить в глупости, которых я устыдилась дома, было гораздо проще. В этом лесу ничто не менялось тысячелетиями, все мифы и легенды сотен разных стран казались в зеленом сумраке более правдоподобными, чем в моей привычной спальне.

Нехотя я заставила себя сосредоточиться на двух самых главных вопросах, на которые мне требовалось ответить.

Прежде всего предстояло решить, может ли быть правдой то, что я узнала от Джейкоба о Калленах.

Мой разум сразу же выдал категоричное «нет». Даже просто задумываться о такой ерунде глупо и вредно. Но как же тогда быть? Разумного объяснения, почему я до сих пор жива, не находилось. Я мысленно перечислила все странности, которые заметила сама: невероятную скорость и силу, глаза, меняющие цвет с черного на золотистый и наоборот, нечеловеческую красоту, бледную холодную кожу. И подробности, осознание которых пришло постепенно: они никогда не едят и двигаются с настораживающей грацией. Вдобавок он порой изъясняется в выражениях, подходящих скорее для романа конца девятнадцатого века, чем для школы двадцать первого. Урок, на котором мы определяли группу крови, он прогулял. Был не прочь поехать на побережье, но лишь до тех пор, пока не узнал, куда именно мы едем. Похоже, знал мысли всех вокруг... кроме моих. И намекал, что он опасный злодей...

Неужели Каллены – вампиры?

Скажем так: они – нечто. Нечто, не поддающееся разумному объяснению, хотя оно и находится прямо перед моими недоверчивыми глазами. Но кем бы он ни был – «холодным» из легенды Джейкоба или супергероем из моей гипотезы, – Эдвард Каллен... не человек. Он нечто большее.

Значит, «возможно»: таким и будет пока мой ответ на первый вопрос.

А теперь – самое важное. Если это все-таки правда, что делать мне?

Если Эдвард действительно вампир, – а я не могла произнести эти слова даже мысленно, – тогда как мне быть? О том, чтобы обратиться к кому-нибудь за помощью, не может

быть и речи. Даже я не верю самой себе, а если поделюсь с кем-нибудь еще, меня упрячут в психушку.

Приемлемыми казались только два пути. Первый – послушать совет Эдварда: поступить разумно и по возможности избегать его. Отменить все наши планы, игнорировать его, как только получится. Делать вид, что нас разделяет толстая, непроницаемая стеклянная стена – на том единственном уроке, который нам приходится проводить за одним столом. Попросить оставить меня в покое и объяснить, что на этот раз я не шучу.

От этой перспективы меня охватило мучительное отчаяние. Отторгая боль, разум тут же перешел ко второму варианту из возможных.

Можно просто оставить все, как есть. В конце концов, если он и вправду... нечто злое, до сих пор он ничем не навредил мне. Напротив, если бы не молниеносная реакция Эдварда, сейчас обо мне напоминала бы только вмятина на крыле машины Тайлера. Он действовал стремительно, вполне возможно, рефлекторно. Я подытожила: если рефлексы побуждают его спасти людям жизнь, разве он может быть злодеем? И мои мысли вновь двинулись по прежнему пути, от которого голова шла кругом.

Если я и была уверена в чем-то, то лишь в одном: зловещий Эдвард в моем вчерашнем сне – отражение моего страха, но я боюсь не Эдварда, а всего лишь слова, которое произнес Джейкоб. И даже когда я закричала, ужаснувшись броску волка-оборотня, отчаянное «нет» с моих губ сорвал не страх перед волком. А боязнь, что пострадает *он*. Он звал меня, обнажая длинные острые клыки, а я все-таки боялась *за него*.

И тут я поняла, что нашла ответ. В сущности, у меня и не было выбора – слишком далеко все зашло. Если я и поняла хоть что-то, то лишь одно: с моей страшной тайной ничего уже не поделать. Потому что когда я вспоминала его – голос, гипнотические глаза, притягательность его натуры, – мне хотелось только оказаться рядом с ним прямо сейчас. Даже ценой... нет, об этом лучше не думать. Особенно сейчас, когда я одна в густом лесу. Где от дождя потемнело, как в сумерках, а шум капель стал похож на шаги по мягкой земле под деревьями. Содрогнувшись, я вскочила и покинула свое убежище, с ужасом думая, что тропинка могла исчезнуть под дождем.

Но тропинка была на месте: надежная и хорошо заметная, она вела меня прочь из мокрого зеленого лабиринта. Я почти бежала по ней, поглубже надвинув капюшон, и удивлялась, как далеко я забрела. Мне уже казалось, что я никогда отсюда не выберусь или что по ошибке я повернула не в ту сторону и теперь углубляюсь в лес. Но прежде чем я начала паниковать, в паутине веток наконец появились просветы. А потом прошумела машина, и я очутилась на свободе: передо мной расстился газон возле дома Чарли, дом манил меня, обещая тепло и сухие носки.

Когда я вошла в дом, как раз наступил полдень. Я поднялась к себе и переоделась в джинсы и футболку, поскольку выходить никуда не собиралась. Без особых усилий я сосредоточилась на сегодняшней задаче – сочинении по «Макбету», сдать которое надо было в среду. Вскоре я уже набрасывала черновик, ощущая умиротворение впервые с... если уж говорить начистоту, впервые с четверга.

Впрочем, для меня это обычное дело. Я всегда с трудом принимаю решения, над каждым подолгу мучаюсь. Но как только решение принято, я просто следую ему – как правило, с облегчением от того, что выбор уже сделан. Порой облегчение подпорчено отчаянием, как в случае с переездом в Форкс. Но даже это лучше, чем ломать голову над возможными вариантами.

Смириться с этим решением оказалось до смешного просто. В этой простоте таилась опасность.

День прошел тихо и плодотворно, сочинение я закончила к восьми. Чарли привез большой улов, и я мысленно взяла себе на заметку поискать книгу с рецептами блюд из рыбы,

когда поеду в Сиэтл на следующей неделе. Мурашки, пробегающие по спине при мысли об этой поездке, я восприняла точно так же, как другие, во время моего разговора с Джейкобом Блэком. И напрасно, думала я. Мне следовало бояться, я точно знала, но подходящий случаю страх меня не посещал.

В ту ночь я не видела снов – слишком рано начался минувший день и слишком беспокойной выдалась прошедшая ночь. Уже во второй раз после приезда в Форкс меня разбудил яркий желтый свет солнечного дня. Метнувшись к окну, я застыла в изумлении: на небе – ни одной тучи, а пушистые белые облачка просто не могли быть дождевыми. Я распахнула окно, мимоходом отметив, что оно открылось бесшумно и легко, хотя его не открывали неизвестно сколько лет, и вдохнула сравнительно сухой воздух. Было тепло и почти безветренно. Кровь в жилах словно закипела.

Когда я спустилась в кухню, Чарли уже заканчивал завтрак и сразу уловил перемену в моем настроении.

– Отличный день для прогулки, – заметил он.

– Да, – с улыбкой согласилась я.

Он улыбнулся в ответ, в уголках карих глаз разбежались морщинки. Когда Чарли улыбается, я начинаю понимать, почему мама вышла за него замуж. Почти весь его юношеский романтизм выветрился раньше, чем я успела познакомиться с ним, вьющиеся темно-русые волосы – того же цвета, как мои, только другие на ощупь, – продолжали редеть, постепенно открывая взгляду лоснящуюся кожу на макушке. Но когда он улыбается, в нем на секунду проглядывает юноша, который сбежал из дома вместе с Рене, когда она была всего двумя годами старше, чем я сейчас.

Я радостно завтракала, глядя, как в солнечном луче танцуют пылинки. Чарли окликнул меня от двери и попрощался, я услышала, как патрульная машина отъехала от дома. Собираясь уходить, я привычным жестом взялась за куртку и помедлила. Оставить ее дома – значит искушать судьбу. Со вздохом я повесила куртку на локоть и вышла на самый яркий свет, какой только видела за последние месяцы.

Ценой тяжких физических усилий я умудрилась полностью опустить стекла в обоих окнах пикапа. В школу я приехала одной из первых: торопясь выйти из дома, я даже не взглянула на часы. Припарковавшись, я направилась к южной стороне кафетерия и столам для пикника, которыми редко пользовались. Скамейки еще не высохли, и я села на куртку, радуясь, что все-таки прихватила ее. Домашнюю работу я сделала благодаря почти полному отсутствию развлечений, но в правильности решения нескольких задач по тригонометрии сомневалась. Прилежно глядя в учебник, я начала решать первую задачу заново, но, не добравшись до середины решения, заметила, что витаю в облаках, любясь игрой солнечного света на красноватой коре древесных стволов. В рассеянности я водила карандашом и через несколько минут вдруг обнаружила, что нарисовала пять пар темных глаз, уставившихся на меня со страницы. Пришлось стирать их ластиком.

– Белла! – окликнул меня кто-то – кажется, Майк. Обернувшись, я увидела, что, пока я сидела в рассеянности, на территории школы прибавилось народу. Все были в футболках, некоторые даже в шортах, хотя температура поднялась не выше плюс шестнадцати. Ко мне направлялся Майк в шортах цвета хаки и полосатой футболке, махая рукой.

– Привет, Майк, – откликнулась я и тоже помахала, не желая сдерживать радость в такое славное утро.

Он подошел и сел рядом, уложенные аккуратными шипами волосы зазолотились на солнце, по лицу расплылась усмешка. Он был так рад видеть меня, что я невольно исполнилась благодарности.

– Никогда не замечал у тебя рыжину в волосах, – заметил он, поймав двумя пальцами прядь, растрепавшуюся на легком ветру.

– Ее видно только на солнце.

Он заложил пойманную прядь волос мне за ухо, и мне стало неловко.

– Отличный день, правда?

– Такой, как я люблю, – согласилась я.

– Чем вчера занималась? – опять этот тон собственника.

– В основном писала сочинение.

Хвастаться, что уже закончила его, я не стала.

Он шлепнул себя ладонью по лбу.

– Ах, да! Его ведь сдавать в четверг, да?

– М-м... кажется, в среду.

– В среду? – он нахмурился. – Ничего хорошего... ты про что пишешь?

– Проявляется ли женоненавистничество в женских образах у Шекспира.

Он вытаращился на меня так, словно я заговорила на поросычьей латыни.

– Значит, начинать надо уже сегодня, – он приуныл. – А я хотел предложить куда-нибудь сходить вместе.

– Да?.. – этого я не ожидала. Почему любой, даже самый приятный разговор с Майком заканчивается неловкостью?

– Ну, можно поужинать где-нибудь... а сочинением займусь попозже, – он с надеждой улыбнулся.

– Майк... – терпеть не могу, когда меня загоняют в угол, – по-моему, затея с ужином неудачная.

У него вытянулось лицо.

– Почему? – Взгляд стал настороженным. У меня мелькали мысли об Эдварде, я гадала, не думает ли Майкл о нем же.

– Знаешь... если ты кому-нибудь передашь то, что я тебе сейчас скажу, я из тебя дух вышибу, – пригрозила я. – Но Джессика будет оскорблена в своих лучших чувствах.

Он озадачился: очевидно, такое объяснение ему даже в голову не приходило.

– Джессика?..

– Майк, ты что, слепой?

– А-а... – оторопело выдохнул он. Я воспользовалась его замешательством, чтобы улизнуть.

– Пора на урок, не хватало мне еще снова опоздать, – я сгребла свои учебники и записала их в сумку.

До третьего корпуса мы дошли молча, у Майка был рассеянный вид. Я надеялась, что сумела направить его мысли в правильное русло.

Когда я увиделась с Джессикой на тригонометрии, она излучала энтузиазм. Вместе с Анджелой и Лорен они собирались сегодня в Порт-Анджелес, за нарядами к балу, и Джессика уговаривала меня составить им компанию, хотя платье мне и ни к чему. Я медлила в нерешительности. Прокатиться с девчонками было бы неплохо, но среди них будет Лорен. И потом, еще неизвестно, какой у меня расклад на вечер... Я спохватилась: размышления увели меня совсем не в ту сторону. Наверное, потому, что я обрадовалась солнцу. Но мое приподнятое настроение – заслуга не только и не столько солнца.

Словом, я ничего не стала обещать Джессике, объяснив, что сначала надо спросить разрешения у Чарли.

Всю дорогу на испанский она только и говорила, что о танцах, сразу же после урока возобновила болтовню и не прекращала ее по пути на обед. Но в лихорадке предвкушения я не вслушивалась в ее слова. Мне не терпелось увидеть не только его, но и всех Калленов – чтобы проверить новые подозрения, терзающие меня. Едва переступив порог кафетерия, я ощутила первый несомненный холодок страха. А если они поймут, о чем я думаю? Потом

новая пугающая мысль молнией пронзила меня: а если Эдвард снова ждет меня, чтобы сесть вместе?

Как всегда, первым делом я посмотрела в сторону стола Калленов. И с панической дрожью в животе обнаружила, что стол пуст. Надежда угасала, я обвела взглядом весь зал кафетерия, предположив, что Эдвард снова сел один и ждет меня. Мы задержались на испанском, поэтому к нашему приходу в зале уже было многолюдно, но ни Эдварда, ни его семьи я не заметила. На меня обрушилось отчаяние.

Я плелась за Джессикой, перестав даже делать вид, что слушаю ее.

К нашему появлению остальные уже собрались за столом. Я села рядом с Анджелой, хотя видела, что рядом с Майком осталось свободное место, и заметила краем глаза, как Майк вежливо отодвинул стул для Джессики. В ответ ее лицо осветилось радостью.

Анджела вполголоса принялась расспрашивать меня о сочинении по «Макбету», я отвечала, не подавая виду, что погружаюсь в пучину отчаяния все глубже. Услышав приглашение поехать с ними сегодня и от Анджелы, я охотно согласилась, цепляясь за любую возможность отвлечься.

Войдя в кабинет биологии и увидев, что место Эдварда пусто, я утратила последнюю надежду, и отчаяние охватило меня с новой силой.

Остаток дня тянулся медленно и уныло. На физкультуре нам рассказывали о правилах игры в бадминтон – новой попытке, ожидающей меня. Но по крайней мере, я сидела и слушала, а не спотыкалась на площадке. И главное, закончить объяснения преподаватель не успел, значит, я и завтра смогу отдохнуть. И неважно, что послезавтра мне вручат ракетку и натравят на одноклассников.

Из школы я уехала с чувством облегчения, надеясь, что до поездки с Джессикой и остальными еще успею настрадаться. Но едва я вошла в дом, как Джессика позвонила, чтобы отменить планы. Я пыталась порадоваться вместе с ней тому, что Майк пригласил ее на ужин, и вправду вздохнула с облегчением, убедившись, что он понял намек, но моя радость даже мне показалась фальшивой. Наш шопинг Джессика перенесла на завтрашний вечер.

Значит, отвлечься нечем. На ужин я уже замариновала рыбу, салат и хлеб остались со вчерашнего вечера, так что и на кухне не находилось никаких занятий. Посидев полчаса над уроками, я решила, что с меня хватит. Проверила почту, прочитала накопившиеся письма от мамы – с каждым новым сообщением все более резкие и раздраженные. Я вздохнула и наскоро напечатала ответ:

«Мама, извини, меня не было дома, ездила на побережье с друзьями. А потом надо было писать сочинение».

Мои оправдания выглядели жалко, на этом я и остановилась.

«Сегодня здесь солнечно – да, сама удивляюсь! – поэтому я собираюсь прогуляться и выпитать как можно больше витамина D про запас. Целую,

Белла».

Скоротать время я решила за внеклассным чтением: с собой в Форкс я привезла маленькую библиотеку, самым потрепанным томом в которой был сборник романов Джейн Остин. Его я и взяла, направляясь на задний двор и по пути вниз прихватив из бельевого шкафа старое стеганое одеяло.

В небольшом квадратном дворе у дома Чарли я свернула одеяло вдвое и расстелила подальше от тени деревьев, на густой траве газона, который всегда оставался чуть влажным, сколько бы ни длилась солнечная погода. Я лежала на животе, скрестив поднятые щиколотки, и листала романы, прикидывая, каким из них могла бы зачитаться. Больше всего мне нравились «Гордость и предубеждение» и «Чувство и чувствительность», но первый из них я перечитывала совсем недавно, поэтому взялась за второй – и уже на третьей главе вспомнила, что главного героя зовут Эдвард. Я недовольно переключилась на «Мэнсфилд-парк»,

но там героя звали Эдмунд – тоже очень похоже. Неужели в конце восемнадцатого века не было других имен? В досаде захлопнув книгу, я перекадилась на спину, закатала рукава как можно выше и закрыла глаза. Думай только о том, как солнце согревает кожу, строго приказала себе я. Ветер по-прежнему был легким, но шевелил волосы, бросая пряди мне в лицо, и от них становилось щекотно. Я собрала волосы сзади, раскинула их веером по одеялу за головой и снова сосредоточилась на теплых лучах, которые трогали мои веки, скулы, нос, губы, предплечья, шею, проникали сквозь мою легкую рубашку...

К реальности меня вернул шум патрульной машины Чарли на подъездной дорожке возле дома. От неожиданности я рывком села и обнаружила, что солнце уже скрылось за деревьями, а я, видимо, задремала. У меня вдруг возникло чувство, что я не одна, и я в замешательстве огляделась.

– Чарли? – вопросительно позвала я. В ответ хлопнула дверь его машины перед домом.

Нервничая и от этого чувствуя себя глупо, я вскочила и собрала книгу и отсыревшее одеяло. Бегом в кухню, ставить разогреваться сковороду – в любом случае с ужином я сегодня припозднюсь. Когда я вбежала в дом, Чарли как раз вешал ремень с кобурой и разувался.

– Извини, папа, ужин еще не готов – я задремала во дворе, – и я зевнула, прикрывая рот.

– Ничего страшного, я только хотел успеть к матчу.

После ужина, чтобы хоть чем-нибудь заняться, я посмотрела телевизор вместе с Чарли. Интересных для меня передач не нашлось, но Чарли, зная, что я не люблю бейсбол, включил какой-то бестолковый сериал, который не понравился ни мне, ни ему. Однако он горел желанием сделать вместе хоть что-нибудь, а я, несмотря на уныние, радовалась, что доставила ему удовольствие.

– Папа, – заговорила я во время рекламы, – Джессика и Анджела собираются завтра вечером в Порт-Анджелес за платьями к балу и хотят, чтобы я поехала с ними, помочь выбрать... ты не против?

– Джессика Стэнли? – спросил он.

– И Анджела Вебер, – со вздохом уточнила я.

Он озадачился.

– Но ты ведь не собиралась на бал?

– Да, не собиралась, но я помогу выбрать платья для них – ну, знаешь, покритикую по-дружески.

Женщина и без объяснений поняла бы.

– А-а, ладно, – он вспомнил, что в девчоночьих делах не силен. – А как же школа?

– Мы поедем сразу после уроков, потому и вернемся пораньше. С ужином справишься?

– Беллз, чем-то же я питался семнадцать лет до твоего приезда, – напомнил он.

– И не понятно, как выжил, – буркнула я себе под нос и продолжила отчетливо: – Я заготовлю тебе холодных сэндвичей и оставлю в холодильнике, ладно? Прямо на виду.

Утром снова было солнечно. Вместе со мной проснулась и надежда, которую я мрачно попыталась подавить. Одеюсь я в расчете на теплую погоду, в темно-синюю блузку с треугольным вырезом, которую в Финиксе носила в разгар зимы.

Я распланировала приезд в школу так, чтобы мне едва хватило времени войти в класс. С замиранием сердца я сделала круг по стоянке – искала место и заодно высматривала серебристый «вольво», который так и не нашла. Наконец припарковавшись в последнем ряду, я побежала на английский и примчалась, задыхающаяся и подавленная, перед самым звонком.

Все повторилось, как вчера: я просто не смогла сдержать робкие ростки надежды у меня в душе, они распустились, но были безжалостно растоптаны сначала в зале кафетерия, который я тщетно оглядывала, а потом – на биологии, где место рядом с моим по-прежнему оставалось свободным.

Сегодня речь снова зашла о поездке в Порт-Анджелес, особенно приятной потому, что Лорен отказалась ехать, сославшись на дела. Мне не терпелось покинуть город, чтобы не озираясь по сторонам каждую минуту, надеясь, что он, как обычно, вдруг появится словно из-под земли. Я пообещала себе быть в хорошем настроении и не портить Анджеле и Джессике шопинг. Не мешало бы и мне что-нибудь примерить, но магазины в Порт-Анджелесе меня не интересовали – возможно, на выходных мне светит поездка в Сиэтл, о которой я пока старалась не думать. Не может быть, чтобы Эдвард отменил ее, даже не предупредив меня.

После школы Джессика последовала за мной к дому Чарли на своем старом белом «меркьюри», чтобы я оставила учебники и пикап. Заскочив в дом, я наскоро причесалась, ощущая приятное легкое волнение оттого, что наконец-то вырвусь из Форкса. Для Чарли я оставила на столе записку с объяснением, где найти ужин, переложила кошелек из школьной сумки в сумочку, которой редко пользовалась, и поспешила обратно к Джессике. Следующим делом мы заехали домой к Анджеле, которая уже ждала нас. Чем дальше оставался Форкс, тем быстрее нарастало мое радостное возбуждение.

8. Порт-Анджелес

Джесс вела машину гораздо быстрее Чарли, поэтому в Порт-Анджелес мы добрались к четверем часам. В поездках с подругами я уже давно не бывала, всплеск эстрогена приятно бодрил. Мы слушали плаксивый рок, Джессика трепалась о мальчишках из нашей компании. Ее ужин с Майком прошел отлично, и она надеялась, что к субботнему вечеру дело дойдет до первого поцелуя. Я слушала ее и украдкой улыбалась, довольная собой. Анджела тоже предвкушала бал, но Эрик ее не слишком привлекал. Джесс выспрашивала, какие же парни ей тогда нравятся, пока я не вмешалась с вопросом о платьях и избавила Анджелу от необходимости отвечать. Анджела поблагодарила меня взглядом.

Красивый городок Порт-Анджелес, более ухоженный и оригинальный, чем Форкс, – приманка для туристов. Но Джессика и Анджела хорошо знали его, поэтому не собирались тратить время на прогулку по живописной набережной вдоль залива. Джесс подъехала прямо к самому большому торговому центру на расстоянии нескольких улиц от набережной и туристического фасада города.

В билетах на бал была указана «полупарадная форма одежды», а что это значит, никто из нас не знал. И Джессика, и Анджела удивились и не поверили, услышав, что в Финиксе я ни разу не бывала на танцах.

– Неужели и с парнем не ходила? – недоверчиво уточнила Джесс, когда мы переступили порог торгового центра.

– Ни разу, – заверила я, не желая признаваться, что танцую из рук вон плохо. – У меня даже парня никогда не было. Так что я почти всегда сидела дома.

– Что так? – допытывалась Джессика.

– Никто никуда не звал, – честно ответила я.

Джессика со скептическим видом напомнила:

– А здесь тебя звали, но ты всем отказала.

Мы вошли в отдел молодежной одежды и принялись высматривать стойку с нарядными платьями.

– То есть всем, кроме Тайлера, – негромко поправила Анджела.

– Что, прости? – ахнула я. – Что ты сказала?

– Тайлер уже всем растрепал, что идет с тобой на выпускной, – выжидательно глядя на меня, сообщила Джессика.

– Что?! – поперхнулась я.

– Говорила я тебе – брехня, – прошипела Джессике Анджела.

Я молчала, потрясение быстро сменялось досадой. Однако нужная стойка нашлась, пора было заняться делом.

– Потому Лорен и недолгоблывает тебя, – хихикнула Джессика, пока мы перебирали платья.

Я скрипнула зубами.

– Как думаешь, если я перееду Тайлера пикапом, он перестанет винить себя за тот случай? Больше не будет пытаться загладить вину и скажет, что мы квиты?

– Может быть, – фыркнула Джессика. – Если дело в этом.

Выбор платьев оказался небогатым, но обе мои подруги нашли что примерить. Я села в низкое кресло у входа в примерочную, перед большим трельяжем, продолжая кипеть от возмущения и пытаюсь успокоиться.

Джесс разрывалась между двумя платьями: длинным открытым классическим черным платьем и платьем до колена цвета электрик, на тонких бретелях. Я советовала остановиться на голубом, под цвет глаз. Анджела выбрала бледно-розовое, которое легло на ее рослой

фигуре красивыми складками и подчеркнуло медовый оттенок русых волос. Я не поспешила на комплименты обеим и помогла отнести отвергнутые наряды обратно в зал. Все закончилось гораздо быстрее и проще, чем наш с Рене шопинг в Финиксе. Видимо, и в небогатом выборе есть свои преимущества.

Мы отправились за туфлями и аксессуарами. Подруги смотрели и примеряли, я наблюдала и оценивала, и хотя мне тоже нужны были новые туфли, выбирать их я была не в настроении. Приятное возбуждение, которое я чувствовала в начале нашей вылазки, улетучилось от досады на Тайлера и уступило место хандре и унынию.

– Анджела... – нерешительно начала я, пока она примеряла пару плетеных босоножек на шпильках, радуясь, что ее парень достаточно высок ростом, благодаря чему она могла не беспокоиться о высоте каблука. Джессике занесло в ювелирный отдел, мы с Анджелой остались вдвоем.

– А? – Она вытянула ногу перед собой, повернула ступню, чтобы лучше видеть босоножку.

Я не решилась сразу заговорить о своем.

– Мне нравится.

– Пожалуй, их и возьму, хотя ни с чем, кроме того платья, они не сочетаются, – задумчиво произнесла она.

– Бери, конечно, они же со скидкой, – поддержала я. Она улыбнулась и надела крышку на коробку с более практичными на вид кремовыми лодочками.

Я повторила попытку:

– Слушай, Анджела...

Она заинтересованно подняла глаза.

– А это обычное дело для них... для Калленов, – я не сводила глаз с туфель, – так подолгу пропускать уроки?

Моя попытка задать вопрос небрежным тоном с треском провалилась.

– Да, как только налаживается погода, они постоянно ходят куда-нибудь в пешие походы, даже врач. Они фанаты активного отдыха на природе, – спокойно объяснила она, тоже разглядывая туфли. И не задала ни единого вопроса. Не то что Джессика – та обрушила бы на меня сотню вопросов. Анджела определенно начинала мне нравиться.

– Вот оно что...

Разговор прервала Джессика, прибежавшая показать нам бижутерию, которую подобрала под серебристые туфельки.

Мы собирались поужинать в итальянском ресторанчике на набережной, но поход за нарядами отнял меньше времени, чем мы рассчитывали. Джесс и Анджела решили отнести покупки в машину, а потом пройтись вдоль залива, я отправилась на поиски книжного магазина, договорившись встретиться с ними в ресторане через час. Обе предлагали составить мне компанию, но я пожелала им удачной прогулки и объяснила, что в окружении книг впадаю в транс и предпочитаю делать это в одиночестве. Весело щебеча, они ушли к машине, а я направилась в сторону, куда указала мне Джесс.

Магазин я нашла без труда, но он оказался совсем не таким, какой мне был нужен. В витринах были выставлены кристаллы, «ловцы снов» и книги о духовном исцелении. Внутри я даже заходить не стала, увидев через окно женщину лет пятидесяти с длинными седыми волосами, распущенными по спине, в платье прямо как из шестидесятых годов, – она приветливо улыбалась, стоя за прилавком. Без разговора с ней я вполне могла обойтись. Должен же быть в этом городе хоть один нормальный книжный магазин.

Я блуждала по улицам, заполненным теперь, в конце рабочего дня, людьми и транспортом, и надеялась, что направляюсь в сторону центра. Куда иду, я почти не замечала, борясь с отчаянием. Я изо всех сил старалась не думать о нем и о том, что сказала Анджела, и в

особенности не строить никаких планов на субботу, опасаясь, что это разочарование станет последней каплей, как вдруг подняла голову, заметила чей-то серебристый «вольво», припаркованный у бордюра, и горестные мысли напомнили о себе все разом. Идиот ты, вампир, и обманщик!

Решительным шагом я направилась на юг, к каким-то зданиям со стеклянными фасадами, которые выглядели многообещающе. Но приблизившись, обнаружила, что это мастерская. До встречи с Джессикой и Анджелой оставалось еще полно времени, а мне обязательно надо было хоть как-нибудь поднять себе настроение. Я провела рукой по волосам один раз, другой, сделала несколько глубоких вдохов и свернула за угол.

Перейдя через дорогу, я вдруг поняла, что иду не в том направлении. Те немногочисленные машины, которые я увидела вокруг, ехали на север, вдоль улицы стояли в основном какие-то склады. На следующем углу я решила повернуть на восток, потом обойти несколько кварталов и попытаться удачи на обратном пути к набережной.

Из-за угла, к которому я направлялась, вышли четверо парней, одетых слишком небрежно, чтобы возвращаться домой из офиса, и чересчур грязно для туристов. Пока они приближались, я заметила, что они лишь немногим старше меня. Они перешучивались во весь голос, хохотали, били друг друга кулаками в плечо. Я отшатнулась к самой стене, чтобы пропустить их, и прибавила шагу, глядя мимо них в сторону угла.

– Эй, ты! – крикнул один из них, проходя мимо и явно обращаясь ко мне, потому что больше вокруг никого не было. Я машинально повернулась. Двое уже прошли мимо, а остальные притормозили. Меня окликнул ближайший из них, плотный и темноволосый, лет двадцати, во фланелевой рубашке поверх грязной футболки, шортах из обрезанных джинсов и сандалиях. Он шагнул в мою сторону.

– Привет, – привычно промямлила я, но сразу отвела взгляд и быстрее зашагала к углу. Мне в спину полетел грубый гогот.

– Э, стой! – крикнул мне вслед тот же парень, но я не поднимала головы, поспешно свернула за угол и с облегчением вздохнула, слыша, как они хохочут мне вслед.

Я обнаружила, что стою на тротуаре, проходящем позади нескольких складов мрачного вида, с большими гаражными дверями для разгрузки машин, уже запертыми на ночь. По другую сторону улицы тротуара не было вовсе – только забор из сетки, с колючей проволокой поверху, огораживающий двор, где хранились какие-то детали моторов. Видимо, я забрела в тот район Порт-Анджелеса, куда совсем не хотела попасть. Смеркалось, небо вновь начали заволакивать тучи, они громоздились с запада на горизонте, предвещая ранний закат. На востоке небо было еще чистым, но серым, пронизанным розовыми и оранжевыми полосками. Я поежилась от холода, спохватилась, что оставила куртку в машине, и крепко обхватила себя руками. Мимо проехал одинокий фургон, и улица вновь опустела.

Небо резко потемнело, и я, бросив взгляд через плечо на злополучную тучу, вдруг в ужасе увидела, что за мной на расстоянии двадцати шагов молча идут двое парней, с которыми я разминулась на углу. Глядя вперед, я снова ускорила шаг. Меня бросило в дрожь, и резкое похолодание здесь было ни при чем. Сумочку я повесила через плечо, как обычно носят сумки, чтобы их не выхватили. Я точно знала, что мой перцовый газовый баллончик остался в дорожной сумке под кроватью, даже не распакованный. Денег при мне было немного, двадцатка с мелочью, и мне пришлось в голову уронить сумку, будто бы случайно, и убежать. Но испуганный и негромкий внутренний голос предостерегал, что эти люди могут оказаться не просто грабителями.

Я напряженно вслушивалась в их тихие шаги – подозрительно тихие по сравнению с хохотом и голосами, которые я слышала раньше, и судя по звукам, эти шаги не ускорялись и не приближались. Дыши, напоминала себе я. Может, они не за тобой идут. Я продолжала идти так быстро, как только могла, не переходя на бег, неотрывно глядя на поворот направо,

до которого оставалось всего несколько шагов. Незнакомцы держались все на том же расстоянии от меня, как и прежде. С южной стороны на улицу вывернула синяя машина. Я подумывала, не выскочить ли перед ней на дорогу, но, пока медлила в нерешительности, не зная, действительно ли меня преследуют, стало уже слишком поздно.

До угла я дошла, но сразу увидела, что за очередным зданием передо мной тупик. Этого я не ожидала, поэтому пришлось быстро исправлять положение, перебежав через узкую проезжую часть на тротуар. На следующем углу улица закончилась, здесь висел знак «проезд запрещен». Я прислушалась к негромким шагам за моей спиной, не зная, пора бежать или еще рано. Но кажется, неизвестные отстали, и потом, я точно знала, что меня догонят: даже при попытке ускорить шаг я наверняка споткнусь и растянусь на тротуаре. Шаги и вправду звучали тише и дальше. На всякий случай я оглянулась и с облегчением убедилась, что теперь знакомцев отделяет от меня шагов сорок. Однако оба смотрели на меня.

Путь до следующего угла показался мне бесконечным. Я старалась держать темп, и парни, идущие за мной, постепенно отставали. Может, они поняли, что напугали меня, и пожалели об этом. Я увидела, как две машины проехали на север через перекресток, к которому я направлялась, и вздохнула с облегчением. Значит, как только я выберусь с этой пустынной улицы, вокруг прибавится людей. За угол я свернула с благодарным вздохом.

И замерла.

По обе стороны улицы тянулась глухая стена без окон и дверей. Впереди, на расстоянии двух перекрестков, виднелись уличные фонари, машины и пешеходы, но до них было слишком далеко. Потому что посередине улицы, прислонившись к левой стене, стояли еще двое парней из той же компании, и оба с довольными ухмылками смотрели на меня, приросшую к тротуару. Только тогда я поняла, что меня вовсе не преследовали.

А загоняли в ловушку.

Я простояла на месте всего секунду, но она показалась мне бесконечно долгой. Рывком повернувшись, я перебежала через улицу, с упавшим сердцем понимая, что все напрасно. Теперь шаги за спиной слышались громче.

– Ну вот мы и встретились, – гулкий голос плотного темноволосого парня разорвал тишину и заставил меня вздрогнуть. В сгущающихся сумерках мне показалось, что он смотрит не на меня.

– Ага, – громко ответил один из тех, которые шли за мной, и я снова вздрогнула, бросившись прочь по улице. – Длинным путем пошлись.

Мне пришлось сбавить скорость: расстояние между мной и двумя парнями у стены сокращалось слишком быстро. В случае чего я умею кричать во весь голос, и я уже набрала побольше воздуха, чтобы прибегнуть к этому средству, но в горле так пересохло, что я понятия не имела, услышит ли мой крик хоть кто-нибудь. Быстрым движением я сорвала сумочку с плеча и сжала ремешок в руке – чтобы расстаться с ней или превратить в оружие, как получится.

Тем временем плотный парень отделился от стены и неторопливо направился через улицу. Я настороженно остановилась.

– Не подходи! – предостерегла я, надеясь, что голос прозвучит резко и уверенно. Но в горле и вправду пересохло, получился хрип.

– Не упрямясь, крошка, – отозвался он, и за моей спиной снова захохотали.

Я напряглась, приняла устойчивую позу и сквозь панику попыталась припомнить то небольшое, что знала о самообороне. Удар ребром ладони снизу вверх – если повезет, сломать нос или вбить его в башку. Палец в глаз – подцепить, а лучше – выковырять. Ну и классический прием: коленом в пах. Вмешался мой внутренний голос, полный пессимизма, и напомнил, что мне и с одним из них не справиться, а их четверо. «Заткнись!» – велела я ему, пока

ужас не парализовал меня. Сдаваться без боя я не собиралась. И сглотнула, чтобы закричать погромче.

Внезапно из-за угла метнулся свет фар, и машина чуть не сбила плотного парня, который едва успел отскочить на тротуар. А я бросилась ей навстречу: этой машине придется или остановиться, или сбить меня. Но серебристый автомобиль вдруг вильнул и замер на месте так, что пассажирская дверца открылась прямо передо мной, на расстоянии пары шагов.

– В машину! – скомандовал свирепый голос.

Удивительно, как быстро исчез удушливый страх и меня охватило блаженное ощущение безопасности – это произошло еще до того, как я очутилась в машине, в ту же секунду, как услышала его голос. Я почти упала на сиденье и захлопнула за собой дверцу.

В машине было темно, свет не включился, даже пока дверца была открыта, в неяркой подсветке приборной доски я едва различала лицо Эдварда. С визгом шин он развернул машину в сторону севера и сорвал ее с места, направив на ошеломленных парней, застывших на проезжей части. Я успела заметить, как они бросились из-под колес врассыпную, и мы помчались прямо вперед, в сторону гавани.

– Пристегнись, – велел он, и я заметила, что цепляюсь за сиденье обеими руками. Я быстро подчинилась, ремень безопасности громко щелкнул в темноте. Эдвард круто свернул влево и погнал машину прямо под несколько «кирпичей».

Но я чувствовала себя в полной безопасности, и какое-то время мне абсолютно не было дела до того, куда мы едем. С невыразимым облегчением я смотрела на его лицо, благодарная не только за свое внезапное спасение. При тусклом свете я вглядывалась в его безупречные черты, пытаюсь восстановить дыхание, пока до меня вдруг не дошло, что его лицо пылает убийственной яростью.

– Все хорошо? – спросила я, удивившись своему осипшему голосу.

– Нет, – зло отрезал он.

Я притихла, изучая его лицо. Вдруг машина остановилась. Я огляделась по сторонам, но было так темно, что я различала лишь смутные силуэты деревьев у обочины. Видимо, мы уже выехали из города.

– Белла! – проговорил он напряженно и сдавленно.

– Что? – Мой голос звучал по-прежнему сипло, и я потихоньку попыталась прокашляться.

– С тобой все хорошо? – На меня он все так же не смотрел, но ярость на его лице была очевидна.

– Да, – еле слышно пискнула я.

– Пожалуйста, помоги мне отвлечься. – В его тоне слышался приказ.

– Извини, что?

Он испустил раздраженный вздох.

– Поболтай о каких-нибудь пустяках, пока я не успокоюсь, – объяснил он, закрыл глаза и потер переносицу.

– Эм-м... – Я порылась в голове, пытаюсь придумать какую-нибудь банальщину. – Как думаешь, завтра перед уроками переехать пикапом Тайлера Кроули или лучше не надо?

Он все еще сидел зажмурившись, но уголок его губ дрогнул.

– С какой стати?

– Да он болтает, что ведет меня на выпускной – или спятил, или все еще пытается загладить вину за то, что чуть не прикончил меня... Так что если я теперь наеду на него, мы будем квиты, и он наконец отстанет. Можно, конечно, раздолбать его «сентру»: без тачки он никого никуда не пригласит... – меня понесло.

– Я в курсе, – голос Эдварда прозвучал чуть спокойнее.

– Правда? – недоверчиво переспросила я. – С другой стороны, если его разобьет паралич, ему будет не до выпускного, – проворчала я, корректируя свои планы.

Эдвард вздохнул и наконец открыл глаза.

– Полегчало?

– Не совсем.

Я ждала продолжения, но он молчал, откинув голову на спинку сиденья и глядя в потолок машины. Лицо стало суровым.

– Что-то не так? – я перешла на шепот.

– Иногда мне трудно сдерживать себя, Белла, – тоже шепотом объяснил он, глядя в окно прищуренными, как щелки, глазами. – Но я не могу сейчас вернуться и открыть охоту на этих... как бы мне этого ни хотелось... – он отвернулся, снова сдерживая ярость. – По крайней мере, – добавил он, – я стараюсь убедить себя в этом.

– Да уж... – ответа получше у меня не нашлось.

Мы снова умолкли. Я взглянула на часы, встроенные в приборную доску машины: половина седьмого.

– Джессика и Анджела будут волноваться, – пробормотала я. – Я должна была встретиться с ними.

Не сказав ни слова, он завел машину, плавно развернулся и погнал к городу. Вскоре мы уже мчались под уличными фонарями и с той же быстротой лавировали между машинами на набережной. Эдвард припарковался у бордюра: мне казалось, его «вольво» ни за что не втиснется в это пространство, но он ухитрился поставить его на место с первой же попытки. В окно я увидела огни ресторана «Ла Белла Италия» и встревоженных Джесс и Анджелу, выходящих оттуда.

– Откуда ты знаешь, где?.. – начала я, но осеклась, покачала головой и увидела, как Эдвард выходит из машины. – Ты что?

– Веду тебя ужинать, – он улыбался, но взгляд был жестким. Выйдя из машины, он захлопнул дверцу. Неловко повозившись со своим ремнем, я поспешила следом за Эдвардом. Он ждал меня на тротуаре.

Эдвард заговорил, опередив меня:

– Останови Джессику и Анджелу, пока я сам не пошел по их следу. Боюсь не сдержаться и выследить заодно и твоих новых приятелей.

От угрозы в голосе Эдварда я содрогнулась.

– Джесс! Анджела! – крикнула я вслед девчонкам, и когда они обернулись, помахала. Они кинулись ко мне, но явное облегчение на их лицах одновременно сменилось изумлением, когда они увидели, кто стоит рядом со мной. Обе в нерешительности остановились в нескольких шагах от нас.

– Где же ты пропадала? – настороженно спросила Джессика.

– Заблудилась, – смущенно призналась я. – А потом столкнулась с Эдвардом.

– Можно мне присоединиться к вам? – обольстительным голосом осведомился Эдвард. По ошарашенным лицам моих подруг я поняла, что с ними он еще ни разу не пускал в ход свои чары.

– Э-э... да, конечно, – выдохнула Джессика.

– Но знаешь, Белла, мы вообще-то поужинали, пока ждали тебя... извини, – Анджела смутилась.

– Ничего, мне есть не хочется, – пожала я плечами.

– А по-моему, тебе необходимо перекусить, – Эдвард говорил негромко, но решительно, потом перевел взгляд на Джессику и обратился к ней чуть громче: – Не возражаешь, если сегодня домой Беллу отвезу я? Тогда вам не придется ждать, пока она поужинает.

– Ага... без проблем... – Джессика прикусила губу, пытаясь по выражению моего лица определить, не против ли я. Пришлось подмигнуть ей. Мне не терпелось поскорее остаться наедине со своим спасителем. В голове теснилось столько вопросов, но задать их я могла только с глаза на глаз.

– Хорошо, – Анджела оказалась догадливее Джессики. – До завтра, Белла... и Эдвард. Она схватила Джессику за руку и потащила к машине, припаркованной по другую сторону Ферст-стрит. Перед тем, как сесть в машину, Джесс обернулась и помахала мне, явно сгорая от любопытства. Я помахала в ответ, дождалась, когда подруги уедут, и повернулась к Эдварду.

– Мне есть не хочется, честно, – сказала я, всматриваясь в его лицо. Оно было непроницаемым.

– Ради меня.

Он направился к двери ресторана и с непреклонным видом распахнул ее. Отнекиваться дальше не было смысла. С покорным вздохом я вошла в ресторан.

В нем было немногочленно, в городе продолжался мертвый сезон. Я заметила, каким взглядом хозяйка посмотрела на Эдварда, и поняла ее. Прием нам оказали чуть более радушный, чем требовалось, и я, к своему удивлению, забеспокоилась. Хозяйка ресторана, натуральная блондинка, была на несколько сантиметров выше меня.

– Столик на двоих?

Голос Эдварда всегда звучал обольстительно независимо от того, хотел он этого или нет. Я заметила, как хозяйка метнула в меня взгляд и отвела его, довольная моей заурядностью и тем, как Эдвард старательно держался на расстоянии, избегая физического контакта со мной. Нас проводили к столику, за которым могли бы разместиться четверо, в самой многолюдной части зала.

Я уже собиралась сесть, но Эдвард остановил меня, покачав головой.

– А нет ли более уединенного места? – негромко, но твердо спросил он у хозяйки. И, если я не ошиблась, ловко сунул ей в руку чаевые. Я еще ни разу не видела, чтобы кто-то отказывался от предложенного столика, разве что в старых фильмах.

– Конечно, – хозяйка, удивленная не меньше, чем я, повела нас за перегородку, где по кругу располагались небольшие кабинеты, в том числе один свободный. – Подойдет?

– Идеально, – Эдвард сверкнул улыбкой, на миг ослепив хозяйку.

– М-м... официант сейчас подойдет к вам, – растерянно моргая и встряхивая головой, пообещала она, а потом отошла.

– Нельзя так поступать с людьми, – упрекнула я. – Это некрасиво.

– Поступать? Ты о чем?

– Ослеплять их, как это делаешь ты. Бедняга сейчас на кухне наверняка отдышаться не может.

Он, кажется, озадачился.

– Да ладно тебе, – не поверила я. – Как будто ты не знаешь, какое впечатление производишь на людей!

Он склонил голову набок, в глазах отразилось любопытство.

– Значит, я ослепляю людей?

– А ты разве не замечал? Думаешь, каждому так легко добиться своего?

Мои вопросы он пропустил мимо ушей.

– Тебя я тоже ослепляю?

– Постоянно, – призналась я.

К нам подошла официантка, вид у нее был выжидательный. Хозяйка определенно предупредила, что ей предстоит, и ожидания девушки оправдались. Игриво заложив за ухо короткую черную прядь, она вложила в улыбку чрезмерную дозу радушия.

– Привет, я Эмбер. Что будете пить?
Я не могла не заметить, что обращается она только к Эдварду.
Он вопросительно посмотрел на меня.
– Мне колу.
Я словно спрашивала разрешения.
– Две колы, – сказал он официантке.
– Секундочку! – заверила девушка с такой же теплой улыбкой, как прежде. Но Эдвард не видел ее – он не сводил глаз с меня.
– Ты что? – спросила я, когда она ушла.
Его взгляд был прикован к моему лицу.
– Как ты себя чувствуешь?
– Нормально, – ответила я, удивленная настойчивым вопросом.
– Не знобит, не тошнит, голова не кружится?
– Да вроде нет.
Мой озадаченный тон вызвал у него усмешку.
– Вообще-то я все жду, когда у тебя начнется истерика, – на его лице возникла все та же бесподобная усмешка.
– Ну и зря, – сказала я, когда снова обрела способность дышать. – Я умею вытеснять неприятные впечатления.
– И все-таки мне будет спокойнее, когда внутри у тебя прибавится еды и сахара.
Как по заказу, явилась официантка с нашей колой и корзинкой с хлебными палочками. Расставляя их на столе, она повернулась ко мне спиной.
– Вы готовы сделать заказ? – спросила она Эдварда.
– Белла?
Официантка нехотя повернулась ко мне.
Я назвала первое, что вычитала в меню:
– Эм-м... мне равиоли с грибами.
– А вам? – официантка одарила Эдварда еще одной улыбкой.
– Мне ничего.
Само собой.
– Если передумаете – скажите мне, – кокетливая улыбка по-прежнему играла на ее лице, но Эдвард на нее даже не взглянул, и официантка ушла расстроенная.
– Пей, – велел он.
Я послушно пригубила колу, потом начала пить большими глотками, удивляясь неожиданной жажде. Опомнилась я, когда мой стакан был уже пуст, и Эдвард придвинул мне свой.
– Спасибо, – пробормотала я. Пить хотелось по-прежнему. От ледяной газировки мне стало зябко, я поежилась.
– Тебя знобит?
– Это от колы, – объяснила я.
– А куртку ты не взяла? – укоризненно спросил он.
– Взяла, – я взглянула на диванчик рядом с собой – там было пусто. – Ой, я же оставила ее в машине у Джессики, – спохватилась я.
Эдвард принялся снимать свою куртку. Я вдруг поняла, что никогда не обращала внимания на то, как он одет, – ни сегодня, ни когда-либо раньше. Просто я была не в силах отвести взгляд от его лица. Но теперь я увидела, что куртка, которую он снимал, из светло-бежевой кожи, а под ней надета водолазка цвета слоновой кости. Она плотно облегла грудь, подчеркивая мышцы.
Он протянул мне куртку, и я нехотя перестала глазеть на него.

– Спасибо, – в очередной раз произнесла я, просовывая руки в рукава. Куртка была холодной, совсем как моя, когда я надевала ее по утрам после того, как она всю ночь провисела на сквозняке в прихожей. Я снова поежилась. От куртки изумительно пахло. Я принюхалась, пытаюсь определить, что это за нежный запах. На одеколон не похоже. Рукава были мне длинноваты, и я поддержала их повыше, чтобы они не закрывали кисти.

– Этот синий цвет хорошо гармонирует с твоей кожей, – заметил Эдвард, разглядывая меня. Я удивилась, опустила взгляд и, конечно, покраснела.

Он придвинул мне корзинку с хлебными палочками.

– Никакого шока у меня нет, и истерики не предвидится, – сказала я.

– На твоём месте любой нормальный человек был бы в шоке. Но ты даже испуганной не выглядишь. – Он тревожно взгляделся мне в лицо, и я вдруг заметила, какими светлыми стали его глаза – светлее, чем когда-либо на моей памяти, оттенка золотистого жженого сахара.

– С тобой мне очень спокойно, – загипнотизированная его глазами, я опять сказала чистую правду.

Но это его не обрадовало. На мраморном лбу обозначились морщины. Он покачал головой и нахмурился.

– Все намного сложнее, чем я предполагал, – пробормотал он себе под нос.

Я выбрала хлебную палочку и принялась грызть ее, задумавшись над его словами. И гадая, стоит ли задавать вопросы.

– Такие светлые глаза у тебя бывают, когда ты в хорошем настроении, – заметила я, стараясь отвлечь его от мыслей, из-за которых он посерьезнел и нахмурился. Уж не знаю, о чем он там думал.

Он ошеломленно уставился на меня.

– Что?

– А когда у тебя черные глаза, ты злишься и психуешь, и я уже знаю, чего от тебя ждать, – продолжила я. – У меня на этот счет есть гипотеза.

Он прищурился.

– Опять?

– Угу, – я жевала хлебную палочку, изображая безразличие.

– Надеюсь, на этот раз фантазия тебя не подвела... или ты по-прежнему заимствуешь идеи из комиксов? – Он еле заметно улыбнулся, подтрунивая надо мной, но глаза остались строгими.

– Ну нет, комиксы ни при чем, но и моя фантазия тоже, – созналась я.

– Ну и?.. – поторопил он.

В этот момент к нам за перегородку принесли заказ. Я поняла, что мы бессознательно наклонились друг к другу, только когда разом выпрямились при виде официантки. Она поставила тарелку – равиоли в ней выглядели аппетитно, – и живо повернулась к Эдварду.

– Не передумали? – спросила она. – Вам от меня ничего не нужно?

Вопрос звучал двусмысленно, но мне, возможно, просто показалось.

– Нет, спасибо, разве что еще колы, будьте любезны, – длинной белой кистью руки он указал на пустые стаканы передо мной.

– Сейчас, – она забрала стаканы и ушла.

– Так что ты говорила? – спросил Эдвард.

– Расскажу в машине. Но только если... – я умолкла.

– Условия ставишь? – Он вскинул бровь, голос не предвещал ничего хорошего.

– А как же. Надо же кое-что прояснить.

– А как же.

Официантка принесла еще два стакана колы. На этот раз она поставила их на стол молча и сразу ушла.

Я сделала глоток.

– Валяй, – поторопил он строго.

Я начала с самого простого. На мой взгляд.

– Почему ты здесь, в Порт-Анджелесе?

Не глядя на меня, он медленно сложил большие ладони вместе на столе. Потом взглянул на меня из-под ресниц, и на лице возникла тень усмешки.

– Дальше.

– Но этот же самый легкий, – возразила я.

– Дальше, – повторил он.

В недоумении я отвела взгляд, развернула салфетку, в которую были завернуты приборы, взяла вилку и осторожно подцепила на нее равиоли. По-прежнему не глядя на Эдварда, положила равиоли в рот и задумчиво принялась жевать. Вкусные грибы. Проглотив их и запив еще глотком колы, я наконец посмотрела ему в глаза.

– Ладно, – глядя на него в упор, я с расстановкой продолжила: – Предположим – чисто гипотетически, конечно, – что некто знает, о чем думают другие люди, ну, знаешь, умеет читать чужие мысли... за редким исключением.

– За единственным исключением, – поправил он. – Гипотетически.

– Хорошо, пусть будет единственным, – он подыгрывал мне, и я пришла в восторг, но старалась вести себя как ни в чем не бывало. – И как же это происходит? Есть ли какие-то ограничения? Каким образом этот... некто находит другого человека точно вовремя? Как он узнает, что она в беде?

Я понятия не имела, есть ли хоть какой-то смысл в моих запутанных вопросах.

– Гипотетически? – переспросил он.

– Само собой.

– Ну, если... этот некто...

– Пусть будет Джо, – предложила я.

Он иронически улыбнулся.

– Стало быть, Джо. Этому Джо достаточно не отвлекаться, и точное время знать уже не обязательно, – он покачал головой и закатил глаза. – Только тебе под силу умудриться вляпаться в неприятности в таком маленьком городишке. Знаешь, ты ведь могла на целое десятилетие испортить в нем статистику уровня преступности.

– Мы рассуждаем чисто гипотетически, – ледяным тоном напомнила я.

Он рассмеялся, и его глаза потеплели.

– Точно, – согласился он. – Будем называть тебя «Джейн»?

– Как ты узнал? – спросила я, оставив напрасные попытки сдержать любопытство. Сама не замечая, я снова придвинулась к нему.

Он, похоже, колебался, мучимый внутренней дилеммой. Наши взгляды встретились, и я догадалась: прямо в эту минуту он решает, стоит ли просто сказать мне правду.

– Послушай, ты можешь мне довериться, – пробормотала я и, не задумываясь, попыталась коснуться его сложенных ладоней, но он отодвинул их, и я убрала руки.

– Даже не знаю, есть ли у меня еще выбор, – он понизил голос почти до шепота. – Я ошибся, ты гораздо наблюдательнее, чем я полагал.

– А я думала, ты всегда прав.

– Раньше был всегда, – он снова покачал головой. – Насчет тебя я ошибся еще в одном: ты притягиваешь к себе не просто неприятности. Ты, как магнит, тянешь к себе настоящие беды. Если в радиусе десяти километров есть хоть какая-нибудь опасность, она обязательно найдет тебя.

– Ты и себя относишь к этой категории? – догадалась я.

Его лицо стало холодным и бесстрастным.

– Однозначно.

Я снова протянула руки через стол, и, несмотря на его попытку отстраниться, робко коснулась тыльной стороны его ладони кончиками пальцев. Кожа Эдварда была холодной и твердой, как камень.

– Спасибо, – с искренней благодарностью произнесла я. – Ты спас меня уже во второй раз.

Его лицо смягчилось.

– Пусть третьего не будет, ладно?

Я нахмурилась, но кивнула. Рука Эдварда выскользнула из-под моей. Свои руки он спрятал под стол, но наклонился ко мне.

– Я последовал за тобой в Порт-Анджелес, – скороговоркой признался он. – Никогда прежде я даже не пытался спасти кому-то жизнь, и оказалось, что это гораздо сложнее, чем я думал. Но вероятно, все дело в тебе. В жизни обычных людей, как правило, намного меньше катастроф, – он помолчал.

Я думала, что встрежусь, узнав, что он следил за мной, но вместо этого испытала непривычный прилив удовольствия. Он смотрел на меня во все глаза, вероятно, не понимая, почему мои губы вдруг непроизвольно растянулись в улыбке.

– А тебе никогда не приходило в голову, что, может, это пришел мой черед – в первый раз, когда меня чуть не переехал фургон, а ты помешал судьбе? – чтобы отвлечься, предположила я.

– Тот раз был не первый, – возразил он еле слышно. Я удивленно посмотрела на него, но он опустил глаза. – Впервые твой черед пришел, когда мы встретились.

При этих словах мое сердце сжалось от страха, разом вернулись воспоминания о яростном взгляде черных глаз, каким он окинул меня в тот день... но ошеломляющее спокойствие, которое я теперь ощущала в его присутствии, заставило воспоминания отступить. К тому времени, как он испытующе взгляделся в мое лицо, от недавнего страха на нем не осталось и следа.

– Помнишь? – спросил он. Его ангельское лицо помрачнело.

– Да. – Я хранила спокойствие.

– И все-таки сейчас ты сидишь здесь, – он поднял бровь, в голосе сквозило недоверие.

– Да, сижу... благодаря тебе, – я сделала паузу. – Но как ты узнал, где искать меня сегодня? – напомнила я свой вопрос.

Эдвард плотно сжал губы и посмотрел на меня, прищурясь, снова принимая решение. Потом перевел взгляд на мою полную тарелку и опять на мое лицо.

– Ешь, тогда объясню, – поставил он условие.

Я подцепила на вилку равиоли и сунула в рот.

– Не думал, что это настолько хлопотно – держать тебя под наблюдением. Обычно я без труда нахожу человека, стоит мне лишь один раз услышать его мысли, – он тревожно посмотрел на меня, и я обнаружила, что сижу как статуя. Пришлось заставить себя проглотить все, что было во рту, наколоть на вилку еще равиоли и забросить в рот.

– Я продолжал наблюдать за Джессикой, но не особенно пристально, потому что найти на свою голову приключения в таком городе, как Порт-Анджелес, способна только ты. А когда сообразил, что рядом с Джессикой тебя уже нет, отправился искать тебя в книжный, о котором она думала. Сразу стало ясно, что туда ты не заходила и направилась на юг. Я понял, что вскоре ты повернешь обратно, поэтому просто ждал, заглядывая в мысли то одного, то другого прохожего, чтобы проверить, не видел ли тебя кто-нибудь из них, и понять, где ты находишься. Для беспокойства не было причин... но меня не покидала странная тревога... – он задумался, глядя сквозь меня, и, похоже, видел то, что я и вообразить не могла. – Тогда я начал ездить кругами и... прислушиваться. Солнце садилось, я уже собирался бросить

машину и пойти по твоему следу пешком. А потом... – Он умолк и во внезапном приливе ярости стиснул зубы. Овладеть собой он сумел не сразу.

– Что же потом? – шепотом спросила я. Он по-прежнему смотрел мимо меня.

– Я услышал, о чем они думают, – прорычал он и слегка поднял губу, оскалив зубы. – Я увидел твое лицо у него в мыслях, – он вдруг наклонился вперед, поставил локоть на стол и прикрыл ладонью глаза. Это порывистое движение напугало меня.

– Было очень... тяжело, ты даже не представляешь, как трудно мне было просто увезти тебя и оставить их... в живых, – из-под ладони его голос звучал глухо. – Я мог бы отпустить тебя с Джессикой и Анджелой, но боялся, что едва останусь один, как брошусь на поиски... этих уродов, – признался он шепотом.

Ошеломленная, я сидела молча, мысли стали бессвязными. Руки я сложила на коленях, от слабости обмякла, привалившись к спинке. Эдвард по-прежнему прикрывал ладонью лицо и сидел так неподвижно, словно был высечен из камня, который напоминала его кожа.

Когда он наконец поднял голову, то впился в мои глаза взглядом, полным вопросов.

– Готова ехать домой? – спросил он.

– Готова, – подтвердила я, безмерно благодарная за то, что у нас впереди еще целый час пути. Расстаться прямо сейчас с Эдвардом я просто не могла.

Официантка появилась словно по команде. Или потому, что следила за нами.

– Ну, как у вас дела? – спросила она Эдварда.

– Счет, пожалуйста. Благодарю. – Его голос прозвучал негромко, но резковато – сказывалось напряжение нашего недавнего разговора. Видимо, это сбило официантку с толку. Эдвард выжидательно поднял глаза.

– Да-да, – сбивчиво выговорила она. – Вот, пожалуйста, – вынув маленькую кожаную папку из кармана своего черного фартука, она положила ее перед Эдвардом.

К этому моменту он уже успел достать купюру, вложил ее в папку и сразу вернул официантке.

– Сдачи не надо, – он улыбнулся и встал, и я неуклюже поднялась на ноги.

Официантка ответила ему манящей улыбкой.

– Всего доброго.

Он коротко поблагодарил ее, но смотрел при этом на меня. Я с трудом удержалась, чтобы не улыбнуться.

Сопровождая меня к двери, он по-прежнему избегал прикосновений. Я вспомнила рассказ Джессики о том, что они с Майком уже почти достигли стадии первого поцелуя, и вздохнула. Эдвард посмотрел на меня с таким любопытством, что я испугалась, как бы он не прочитал мою мысль.

Он галантно открыл пассажирскую дверцу «вольво», придержал ее, пока я садилась, и мягко закрыл. Я смотрела, как он обходит машину спереди, уже в который раз изумляясь его грации. Казалось бы, к этому времени мне следовало к ней привыкнуть, но я по-прежнему следила за его движениями с замиранием сердца.

Сев в машину, он сразу же завел двигатель и включил печку на полную мощность. На улице резко похолодало, но в куртке Эдварда мне было тепло, и я с удовольствием приняла запах, стараясь, чтобы он не заметил этого.

Эдвард с легкостью влился в транспортный поток, и когда мы вылетели на скоростное шоссе, повернулся ко мне.

– Итак, – со значением произнес он, – теперь твоя очередь.

9. Гипотеза

– Можно еще один вопрос? – попросила я, с опаской глядя на мелькающие вдоль обочины деревья. Мне казалось, что Эдвард едет слишком быстро и почти не следит за дорогой.

Он вздохнул.

– Один, – разрешил он и настороженно поджал губы.

– Слушай... а как ты понял, что я не заходила в книжный, а сразу отправилась на юг?

Раздумывая, он отвел глаза.

– Мне казалось, мы теперь откровенны друг с другом, – буркнула я.

Он почти улыбнулся.

– Ну хорошо: я следовал за тобой по запаху.

Он устремил взгляд на дорогу, а я тем временем успела состроить гримасу. С ответом я не нашлась, но постаралась взять его слова на заметку, чтобы позже обдумать как следует. Сейчас, когда он наконец-то удостоил меня объяснениями, я хотела узнать как можно больше.

– Ты так и не ответил на один из моих первых вопросов... – я попыталась выиграть время.

– Какой? – недовольно спросил он.

– Как ты читаешь мысли? Ты можешь прочитать мысли любого человека, где бы он ни был? Как ты это делаешь? А остальные в твоей семье?.. – Я чувствовала себя по-дурацки, спрашивая о том, во что сама ни капельки не верила.

– Это уже не один вопрос, – поправил он.

Я в ожидании смотрела на него.

– Нет, так умею только я. Но не всегда и не везде. Я должен достаточно хорошо знать человека, которого читаю. Чем лучше знаком мне чей-то... «голос», тем больше расстояние, с которого я могу расслышать его. Но все равно это расстояние не превышает нескольких километров, – он помолчал. – Это все равно что находиться в огромном зале, полном людей, которые говорят все разом. Голоса на заднем плане сливаются в гул. Иногда мне удается сосредоточиться на одном из них, но лишь в том случае, если этот человек мыслит ясно.

Так что обычно я отключаюсь от этого гула – порой он здорово отвлекает. И потом, так проще казаться нормальным, – Эдвард нахмурился. – Мне постоянно приходится следить за тем, чтобы отвечать не на мысли, а на слова, которые произносит мой собеседник.

– Как думаешь, почему ты не слышишь мои мысли? – полюбопытствовала я.

Он ответил загадочным взглядом.

– Не знаю, – пробормотал он. – Могу лишь предположить, что твой разум работает не так, как у всех. Как будто ты мыслишь на длинных волнах, а я способен принимать только ультракороткие. – Вдруг развеселившись, он усмехнулся. – Мои мозги работают неправильно? Значит, я урод? – Его слова задели меня больнее, чем следовало ожидать – вероятно, потому, что предположение попало не в бровь, а в глаз. Я всегда подозревала то же самое, и теперь, когда мои предположения подтвердились, расстроилась.

– Не знаю, почему ты считаешь себя уродом. – Он рассмеялся. – Ведь голоса в голове у меня, да и то лишь гипотетически... – Его лицо снова стало непроницаемым. – И мы снова вернулись к разговору о тебе.

Я вздохнула. С чего начать?

– А мне казалось, мы теперь откровенны друг с другом, – мягко напомнил он.

Пытаясь подобрать слова, я впервые за все время отвела взгляд от его лица и случайно посмотрела на спидометр.

– Господи, сбавь скорость! – закричала я.

– В чем дело? – удивился он, но скорость не сбросил.

– Ты гонишь под сто шестьдесят километров в час! – Я снова сорвалась на крик, бросила перепуганный взгляд в окно, но было так темно, что я мало что увидела – только длинный лоскут шоссе в голубоватом свете фар. По обе стороны от шоссе высился черный лес, и при скорости, с которой мы неслись, этот лес казался сплошной стеной.

– Успокойся, Белла, – он закатил глаза, но не притормозил.

– Хочешь, чтобы мы разбились?

– Мы не разобьемся.

Я попыталась понизить голос.

– Куда ты так спешишь?

– Я всегда так езжу, – он повернулся ко мне и усмехнулся.

– На дорогу смотри!

– Белла, я ни разу не попадал в аварию, меня никогда даже не штрафовали, – он ухмыльнулся и постучал себя по лбу. – У меня здесь антирадар.

– Кошмар, – я кипела. – Ты забыл, что Чарли полицейский? Меня приучили соблюдать правила дорожного движения. И потом, если твой «вольво» обмотается кренделем вокруг дерева, – тебе-то что, отряхнулся и пошел дальше!

– Возможно, – согласился он с коротким жестким смешком. – А ты так не сможешь, – он вздохнул, и я с облегчением увидела, как стрелка медленно опустилась к ста тридцати километрам. – Довольна?

– Почти.

– Не выношу медленной езды, – пробурчал он.

– По-твоему, это медленно?!

– Довольно разговоров о том, как я вожу машину, – отрезал он. – Я все еще жду рассказа о твоей новой гипотезе.

Я прикусила губу. Взгляд его медовых глаз, обращенный на меня, вдруг смягчился.

– Я не буду смеяться, – пообещал он.

– Я больше опасаясь, что ты рассердишься.

– Все так плохо?

– В общем, да.

Он ждал. Я изучала собственные руки, поэтому не видела его лица.

– Начинай, – голос Эдварда звучал спокойно.

– Я не знаю, с чего начать, – призналась я.

– С начала. Ты говорила, что твоя фантазия тут ни при чем.

– Верно.

– Тогда что же навело тебя на эту мысль – книга? Фильм? – пытался угадать он.

– Нет, то, что случилось в субботу на побережье, – я рискнула посмотреть ему в лицо.

Он выглядел озадаченным. – Там я встретила с давним знакомым – Джейкобом Блэком, – продолжала я. – Чарли дружил с его отцом, когда я была еще маленькой.

Эдвард по-прежнему ничего не понимал.

– Отец Джейкоба – один из старейшин племени квилетов, – нерешительно добавила я. Озадаченное выражение словно приросло к лицу Эдварда. – Мы пошли прогуляться... – о том, как я обманом вытянула из Джейкоба правду, я умолчала, – он рассказывал мне старые легенды, хотел напугать, наверное. Одна из них была про... – я замялась.

– Продолжай.

– Про вампиров, – сама не заметив, я вдруг перешла на шепот. На Эдварда я старалась не смотреть, но видела, как судорожно сжались на руле его пальцы.

– И ты сразу вспомнила про меня? – он все еще был спокоен.

– Нет. Он... упомянул твою семью.

Он молчал, глядя на дорогу.

Я вдруг встревожилась и попыталась защитить Джейкоба.

– Сам он считает это глупыми суевериями, – поспешно добавила я. – Он и не рассчитывал, что я в них поверю. – Оправдание показалось мне недостаточным, и пришлось признаться: – Это я виновата, я вынудила его рассказать мне эту легенду.

– Почему?

– Лорен удивлялась, почему ты не поехал с нами – хотела мне досадить. А парень постарше, тоже индеец, сказал, что в резервации ваша семья не появляется, но таким тоном, словно вкладывал в эти слова какой-то другой смысл. Вот я и предложила Джейкобу пройтись, чтобы выяснить у него, в чем дело, – созналась я, повесив голову.

Вдруг он расхохотался, напугав меня. Я уставилась на него: он продолжал смеяться, но в глазах плескалась ярость.

– И как же ты это выяснила? – спросил он.

– Попробовала пофлиртовать с ним – сама не ожидала, что получится, – мне и сейчас не верилось, когда я вспоминала об этом.

– Хотел бы я на это посмотреть, – он недобро хмыкнул. – А еще меня обвиняла, будто я ослепляю людей! Бедный Джейкоб Блэк.

Я вспыхнула и уставилась в темноту за окном.

– И что же было потом? – спросил он немного погодя.

– Я полезла искать информацию в Интернете.

– И он подтвердил твои догадки? – Голос Эдварда звучал почти равнодушно, но пальцы с силой сжимались на руле.

– Нет. Ничего не совпало. Почти все, что нашлось, выглядело глупо. И... – я осеклась.

– Что?

– Я решила, что все это не имеет значения.

– Не имеет значения?

Услышав, каким тоном он задал этот вопрос, я обернулась: наконец мне удалось пробить броню его спокойствия. Выражение на лице Эдварда было скептическим, но лишь с легким оттенком гнева, которого я боялась.

– Да, – тихо подтвердила я. – Для меня не имеет значения, кто ты такой.

Голос Эдварда стал резким и насмешливым.

– Тебе безразлично, что я чудовище? Не человек?

– Да.

Он помолчал, снова глядя прямо перед собой. Его лицо было суровым и холодным.

– Сердишься... – я вздохнула. – Лучше бы я ничего тебе не рассказывала.

– Нет, – возразил он, но голос был жестким. – Я предпочитаю знать, о чем ты думаешь, даже если тебе самой твои мысли кажутся бредом.

– Значит, я снова ошиблась? – с вызовом спросила я.

– Речь не об этом. «Не имеет значения»! – передразнил меня он и скрипнул зубами.

– Так я права? – ахнула я.

– А не все ли равно?

Я тяжело вздохнула.

– Вообще-то нет, – я помолчала. – Но мне хотелось бы знать правду. – К счастью, мой голос прозвучал бесстрастно.

Он вдруг сдался:

– Что тебе хотелось бы знать?

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, – сразу ответил он.

– И давно тебе семнадцать?

Губы дрогнули.

– Довольно давно, – признался он наконец.

– Ясно, – я улыбнулась, радуясь тому, что он по-прежнему откровенен со мной. Он оглядел меня пристально, совсем как раньше, когда опасался, что у меня начнется истерика. Успокаивая его, я улыбнулась шире, и он нахмурился.

– Только не смейся! Разве тебе можно выходить днем?

Он все равно засмеялся.

– Выдумки.

– И солнце не сожжет?

– Выдумки.

– И в гробу не надо спать?

– Выдумки, – он помедлил и добавил: – Я не сплю.

До меня дошло не сразу.

– Вообще не спишь?

– Никогда, – еле слышно подтвердил он и с меланхоличным видом повернулся ко мне. Под взглядом золотистых глаз я растеряла все мысли, и только таращилась на него, пока он не отвел взгляд.

– О самом главном ты до сих пор не спросила. – Голос прозвучал резко, взгляд стал холодным.

Я растерянно заморгала.

– О чем это?

– А разве тебе не интересно, чем я питаюсь? – саркастически уточнил он.

– А-а, это... – пробормотала я.

– Вот именно, – жестко продолжил он. – Неужели не хочешь спросить, пью ли я кровь?

Я вздрогнула.

– Ну, об этом я знаю от Джейкоба.

– И что же он тебе наговорил? – бесстрастно спросил он.

– Что вы... не охотитесь на людей. Сказал, что твоя семья считается не опасной, потому что вы охотитесь только на животных.

– Он правда сказал, что мы не опасные? – скептицизм Эдварда был очевиден.

– Нет, не так. Он сказал, что вы якобы не опасны. Но квилеты из осторожности не хотят, чтобы вы появлялись на их земле.

Его взгляд был по-прежнему направлен вперед, но я не знала, следит он за дорогой или нет.

– Значит, он прав? Насчет охоты на людей? – я старалась, чтобы мой голос звучал ровно.

– Квилеты памятьливы, – шепотом произнес он.

Я приняла его ответ как утвердительный.

– Но не стоит терять бдительность, – предостерег он. – Квилеты правильно делают, что сторонятся нас. Мы опасны, несмотря ни на что.

– Ничего не понимаю.

– Мы стараемся держаться, – медленно объяснил он. – Обычно это нам удается. Но порой и мы совершаем ошибки. Как я, например, когда остался с тобой наедине.

– По-твоему, это ошибка? – я различила в своем голосе грусть, но не знала, заметит ли ее и Эдвард.

– И очень опасная, – пробормотал он.

Мы оба умолкли. Я смотрела, как лучи фар повторяют очертания поворотов шоссе. Они двигались слишком быстро, происходящее напоминало не реальность, а видеоигру. Я сознавала, что время ускользает так же стремительно, как черная лента шоссе из-под колес, и ужасно боялась, что больше мне никогда не представится шанса поговорить с Эдвардом

так, как сейчас – открыто, без преград, разделяющих нас. Его слова предвещали конец, а я об этом даже помыслить не могла. Больше я не желала терять ни минуты, проведенной с ним.

– Рассказывай, – с отчаянием попросила я. Что угодно, лишь бы слушать его.

Он метнул в меня взгляд, удивляясь, как изменился мой голос.

– Что еще ты хочешь узнать?

– Почему вы охотитесь на животных, а не на людей, – подсказала я, и голос снова дрогнул в отчаянии. На глаза навернулись слезы, я боролась с горем, угрожающим захлестнуть меня.

– Не хочу быть чудовищем, – очень тихо ответил Эдвард.

– Одних животных ведь недостаточно?

Он помолчал.

– Не знаю точно, прав ли я, но, по-моему, так жить – все равно что питаться только тофу и соевым молоком. Мы называем себя вегетарианцами, это шутка, понятная только в нашем кругу. Такая пища не до конца утоляет голод – точнее, жажду. Однако она придает нам сил и помогает сдерживаться. Почти всегда, – в голосе послышались зловещие нотки. – Порой бывает особенно трудно.

– Сейчас тебе трудно? – спросила я.

Он вздохнул.

– Да.

– Но сейчас ты не голодный, – уверенно объявила я – утверждая, а не спрашивая.

– С чего ты взяла?

– Определила по твоим глазам. Я же сказала, что у меня появилась еще одна гипотеза. Я заметила, что люди, а мужчины в особенности, чаще злятся, когда их мучает голод.

Он хмыкнул.

– А ты наблюдательная.

Я не ответила: вслушиваясь в его смех, я старалась получше запомнить его.

– На выходных ты охотился вместе с Эмметтом? – спросила я, когда он отсмеялся.

– Да, – он помолчал, не зная, стоит ли рассказывать мне об этом. – Уезжать мне не хотелось, но пришлось. Мне легче рядом с тобой, когда я не чувствую жажды.

– Почему тебе не хотелось уезжать?

– Вдали от тебя мне... тревожно. – Его взгляд был мягким, но пристальным, от него мои кости словно плавилась. – Когда в прошлый четверг я просил тебя не свалиться в воду и не попасть под машину, я не шутил. Все выходные я беспокоился о тебе и больше ни о чем не мог думать. После того, что случилось сегодня, мне с трудом верится, что ты благополучно провела выходные и осталась целой и невредимой, – он покачал головой и вдруг как будто припомнил что-то: – Вернее, почти невредимой.

– Что?

– Ладони, – напомнил он. Я перевела взгляд на почти зажившие порезы на собственных ладонях. От глаз Эдварда ничто не ускользало.

– Упала, – вздохнула я.

– Так я и думал, – уголки губ приподнялись. – Поскольку речь о тебе, могло быть гораздо хуже, и эта вероятность не давала мне покоя все время, пока я был в отъезде. Эти три дня выдались очень долгими. Я успел изрядно потрепать нервы Эмметту, – он грустно улыбнулся мне.

– Три дня? А разве вы не сегодня вернулись?

– Нет, еще в воскресенье.

– Тогда почему же никто из ваших не появлялся в школе? – вспоминая, как измучалась за время его отсутствия, я испытала раздражение, граничащее со злостью.

– Ну, ты же сама спрашивала, не жжет ли меня солнце, – нет, не жжет. Но в солнечную погоду мне лучше не выходить – по крайней мере, там, где меня может кто-нибудь увидеть.

– Почему?

– Покажу когда-нибудь, – пообещал он.

Некоторое время я обдумывала его слова.

– Но позвонить-то мне ты мог, – сообщила я.

Он озадачился.

– Но я же знал, что с тобой все в порядке.

– Зато я не знала, где ты. И мне... – я смутилась и опустила глаза.

– Тебе – что? – его бархатистый голос был неотразим.

– Мне это не понравилось. Не видеть тебя. Я тоже беспокоилась, – заговорив об этом вслух, я покраснела.

Он молчал. Я в тревоге подняла глаза и увидела на его лице боль.

– Нет... – тихо простонал он. – Так нельзя.

Я не поняла, в чем дело.

– Что такого я сказала?

– А разве ты не видишь, Белла? Одно дело – мучиться самому, и совсем другое – когда страдаешь ты. – Его полные боли глаза были устремлены на дорогу, слова сыпались так быстро, что я едва успевала понимать их смысл. – Не хочу слышать, что тебе пришлось так тяжело, – голос был негромким, но настойчивым. Его слова ранили меня. – Так нельзя. Это небезопасно. Я опасен, Белла. Пожалуйста, постарайся это понять.

– Нет, – несмотря на все старания сдержаться, я выглядела надутым ребенком.

– Я не шучу, – зарычал он.

– Я тоже. Я же сказала: не имеет значения, кто ты. Уже слишком поздно.

– Не смей так говорить! – негромко и хрипло воскликнул он.

Я прикусила губу, радуясь, что он не понимает, как мне больно, и засмотрелась на дорогу. Должно быть, мы уже почти приехали. Слишком уж быстро он гнал.

– О чем задумалась? – все тем же резким тоном спросил он. Я лишь покачала головой, не доверяя своему голосу. Чувствуя взгляд Эдварда на своем лице, я упорно смотрела вперед.

– Ты плачешь? – похоже, он пришел в смятение. Только теперь я поняла, что слезы, навернувшиеся на глаза, все-таки пролились, и быстро провела ладонью по щеке.

– Нет, – ответила я срывающимся голосом.

Я увидела, как он нерешительно протянул ко мне правую руку, но вдруг замер и снова взялся за руль.

– Прости, – голос был полон сожаления. Я поняла, что он извиняется не только за резкие слова, расстроившие меня.

Ночная тьма безмолвно неслась мимо нас.

– Объясни мне одну вещь, – помолчав еще минуту, попросил он.

– Какую?

– О чем ты думала сегодня прямо перед тем, как я выехал из-за угла? Выражение твоего лица я не понял: ты как будто не испугалась, а на чем-то старательно сосредоточилась.

– Пыталась вспомнить, как обезвредить нападающего – ну, знаешь, в целях самообороны. Собиралась вбить ему нос в башку, – вспомнив темноволосого парня, я ощутила прилив ненависти.

– Ты готовилась драться с ними? – он встревожился. – Неужели тебе не пришло в голову убежать?

– На бегу я часто падаю, – призналась я.

– А позвать на помощь?

– Как раз собиралась.

Он покачал головой.

– Ты была права: я действительно мешаю судьбе, спасая тебе жизнь.

Я вздохнула. Мы сбавили скорость, проезжая пригороды Форкса. Поездка заняла меньше двадцати минут.

– Завтра увидимся? – настойчиво спросила я.

– Да, мне ведь тоже сдавать сочинение, – улыбнулся он. – Займу тебе место в кафетерии.

После всего, что случилось сегодня, это обещание прозвучало нелепо, но от него у меня радостно забилось сердце, и я на время утратила дар речи.

Мы подъехали к дому Чарли. В окнах горел свет, мой пикап стоял на месте, все выглядело как обычно. Как будто я проснулась. Эдвард остановил машину, но я не спешила выйти.

– Так ты обещаешь завтра быть в школе?

– Обещаю.

Я подумала немного и кивнула, потом принялась снимать его куртку, в последний раз вдохнув ее запах.

– Оставь себе, ведь тебе завтра не в чем ехать, – напомнил он.

Но я сунула куртку ему в руки.

– Не хочу объясняться с Чарли.

– Ах, да, – усмехнулся он.

Я медлила, взявшись за дверную ручку и стараясь отдалить расставание.

– Белла... – начал он совсем другим тоном – серьезным, но нерешительным.

– Что? – я обернулась к нему слишком поспешно.

– Пообещаешь мне кое-что?

– Хорошо, – согласилась я и сразу пожалела о том, что не выдвинула никаких условий.

А если он потребует, чтобы я держалась от него подальше? Сдержать это обещание я не смогу.

– Не ходи в лес одна.

В полном замешательстве я уставилась на него.

– Почему?

Он нахмурился, напряженно глядя не на меня, а в окно.

– Я – не самое опасное, что есть в здешних местах. Давай этим и ограничимся.

Он произнес эти слова так мрачно, что меня слегка передернуло.

– Как скажешь. – По крайней мере, такое обещание легко сдержать.

– До завтра, – он вздохнул, и я поняла: он хочет, чтобы я ушла.

– До завтра, – я нехотя открыла дверцу.

– Белла! – Я обернулась, он наклонился, и его бледное прекрасное лицо оказалось на расстоянии нескольких сантиметров от моего. Мое сердце остановилось.

– Спокойной ночи, – пожелал он. Его дыхание овеяло мое лицо, ошеломив тем же самым утонченным ароматом, которым пропиталась куртка, только более насыщенным. Потрясенная, я могла лишь моргать. Он отстранился.

Наконец мой мозг каким-то образом пришел в чувство, и ко мне снова вернулась способность двигаться. Я неуклюже выбралась из машины, держась за дверцу, чтобы не упасть. Кажется, Эдвард хмыкнул, но звук был слишком тихим – возможно, мне просто почудилось.

Эдвард дождался, когда я доковыляю до двери, потом потихоньку завел двигатель. Я обернулась, чтобы проводить взглядом серебристую машину, скрывающуюся за поворотом, и вдруг заметила, как холодно на улице.

Машинально я достала ключ, отперла дверь и шагнула через порог.

Чарли крикнул из гостиной:

– Белла?

– Да, пап, это я. – Я зашла к нему. Он смотрел бейсбол.

- Рановато вернулась.
- Разве? – удивилась я.
- Еще и восьми нет, – сообщил он. – Хорошо съездили?
- Ага, очень. – У меня закружилась голова при попытке вспомнить, с чего началась поездка. – И Джессика, и Анджела нашли подходящие платья.
- У тебя все хорошо?
- Просто устала. Находилась пешком.
- Ну, тогда надо прилечь, – он забеспокоился. Я попыталась представить себе, как выгляжу.
- Только сначала позвоню Джессике.
- А ты разве не с ней приехала? – удивился он.
- С ней, конечно, но забыла куртку у нее в машине. Надо предупредить, чтобы она захватила ее завтра в школу.
- Дай ей хотя бы доехать до дома.
- Точно, – согласилась я.
- В кухне я устало рухнула на стул. Голова кружилась. Держись, велела я себе. Телефон зазвонил внезапно, я вздрогнула и схватила трубку.
- Алло? – задыхаясь, выпалила я.
- Белла?
- А, Джесс! Я как раз собиралась звонить тебе.
- Ты уже дома? – она явно вздохнула с облегчением и удивилась.
- Да. Забыла у тебя в машине куртку – ты нехватишь ее завтра?
- Конечно. А теперь выкладывай! – потребовала она.
- М-м... завтра на тригонометрии, ладно?
- Она сообразила, в чем дело.
- Отец рядом?
- Вот именно.
- Ладно, тогда завтра поговорим. Пока! – нетерпеливо попрощалась она.
- Пока, Джесс.

Я медленно побрела наверх, чувствуя, как в голове распространяется плотный туман. Ко сну я готовилась на автомате, не замечая, что делаю. Только под душем – вода оказалась слишком горячей и обжигала кожу – я вдруг поняла, что совсем замерзла. Несколько минут я тряслась, пока от горячего пара мышцы не начали расслабляться. От усталости я стояла под душем неподвижно, пока не кончилась горячая вода.

Выбравшись из-под душа, я поплотнее закуталась в полотенце, пытаюсь сохранить тепло и опасаясь, что вскоре вновь начнется озноб. Потом быстро переоделась для сна, залезла под стеганое одеяло, свернулась клубком и обняла себя руками, чтобы согреться.

В голове упорно вертелись мысли, перед глазами возникали видения, которых я не понимала. Поначалу в мыслях царил хаос, но постепенно, по мере засыпания, кое-что начало проясняться.

В трех фактах я несколько не сомневалась. Во-первых, Эдвард – вампир. Во-вторых, некая часть его природы, и неизвестно, насколько сильная, жаждет моей крови. И, в-третьих, я беззаветно и бесповоротно влюблена в него.

10. Расспросы

Утром мне пришлось уговаривать саму себя, что вчерашний вечер мне не приснился. Логика и здравый смысл заняли противоположные стороны. Я упорно цеплялась за детали, которые точно не были плодом моего воображения – например, запах Эдварда, я бы точно не смогла его выдумать.

За окном было туманно и пасмурно – идеальная погода для вампиров. Значит, у Эдварда нет причин не появляться сегодня в школе. Я оделась потеплее, помня, что куртки дома нет. Еще одно доказательство, что мне ничего не привиделось.

Чарли внизу я уже не застала: оказывается, я почти опаздывала. Тремя укусами справившись с плиткой гранолы, я запила ее молоком прямо из пакета и бросилась к двери. Надеюсь, дождь подождет, пока я не разыщу Джессику.

Туман был непривычно плотным, казалось, в воздухе висит густой дым. Влажная пелена, касавшаяся моих рук и лица, ощущалась как лед. Я с нетерпением ждала, когда наконец добегу до пикапа и включу в нем печку. Лишь сделав несколько шагов по подъездной дорожке, я обнаружила, что на ней стоит еще одна машина, серебристая. Мое сердце гулко стукнуло, сбилось с ритма и снова заколотилось, но уже вдвое быстрее.

Я не заметила, откуда вышел Эдвард, но внезапно он появился рядом с машиной и открыл передо мной дверцу.

– Поедем сегодня вместе? – спросил он с усмешкой, опять ухитрившись застать меня врасплох. Но голос звучал неуверенно.

– Да, спасибо, – ответила я как можно спокойнее. В теплой машине я заметила бежевую куртку на подголовнике пассажирского сиденья. Дверь за мной закрылась, и уже через мгновение Эдвард сидел на водительском месте и заводил двигатель. Когда он успел обойти машину?

– Я прихватил для тебя куртку. Не хватало тебе еще заболеть, – осторожно пояснил он. Я увидела, что на нем только светло-серый джемпер с треугольным вырезом и длинными рукавами. Сегодня я опять заметила, как красиво облегает его мускулистый торс ткань. Лишь безмерное восхищение его лицом мешало мне глазеть на его тело.

– Я не такая неженка, – возразила я, но сняла куртку с подголовника и просунула руки в слишком длинные для меня рукава, проверяя, так ли она пахнет, как мне запомнилось. Запах был такой же, даже еще лучше.

– Да ну? – возразил он настолько тихо, будто эти слова и не предназначались для меня.

Мы мчались сквозь туман по городу, как всегда, чересчур быстро, и чувствовали себя неловко. По крайней мере, я. Вчера вечером стены, разделяющие нас, пали... почти все. Но я не знала, будем ли мы так же откровенны друг с другом сегодня, и держала язык за зубами. Ждала, что он заговорит первым.

Он с усмешкой взглянул на меня.

– Сегодня двадцати вопросов подряд не будет?

– Тебе не нравятся мои вопросы? – с облегчением отозвалась я.

– Не столько вопросы, сколько твоя реакция, – кажется, он шутил, но я на всякий случай сомневалась.

Я нахмурилась.

– Плохо реагирую?

– Нет, в том-то и дело. Ты все воспринимаешь так спокойно, что это выглядит неестественно. Я теряюсь в догадках, о чем ты на самом деле думаешь.

– Что думаю, то и говорю.

– С поправками, – укоризненно заявил он.

– Незначительными.

– Достаточными, чтобы свести меня с ума.

– Кое-что тебе лучше не знать, – почти шепотом возразила я, и едва у меня вырвались эти слова, как я о них пожалела. Боль в моем голосе была еле заметна, и я надеялась, что Эдвард не обратит на нее внимания.

Он не ответил. Неужели я испортила ему настроение? Пока мы въезжали на школьную стоянку, его лицо было непроницаемым. Меня с опозданием осенило:

– А где твоя семья?

Я была страшно рада побыть с ним наедине, но помнила, что обычно в серебристой машине все места заняты.

– Поехали на машине Розали, – он пожал плечами, ставя машину рядом с блестящим алым кабриолетом с поднятым верхом. – Шикарный, да?

– Ух ты! – выдохнула я. – Если у нее есть такая тачка, зачем же она ездит на твоей?

– Я же сказал – она слишком шикарна, а мы стараемся не выделяться.

– Зря стараетесь, – я рассмеялась и покачала головой, выбираясь из машины. Я уже не опаздывала: Эдвард гнал машину как сумасшедший и доставил меня в школу задолго до начала урока. – Если эта машина так привлекает внимание, почему же Розали сегодня приехала на ней?

– А разве ты не заметила, что сейчас я нарушаю все правила? – Он дождался, пока я обойду машину, и мы бок о бок зашагали по территории школы. Мне хотелось сократить и без того близкое расстояние между нами, протянуть руку и коснуться его, но я боялась, что он будет недоволен.

– Тогда зачем вы вообще покупаете такие машины, как эта? – размышляла я вслух. – Если вы так оберегаете свою частную жизнь?

– Из прихоти, – признался он с озорной улыбкой. – Мы любим быструю езду.

– Кто бы сомневался, – пробормотала я себе под нос.

Под навесом у входа в кафетерий ждала Джессика, глаза которой от удивления чуть не выпадали из орбит. К счастью, в руках у нее была моя куртка.

– А, Джессика! – воскликнула я, когда до нее оставалось несколько шагов. – Спасибо, что не забыла!

Она молча протянула мне куртку.

– Доброе утро, Джессика, – вежливо произнес Эдвард. В сущности, он не виноват, что у него такой обольстительный голос. И взгляд.

– М-м... привет. – Она перевела взгляд на меня, пытаюсь собраться с мыслями. – На тригонометрии увидимся, – многозначительно добавила она, и я подавила вздох. Господи, ну что мне ей сказать?

– Ага, увидимся.

Она отошла, но пару раз бросила на нас взгляд через плечо.

– И что же ты ей скажешь? – шепотом спросил Эдвард.

– Слушай, я думала, мои мысли ты не читаешь! – прошипела я.

– Не читаю, – удивился он, а потом до него дошло: – Зато я прочитал мысли Джессики: она намерена подкараулить тебя в классе.

Со стоном я сняла куртку Эдварда, отдала ему и надела свою. Он повесил куртку на руку.

– Так что же ты ей скажешь?

– А подсказку? – умоляюще протянула я. – О чем она хочет спросить?

С озорной усмешкой он покачал головой.

– Так нечестно.

– Нет, нечестно – знать и не поделиться.

Он немного помедлил с ответом. Мы остановились возле двери корпуса, в котором у меня был первый урок.

– Джессика хочет знать, не встречаемся ли мы с тобой. И еще – как ты ко мне относишься, – наконец сообщил он.

– Ой! И что мне сказать? – я попыталась изобразить растерянность. Мимо нас на урок шли ученики, некоторые глазели на нас, но я их почти не замечала.

– Хм-м... – Эдвард сделал паузу и поправил выбившуюся прядь моих волос. Сердце бешено застучало. – Пожалуй, на первый вопрос ты могла бы ответить утвердительно... если не возражаешь. Будет проще, чем что-либо объяснять.

– Не возражаю, – слабым голосом подтвердила я.

– А насчет второго... я бы и сам не отказался услышать ответ, – на его лице возникла моя любимая кривоватая усмешка. У меня перехватило дыхание, поэтому ответить я не успела. Эдвард повернулся и направился прочь.

– Увидимся за обедом, – бросил он. Трое школьников, направлявшихся к двери, замерли и уставились на нас.

В класс я вбежала пылающая и недовольная. Вот жулик! Теперь предстоящий разговор с Джессикой тревожил меня еще сильнее. Я села на свое привычное место, в досаде швырнув сумку.

– Доброе утро, Белла, – поздоровался Майк. Я заметила на его лице странное, почти безнадежное выражение. – Как там Порт-Анджелес?

– Там... – Честного способа подвести итог поездки не нашлось. – Отлично, – неловко закончила я. – Джессика нашла миленькое платье.

– А про вечер понедельника она ничего не говорила? – Его глаза оживленно заблестели. Я улыбнулась, довольная оборотом, который принял разговор.

– Говорила, что отлично провела время, – завершила я Майка.

– Правда? – встрепенулся он.

– А как же!

Нас прервал мистер Мейсон, который призвал класс к порядку и попросил сдать сочинения. Английский и политология пролетели незаметно, пока я размышляла, как объясниться с Джессикой, и боялась, что Эдвард, прочитав ее мысли, действительно узнает, что я ей сказала. В тех случаях, когда дело не касалось спасения моей жизни, дар Эдварда доставлял массу неудобств.

К концу второго урока туман почти рассеялся, однако день по-прежнему был пасмурным, с удручающе низкими тучами. Но я благодарно улыбалась ненастному дню, поглядывая на затянутое тучами небо.

Эдвард, конечно, был прав. Явившись на тригонометрию, я увидела на заднем ряду Джессику, от нетерпения так и подскакивающую на стуле. Я нехотя села рядом, пытаюсь убедить себя, что лучше уж отмучиться поскорее.

– Рассказывай все! – приказала она, не успела я сесть.

– Что ты хочешь знать? – уклонилась я от прямого ответа.

– Что было вчера вечером?

– Эдвард угостил меня ужином, потом отвез домой.

Она уставилась на меня во все глаза, на ее лице застыло недоверие.

– Как это вы доехали до дома так быстро?

– Он гоняет как бешеный! Ужас какой-то, – я надеялась, что эти слова Эдвард услышит.

– Так это что было – свидание? Вы договорились встретиться там?

Это мне и в голову не приходило.

– Нет, я страшно удивилась, когда увидела его там.

Выслушав мой чистосердечный ответ, она разочарованно поджала губы.

- А сегодня он заехал за тобой перед уроками? – продолжала допытываться она.
- Да, но ни о чем таком мы не договаривались. Он заметил, что вчера вечером я была без куртки, – объяснила я.
- Собираетесь еще куда-нибудь?
- Он предложил свозить меня в субботу в Сиэтл – по его мнению, такой поездки мой пикап не выдержит. Это считается?
- Считается, – кивнула она.
- Ну, значит, да. Собираемся.
- Ну и ну... – отчетливо произнесла она все три слога. – Эдвард Каллен!
- Верно, – согласилась я. – Это не просто «ну и ну».
- погоди! – Она выставила руки вперед, ладонями ко мне, словно останавливала дорожное движение. – Он целовал тебя?
- Нет, – пробормотала я. – Даже не пытался.
- Лицо Джессики стало разочарованным. Наверняка и мое тоже.
- Как думаешь, в субботу?.. – она подняла брови.
- Маловероятно, – досаду в моем голосе скрыть не удалось.
- О чем вы говорили? – Джессика продолжала допытываться шепотом: урок уже начался, но мистер Варнер не делал нам замечаний, к тому же болтали не мы одни.
- Даже не знаю, Джесс, о разном, – шепнула я. – О сочинении по английскому. Недолго. Недолго – мягко сказано. Эдвард упомянул его мимоходом.
- Ну, пожалуйста, Белла! – взмолилась она. – Хоть какие-нибудь подробности!
- Ну ладно... сейчас расскажу. Видела бы ты, как заигрывала с ним официантка в том ресторане! Старалась всюю. А он на нее – ноль внимания.
- И если Эдвард слышит, пусть делает какие угодно выводы.
- Хороший признак, – кивнула Джессика. – Она была симпатичная?
- Очень. Лет девятнадцати-двадцати.
- Еще лучше. Наверное, ты ему нравишься.
- Может быть, но как знать. Он всегда такой загадочный, – специально для Эдварда добавила я и вздохнула.
- Как ты только не боишься оставаться с ним наедине! – выдохнула она.
- А что такого? – я ужаснулась, но она не заметила моей реакции.
- Он такой... потрясный, аж страшно! Я бы не знала, о чем с ним говорить, – она состроила гримаску, вероятно, вспоминая сегодняшнее утро или прошлый вечер, когда испытала на себе всю силу его ошеломляющего взгляда.
- Рядом с ним я тоже несу чушь, – призналась я.
- Ну и ладно! Он же обалденно шикарный, – пожав плечами, отозвалась Джессика, словно это оправдывало любые недостатки. Возможно, она и вправду так считала.
- Вообще-то о нем можно много чего сказать.
- Правда? Например?
- Я уже пожалела, что заикнулась об этом. И о том, что про чтение мыслей Эдвард явно не шутил.
- Не знаю, как объяснить... но помимо лица, в нем еще много невероятного. Вампир, который хочет быть добрым, бросается спасать людей, чтобы его не считали чудовищем... Я уставилась в пустоту.
- Неужели? – хихикнула Джессика.
- Я не ответила, пытаясь сделать вид, будто внимательно слушаю мистера Варнера.
- Значит, он тебе нравится? – сдаваться она не собиралась.
- Да, – отрывисто ответила я.
- То есть нравится по-настоящему? – выпытывала она.

– Да, – снова сказала я и покраснела. Надеюсь, об этом Джессика думать не станет. Ей, видимо, надоели односложные ответы.

– А сильно он тебе нравится?

– Слишком сильно, – шепнула я. – Гораздо сильнее, чем я ему. Но я ничего не могу с собой поделать, – я вздохнула и покраснела еще гуще.

К счастью, в этот момент мистер Варнер вызвал Джессику отвечать.

Во время урока ей больше не представилось шансов возобновить разговор, а когда прозвенел звонок, я прибегла к маневру уклонения.

– На английском Майк спрашивал, не говорила ли ты что-нибудь про вечер понедельника, – сказала я Джессике.

– Не может быть! А ты что? – ахнула она, сразу забыв про Эдварда.

– Ответила, что, по твоим словам, тебе очень понравилось. Вид у него был довольный.

– Скажи слово в слово, что он спросил и что ты ответила!

Всю перемену мы посвятили разбору структуры каждой фразы Майка, а большую часть испанского – обсуждению каждого оттенка выражения его лица. Я не позволила бы вытянуть из меня столько подробностей, если бы не опасалась, что в противном случае предметом разговора вновь стану я сама.

А потом звонок возвестил обеденный перерыв. Я вскочила с места, запихивая учебники в сумку, и оживленное выражение моего лица, должно быть, объяснило Джессике, в чем дело.

– Значит, сегодня ты не сядешь с нами? – догадалась она.

– Неизвестно, – я понятия не имела, не исчезнет ли Эдвард опять куда-нибудь.

Но за дверью класса, где у нас проходил урок испанского, прислонившись к стене и без зазрения совести напоминая греческого бога, уже ждал меня Эдвард. Едва взглянув на него, Джессика закатила глаза и направилась прочь.

– До встречи, Белла! – с явным намеком попрощалась она. Видимо, телефон сегодня придется отключить.

– Привет, – голос Эдварда был и насмешливым, и раздраженным. Несомненно, он подслушал наш разговор.

– Привет.

Я не придумала, что сказать, он тоже молчал, так мы и шли молча до самого кафетерия. Идти по территории школы рядом с Эдвардом в обеденный час пик было все равно что заново пережить первый день в новой школе: все как один глазели на меня.

Эдвард направился к концу очереди по-прежнему молча, хотя то и дело задумчиво бросал на меня взгляд. Мне показалось, что раздражение на его лице одержало верх над насмешкой. Я нервно затеребила молнию на куртке.

Дойдя до прилавка, он начал ставить на поднос еду.

– Ты что? – удивилась я. – Ты случайно не для меня это берешь?

Он покачал головой, оплачивая обед.

– Половина для меня, разумеется.

Я подняла бровь.

Он направился к тому же месту, где мы уже сидели однажды. С другого конца длинного стола на нас изумленно глазела стайка старшеклассников. Мы сели друг напротив друга. Эдвард словно не замечал никого вокруг.

– Выбери, что нравится, – он придвинул ко мне поднос.

– Интересно, – заговорила я, выбрав яблоко и повертев его в руках, – как бы ты поступил, если бы кто-нибудь заставлял есть тебя?

– Все тебе интересно, – он передразнил меня, качая головой. Потом впился в меня взглядом, не давая отвести глаза, взял с подноса ломоть пиццы, нарочно откусил побольше, быстро прожевал и проглотил. Я смотрела на него во все глаза.

– А если бы тебя кто-нибудь заставлял съесть землю, ты бы смогла, верно? – снисходительно спросил он.

Я сморщила нос.

– Я однажды пробовала... на спор, – призналась я. – Ничего, терпимо.

Он рассмеялся.

– Так я и думал, – его внимание привлекло что-то за моей спиной. – Джессика ловит каждое мое движение – расскажет тебе потом, что все это значит, – он придвинул ко мне тарелку с пиццей. При упоминании о Джессике его лицо вновь стало чуть раздраженным.

Я отложила яблоко, взяла пиццу и отвернулась, догадываясь, о чем пойдет речь дальше.

– Значит, официантка была симпатичной? – словно невзначай, спросил он.

– А разве ты не заметил?

– Нет. Не обратил внимания. У меня и без того хватало забот.

– Бедная официантка, – теперь я могла позволить себе проявить великодушие.

– Ты сказала Джессике кое-что... в общем, это меня тревожит, – отвлечь его не удалось.

Голос звучал хрипловато, взгляд из-под ресниц был обеспокоенным.

– Нет ничего странного в том, что тебе не все понравилось. Не надо было подслушивать, – возразила я.

– Я же предупреждал, что буду слушать.

– А я предупреждала: тебе лучше не знать все, о чем я думаю.

– Было дело, – согласился он, но голос по-прежнему звучал резко. – Но ты не совсем права. Я действительно хочу знать, о чем ты думаешь, что бы это ни было. Просто мне бы хотелось... чтобы кое о чем ты не задумывалась.

Я нахмурилась.

– Да уж, совсем другое дело.

– Но сейчас речь не об этом.

– Тогда о чем же? – мы наклонились друг к другу над столом. Пришлось напомнить себе, что мы в переполненном зале школьного кафетерия, под прицелом множества любопытных глаз. Оказалось, слишком легко забыться, очутившись в нашем тесном и уютном коконе на двоих.

– Ты на самом деле считаешь, что равнодушна ко мне больше, чем я к тебе? – проворчал он, придвинувшись ближе и пронзая меня взглядом темно-золотистых глаз.

Я тщетно вспоминала, как делается выдох.

– Опять начинаешь, – едва слышно сказала я.

Его глаза округлились от удивления.

– Что начинаю?

– Ослеплять меня, – пояснила я и снова посмотрела на него, стараясь сосредоточиться.

– Да?... – он нахмурился.

– Ты не виноват, – вздохнула я. – Ты же не нарочно.

– Так ты ответишь на вопрос?

Я потупилась.

– Да.

– «Да, ответчу» или «да, на самом деле так считаю»? – в нем снова закипало раздражение.

– Да, на самом деле так считаю, – я смотрела в стол, изучая рисунок под древесину на пластиковой столешнице. Пауза затягивалась. На этот раз я упрямо отказывалась сдаться.

первой, отчаянно борясь с искушением поднять глаза и узнать, какое выражение сейчас у него на лице.

Наконец он заговорил бархатным голосом:

– Ты ошибаешься.

Подняв голову, я увидела смягчившийся взгляд.

– Ничего ты не знаешь, – шепотом возразила я и отрицательно покачала головой, хотя мое сердце заколотилось от его слов – мне так хотелось поверить им.

– С чего ты взяла?

Взгляд глаз, похожих на расплавленные топазы, пронзал меня – видимо, в тщетной попытке извлечь честный ответ прямо из моей головы.

Я ответила ему взглядом в упор, изо всех сил стараясь мыслить четко и найти способ объясниться. Подыскивая слова, я видела, как быстро он теряет терпение, как начинает хмуриться, раздосадованный моим молчанием.

– Дай мне подумать, – решительно заявила я. Его лицо прояснилось, как только он понял, что ответа все-таки дождется. Я опустила руку на стол, придвинула к ней левую, сложила ладони вместе и засмотрелась на них, переплетая вместе и снова распрямляя пальцы. Наконец я заговорила.

– В общем, если не принимать во внимание очевидное, иногда... – я замаялась. – Нет, я не уверена, я ведь не умею читать мысли, но иногда мне кажется, что ты пытаешься попроситься со мной, хотя и не говоришь этого прямо.

Лучшего способа выразить душевные муки, которые порой причиняли мне его слова, я не нашла.

– Догадливая... – прошептал он, подтверждая мои опасения, и боль снова всплыла на поверхность. – Вот поэтому ты и не права. – Он перешел было к объяснениям, но вдруг прищурился: – Очевидное? О чем ты?

– А ты посмотри на меня, – предложила я, хотя в этом не было необходимости: он и без того не сводил с меня глаз. – Я же самая заурядная – ну, за исключением таких недостатков, как весь мой опыт пережитых катастроф и неуклюжесть, как у инвалида. И посмотри на себя, – взмахом руки я охватила своего идеального собеседника.

Он рассерженно нахмурил лоб, потом морщины на нем разгладились, а взгляд стал понимающим.

– Видишь ли, ты слишком плохо знаешь саму себя. Да, согласен: насчет недостатков ты попала в точку, – он зловеще ухмыльнулся, – но ты же не слышала, что думал о тебе каждый парень в этой школе, когда ты появилась здесь в первый день.

Я ошарашенно заморгала.

– Не может быть... – пролепетала я.

– Хотя бы на этот раз поверь мне: ты – полная противоположность заурядности.

Мое смущение пересилило радость при виде обращенного на меня взгляда, с которым он произнес эти слова. И я поспешила напомнить свой первый довод.

– Но не я же пытаюсь попроситься, – заметила я.

– Неужели ты не понимаешь? Это лишь доказывает, что я прав. Мое равнодушие сильнее, я беспокоюсь больше, потому что если я могу... – он встряхнул головой, пытаясь точнее сформулировать мысль, – если правильно будет расстаться, тогда я готов действовать во вред себе, чтобы не ранить тебя, ради твоей безопасности.

Я возмущенно впиалась в него взглядом.

– И тебе в голову не приходило, что я поступила бы так же?

– Тебе никогда не придется делать такой выбор.

И опять эта непредсказуемая смена настроений: проказливая, сокрушительная улыбка озарила его лицо.

– Понятное дело, забота о твоей безопасности уже начинает казаться мне занятием на полный рабочий день, требующим моего постоянного присутствия.

– Сегодня со мной еще никто не пытался разделаться, – напомнила я, радуясь, что разговор принял почти шуточный оборот. Меньше всего мне хотелось обсуждать прощания. Если понадобится, пожалуйста, я намеренно подвергну себя опасности, лишь бы он оставался рядом... Я поспешно прогнала эту мысль, пока его зоркий взгляд не различил ее на моем лице. Эта затея не принесет мне ничего, кроме неприятностей.

– Пока еще нет, – уточнил он.

– Пока, – согласилась я. В моих интересах сделать так, чтобы он ожидал опасностей, поэтому спорить не стоило.

– У меня к тебе еще вопрос, – его лицо по-прежнему было невозмутимым.

– Давай.

– Тебе правда нужно в Сиэтл в эту субботу? Или это просто предлог, чтобы отделаться от поклонников?

Вспомнив о поклонниках, я поморщилась.

– Между прочим, я еще не простила тебя за Тайлера, – предупредила я. – Если бы не ты, сейчас он не обольщался бы и не считал, что я пойду с ним на выпускной.

– Ну, он и без меня нашел бы возможность пригласить тебя, а мне просто хотелось увидеть, какое у тебя будет лицо, – ухмыльнулся он. Я разозлилась бы, не будь его смех таким обаятельным. – А если бы тебя пригласил я, ты бы тоже отказала? – продолжая смеяться, спросил он.

– Скорее всего, нет, – призналась я. – А потом притворилась бы, что заболела или подвернула ногу, и все отменила бы.

Он вопросительно посмотрел на меня.

Я грустно покачала головой.

– Ты, конечно, ни разу не видел меня на физкультуре, но мне казалось, что ты и сам все поймешь.

– Ты хочешь сказать, что не в состоянии пройти по ровной, устойчивой поверхности, чтобы не споткнуться?

– Естественно.

– Ничего страшного, – с полной уверенностью заявил он. – Все зависит от того, кто и как ведет в танце, – заметив, что я собираюсь возразить, он перебил: – Но ты так и не ответила: ты точно решила съездить в Сиэтл, или, может быть, мы найдем другое занятие?

Я была готова на все – лишь бы речь шла о нас двоих.

– Рассмотрю любые предложения, – пообещала я. – Но у меня есть одна просьба...

Он насторожился, как всегда, когда я предупреждала, что хочу о чем-то попросить.

– Какая?

– Можно мне за руль?

Он нахмурился.

– Почему?

– Ну, в основном потому, что когда я сообщила Чарли о поездке в Сиэтл, он первым делом спросил, одна ли я поеду, и на тот момент так оно и было. Если он снова спросит о том же, я, наверное, скажу правду, но сам он вряд ли спросит еще раз, а если мой пикап останется дома, разговор возникнет сам собой. И потом, ты водишь машину так, что я умираю от страха.

Он закатил глаза.

– После всего, что я рассказал о себе, ты боишься всего лишь того, как я вожу машину. – Он удивленно покачал головой и снова посерьезнел. – Не хочешь сказать отцу, что проведешь день со мной?

Скрытый смысл этого вопроса я не поняла.

– С Чарли чем меньше объясняешь, тем лучше. – В этом я была твердо уверена. – А куда мы тогда поедем?

– Погода будет ясной, значит, мне придется держаться подальше от людей, а ты будешь со мной, если захочешь, – он опять предоставлял мне право выбора.

– А ты покажешь, что имел в виду, когда говорил о солнце? – спросила я, радуясь, что разрешится еще одна загадка.

– Да, – он улыбнулся и помолчал. – Но если тебе не хочется проводить это время... со мной наедине, я предпочел бы, чтобы ты все-таки не ездила в Сизтл одна. Я содрогаюсь при мысли о неприятностях, на которые ты способна нарваться в таком большом городе.

Я оскорбилась.

– Финикс в три раза больше Сизтла только по численности населения, не говоря уже о размерах...

– Но как видишь, – перебил он, – в Финиксе твои дни не были сочтены. Так что лучше держись рядом со мной, – его глаза вновь бессовестно завораживали меня.

У меня не осталось ни воли, ни мотивации, чтобы спорить, и в сущности, все это уже не имело значения.

– А я, между прочим, не против остаться с тобой наедине.

– Знаю, – угрюмо подтвердил он. – Но сказать Чарли тебе все-таки придется.

– С какой стати?

Его взгляд вмиг стал свирепым.

– Чтобы у меня появилась хоть одна причина привезти тебя обратно.

Я судорожно сглотнула. Но после минутного размышления твердо заявила:

– Думаю, я все-таки рискну.

Он сердито выдохнул и отвернулся.

– Давай сменим тему, – предложила я.

– О чем ты хочешь поговорить? – спросил он по-прежнему раздраженно.

Я бегло огляделась и убедилась, что нас никто не слышит. Обводя зал взглядом, я вдруг заметила, что на меня пристально смотрит сестра Эдварда, Элис. Остальные Каллены смотрели на Эдварда. Я торопливо отвела глаза и спросила первое, что пришло в голову:

– Зачем вы в прошлые выходные ездили в Гэут-Рокс? На охоту? Чарли говорил, что для походов те места не годятся из-за медведей.

Эдвард уставился на меня так, словно я упустила что-то очевидное.

– Медведи? – ахнула я, а он ухмыльнулся. – Но сезон охоты на медведей еще не открыт, – возразила я строго, чтобы скрыть шок.

– Перечитай законы: они относятся только к охоте с оружием, – сообщил он.

И он с удовольствием пронаблюдал, как вытянулось мое лицо.

– Медведи? – еле выговорила я опять.

– Эмметт предпочитает гризли, – голос звучал почти равнодушно, но глаза бдительно следили за моей реакцией. Я попыталась взять себя в руки.

– Хм-м... – Чтобы был повод отвести глаза, я взяла еще кусок пиццы, не спеша пожевала, потом долго пила колу, не поднимая глаз. – Так... – немного погодя снова заговорила я, наконец встретившись с его взглядом, в котором теперь читалось беспокойство. – А кого предпочитаешь ты?

Он вскинул бровь и недовольно выгнул губы уголками вниз.

– Пум.

– А-а, – вежливо и равнодушно откликнулась я, снова глядя на свой стакан с колой.

– Само собой, – в тон мне продолжал он, – приходится помнить об осторожности, чтобы не вредить окружающей среде бездумной охотой. Мы стараемся охотиться главным

образом там, где популяция хищников чрезмерно разрослась, и для этой цели уезжаем так далеко, как требуется. В здешних местах полно оленей и лосей, и они тоже годятся, но что за удовольствие от такой охоты? – он сверкнул дразнящей улыбкой.

– И то правда, – пробормотала я.

– Эмметт любит охотиться на медведей ранней весной, когда они только выходят из спячки и потому легко впадают в ярость, – он улыбнулся, словно вспомнив шутку.

– Что может быть лучше разъяренного гризли? – согласно кивнула я.

Он затрясся от смеха.

– Пожалуйста, скажи, о чем ты на самом деле думаешь.

– Пытаюсь представить себе эту картину, но не могу, – созналась я. – Как вообще можно охотиться на медведя без оружия?

– Оружие-то у нас есть, – он обнажил ослепительные зубы в краткой и грозной улыбке.

Я сумела подавить дрожь раньше, чем она выдала меня. – Только не то, которое принимают во внимание, когда составляют законы об охоте. Если ты когда-нибудь видела по телевизору нападение медведя, то можешь представить, как охотится Эмметт.

Очередной холодок, пробежавший вниз по спине, побороть я не смогла. Украдкой взглянув через зал кафетерия на Эмметта, я порадовалась тому, что он смотрит в другую сторону. Теперь вид мышц, бугристыми лентами оплетающих его руки и торс, показался мне особенно угрожающим.

Эдвард увидел, куда я смотрю, и усмехнулся. Я с беспокойством перевела взгляд на него.

– И ты тоже как медведь? – понизив голос, спросила я.

– Скорее, как пума, – по крайней мере, так мне говорят, – беспечно откликнулся он. – Возможно, сказываются наши предпочтения.

Я принужденно улыбнулась.

– Возможно, – повторила я. Но перед моим мысленным взглядом теснились противоположные образы, которые мне не удавалось совместить. – А я когда-нибудь увижу это?

– Ни в коем случае! – Его лицо побелело сильнее обычного, глаза вдруг стали свирепыми. Я отпрянула, его реакция удивила и напугала меня, хотя я ни за что бы в этом не призналась. Он тоже откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Думаешь, перепугаюсь? – спросила я, когда снова обрела способность говорить.

– Если бы так, я бы взял тебя с собой сегодня же, – резким тоном объяснил он. – Тебе просто необходима здоровая доза страха. Она пришлась бы как нельзя более кстати!

– Тогда в чем причина? – настаивала я, стараясь не замечать гнев на его лице.

Долгую минуту он изучал меня молча.

– В другой раз, – наконец решил он и встал. – Мы опаздываем.

Я огляделась и с удивлением обнаружила, что он прав и что кафетерий почти опустел. Рядом с Эдвардом ощущение времени и пространства становилось настолько размытым, что я переставала следить за тем и другим. Я вскочила и схватила свою сумку со спинки стула.

– Ладно, в другой раз, – я не стала спорить, но и забывать ничего не собиралась.

11. Осложнения

К своему столу в кабинете биологии мы шли под прицелом глаз всего класса. Я заметила, что Эдвард не стал отодвигать свой стул, чтобы сесть как можно дальше от меня. Мало того, он сел так близко, что мы почти задевали друг друга плечами.

Мистер Баннер явился точно вовремя – удивительная пунктуальность! – и, двигаясь задним ходом, вкатил высокую металлическую конструкцию на колесах, в которой размещался массивный и с виду давно устаревший телевизор с видеомagnитофоном. Значит, будет кино – от этой перспективы у всего класса резко поднялось настроение.

Втолкнув видеокассету в сопротивляющийся видик, мистер Баннер направился к выключателю, чтобы погасить свет.

В классе стало темно, и я вдруг со всей остротой осознала, что Эдвард сидит на расстоянии меньше сантиметра от меня. Меня ошеломил неожиданно пронзивший тело электрический разряд, я даже не подозревала, что близость Эдварда можно осознавать еще острее, чем раньше. На меня обрушилось безумное желание протянуть руку и коснуться его, провести в темноте ладонью по его безупречному лицу хотя бы раз. Я старательно скрестила руки на груди и сжала пальцы в кулаки. Рассудок покидал меня.

Начались вступительные титры, в классе стало немного светлее. Несмотря на все мои старания, взгляд, словно сам собой, обратился на Эдварда. Я смущенно улыбнулась, увидев, что он сидит в такой же позе, как я: сжав кулаки и сунув их под мышки, опустив глаза и поглядывая на меня украдкой. Он усмехнулся в ответ, его взгляд казался обжигающим даже в темноте. Я отвернулась, чтобы не выдать себя участвующим дыханием. А мое головокружение – полный абсурд.

Урок казался невероятно длинным. Сосредоточиться на фильме я не смогла, даже не поняла, о чем он. Все попытки были тщетными. Время от времени я позволяла себе украдкой бросить взгляд в сторону Эдварда и видела, что он так и не сменил позу. Невыносимое желание дотронуться до него тоже не проходило, и, чтобы удержаться, я плотно прижимала кулаки к собственным бокам, пока от усилий не заныли пальцы.

Наконец мистер Баннер вновь щелкнул выключателем, и я со вздохом облегчения вытянула руки перед собой, сгибая и разгибая онемевшие пальцы. Рядом хмыкнул Эдвард.

– М-да, было интересно, – пробормотал он. Голос был мрачным, взгляд – настороженным.

В ответ мне удалось только промычать.

– Идем? – спросил он, легко поднимаясь.

Я чуть не застонала: пора на физкультуру. Вставала я с осторожностью, опасаясь, что странное новое напряжение между нами отразилось на моем и без того ненадежном чувстве равновесия.

Эдвард молча проводил меня на следующий урок и помедлил у двери; я повернулась к нему, чтобы попрощаться. Его лицо напугало меня: оно было измученным, почти больным, и настолько прекрасным, что желание прикоснуться к нему вспыхнуло вновь, будто и не угасало. При попытке заговорить слова застряли у меня в горле.

Он поднял руку, помедлил в нерешительности с отражением внутренней борьбы в глазах, а потом вдруг быстро и легко провел по моей щеке кончиками пальцев. Прикосновение его пальцев, холодных, как всегда, оставило на моей коже пугающе горячий след – словно я получила ожог, но боли пока не чувствовала.

Не сказав ни слова, Эдвард развернулся и быстро зашагал прочь.

На дрожащих ногах, чувствуя, как кружится голова, я побрела в спортзал. В раздевалке я передевалась как в трансе, лишь смутно осознавая присутствие окружающих людей.

Ощущение реальности вернулось лишь после того, как мне вручили ракетку. Она была совсем не тяжелой, но в моей руке выглядела опасным оружием. Я заметила, что несколько ребят из нашего класса украдкой посматривают на меня. Тренер Клапп велел нам разбиться на пары.

На мое счастье, Майк, в котором уцелел рыцарский дух, подошел и встал рядом.

– Хочешь в мою команду?

– Спасибо, Майк, но знаешь, это совсем не обязательно, – я состроила виноватую гримасу.

– Да не бойся, я буду уворачиваться, – с усмешкой пообещал он. Майк умел нравиться, хотя и не всегда.

Но игра не задалась с самого начала. Я как-то умудрилась одним махом врезать ракеткой себе по лбу и задеть плечо Майка. Остаток урока я провела в дальнем углу площадки, на всякий случай держа ракетку за спиной. Оказалось, что, несмотря на полученную от меня травму, Майк неплохо играет: в одиночку он выиграл три партии из четырех. Когда тренер наконец дал свисток, объявляя, что урок окончен, Майк благодарно хлопнул ладонью о мою поднятую пятерню, чего я совсем не заслуживала.

– Вот, значит, как... – сказал он, когда мы уходили с площадки.

– То есть?

– Ты, значит, с Калленом? – воинственно спросил он. От моего недавнего чувства признательности не осталось и следа.

– А тебя, Майк, это не касается, – напомнила я, мысленно посылая Джессику прямым в геенну огненную.

– Не нравится мне это, – упрямо бормотнул он.

– Не нравится – и не надо, – отрезала я.

– Он смотрит на тебя, как... на еду, – не обращая внимания на мой тон, добавил он.

Я чуть не взорвалась истерическим хохотом, подавилась им, но, несмотря на все мои старания, не удержалась и тихонько хихикнула. И удостоилась сердитого взгляда от Майка. Помахав ему рукой, я сбежала в раздевалку.

Быстро переодеваясь, я прислушивалась к непривычно сильной нервной дрожи в животе. Недавний спор с Майком уже выветрился из памяти. Ждет ли Эдвард меня у спортзала, или мы встретимся возле его машины? А если его родные тоже будут там? На меня накатила волна неподдельного ужаса. Знают ли они, что я все знаю? Можно ли дать им понять, что мне известно, что они знают, что я все знаю? Или нет?

К тому времени, как я покинула спортзал, я уже почти решила направиться домой пешком, обойдя стороной парковку. Но беспокоилась я напрасно: Эдвард ждал меня, небрежно прислонившись к стене спортзала, и его умопомрачительное лицо было безмятежным. Приближаясь к нему, я почувствовала необычное облегчение.

– Привет, – выдохнула я, улыбаясь до ушей.

– Здравствуй, – просиял он в ответ. – Как физкультура?

Радости на моем лице поубавилось.

– Замечательно, – соврала я.

– Правда? – не поверил он и, прищурившись, посмотрел куда-то поверх моей головы.

Оглянувшись, я увидела спину удаляющегося Майка.

– А что? – спросила я.

Все так же напряженно он заглянул мне в глаза.

– Ньютон меня достал.

– Ты что, опять подслушивал? – ужаснулась я. От недавнего хорошего настроения не осталось и воспоминаний.

– Как твоя голова? – с невинным видом поинтересовался он.

– Как ты мог! – Я круто развернулась и с решительным видом зашагала к стоянке, хотя в душе допускала вероятность того, что домой придется идти пешком.

Он в две секунды догнал меня.

– Ты же сама сказала, что я никогда не видел тебя на физкультуре, вот мне и стало любопытно.

Раскаяния в голосе Эдварда не было ни на грош, и я не ответила.

К его машине мы шли в молчании, мое было свирепым и в то же время сконфуженным. В нескольких шагах от «вольво» я остановилась: машину обступила целая толпа парней. Я не сразу заметила, что окружают они не «вольво», а красный кабриолет Розали, и в глазах каждого горит неподдельное вожделение. Никто не обратил внимания на Эдварда, который протиснулся между ними и открыл дверцу своей машины. Я торопливо забралась на пассажирское место, тоже оставшись незамеченной.

– Пафос, – буркнул он.

– А что это за машина? – спросила я.

– М3.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Это «БМВ», – не глядя на меня, пояснил он и попытался выехать со стоянки, не сбив ни одного автолюбителя.

Я кивнула: об этой марке я слышала.

– Все еще злишься? – спросил он, аккуратно объезжая живые препятствия.

– Естественно.

Он вздохнул.

– А если я извинюсь, простишь?

– Пожалуй... если извинишься по-честному. И пообещаешь больше так не делать.

Его глаза вдруг хитро блеснули.

– А если извинюсь по-честному и соглашусь пустить тебя за руль в субботу? – выдвинул свои условия он.

Поразмыслив, я решила, что более выгодного предложения мне не светит.

– Идет, – согласилась я.

– В таком случае, мне очень жаль, что я тебя расстроил, – его глаза долгую минуту излучали искренность, сбивая с ритма мое сердце, а потом она сменилась лукавством. – В субботу чуть свет буду у тебя на пороге.

– А что я скажу Чарли, если возле дома, откуда ни возьмись, появится чужой «вольво»?

Его улыбка стала снисходительной.

– А я и не собирался приезжать на машине.

– Но как?..

Он перебил:

– Об этом не думай. Я буду на месте, но без машины.

Допытываться я не стала: у меня имелись более насущные вопросы.

– Это уже другой раз? – многозначительно уточнила я.

Он нахмурился.

– Видимо, да.

Сохраняя на лице вежливое выражение, я ждала.

Он остановил машину. Я удивленно вскинула голову, и, само собой, увидела, что мы уже стоим возле дома Чарли, припарковавшись за пикапом. Я подумала, что во время поездок с Эдвардом лучше не поднимать головы. Тогда скорости совсем не замечаешь, и время пролетает незаметно. Я обернулась и обнаружила, что он смотрит на меня испытующим взглядом.

– Ты все еще хочешь знать, почему тебе нельзя видеть, как я охочусь?

Он выглядел серьезно, но, кажется, я заметила насмешливые искры в глубине его глаз.
– Вообще-то больше всего удивила твоя реакция, – пояснила я.

– Я тебя напугал?

Да, он определенно веселился.

– Нет, – соврала я. Он не поверил.

– Прости, что напугал, – извинился он с легкой улыбкой, и вдруг от его недавнего веселья не осталось и следа. – Как подумал, что ты окажешься рядом... пока мы охотимся... – он стиснул челюсти.

– Это настолько плохо?

– Очень.

– А почему?

Он тяжело вздохнул, глядя сквозь ветровое стекло на облачный вал, нависший над самой землей неподалеку, казалось, на расстоянии вытянутой руки.

– На охоте, – медленно и нехотя заговорил Эдвард, – мы подчиняемся разуму в гораздо меньшей степени, чем чувствам. Особенно чувству запаха. Если ты окажешься где-нибудь поблизости в такой момент, когда я не в силах владеть собой... – он покачал головой, продолжая угрюмо смотреть на тяжелые тучи.

Я предчувствовала, что вскоре он украдкой бросит взгляд на меня, проверяя мою реакцию, и старалась держать себя в руках. Мое лицо ничего не выражало.

Но наконец наши взгляды встретились, и ощущение от паузы изменилось – воздух между нами вновь стал наэлектризованным, как тогда, на уроке. Эдвард молча, не мигая смотрел мне в глаза. У меня вдруг закружилась голова, и лишь тогда я поняла, что не дышу. Я прерывисто вдохнула, Эдвард закрыл глаза.

– Белла, по-моему, тебе пора домой, – голос звучал глухо и жестко, взгляд вновь устремился в небо.

Я открыла дверцу, и от ледяного ветра, который ворвался в машину, у меня прояснилось в голове. Осторожно, чтобы не оступиться от головокружения и слабости, я выбралась из машины и закрыла за собой дверцу. Меня заставило обернуться жужжание автоматического подъемника, опускающего стекло.

– И кстати, Белла... – окликнул меня Эдвард уже ровным голосом. С легкой улыбкой на губах он смотрел на меня в окно.

– Что?

– Завтра моя очередь.

– Какая еще очередь?

Его улыбка стала шире, заблестели ослепительные зубы.

– Задавать вопросы.

И он укатил: машина пронеслась по улице и скрылась за углом прежде, чем я успела собраться с мыслями. Улыбаясь, я зашагала к дому. По крайней мере, стало ясно, что завтра мы с Эдвардом обязательно увидимся.

В ту ночь, как обычно, он мне приснился. Но атмосфера изменилась и в мире моих сновидений. Она была пронизана теми же электрическими разрядами, которые проскакивали между нами накануне днем, и я постоянно ворочалась и часто просыпалась. Только под утро, совсем измученная, я наконец смогла крепко заснуть.

Проснувшись я с чувством не только полной разбитости, но и какого-то странного нервного возбуждения. Надевая шоколадную водолазку и неизбежные джинсы, я вздыхала и грезила о шортах и топиках на тонких бретельках. Завтрак прошел ничем не примечательно и тихо, как я и ожидала. Чарли поджарил себе яичницу, я съела миску хлопьев. Я размышляла, не забыл ли он про субботу, и словно в ответ на мой невысказанный вопрос он заговорил:

– Насчет субботы... – Он поставил тарелку в раковину и открыл воду.

Я внутренне сжалась.

– Да, папа?

– Не передумала ехать в Сиэтл?

– Пока все планы в силе.

Я поморщилась: лучше бы он спросил об этом иначе – не пришлось бы следить, как бы ненароком не выдать всей правды.

Он выдавил на тарелку каплю жидкого мыла и принялся возить по ней посудной щеткой.

– А ты уверена, что не успеешь вернуться до бала?

– Папа, на бал я не собираюсь, – напомнила я.

– Тебя что, никто не пригласил?

Чарли пытался скрыть беспокойство, тщательно споласкивая тарелку.

Я уклонилась от опасной темы.

– На этот бал приглашают девушки.

– А-а, – он нахмурился, вытирая тарелку.

Я невольно посочувствовала ему: наверное, тяжело жить в постоянном страхе, что твоя дочь начнет встречаться с парнем, который тебе не понравится, и вместе с тем бояться, что она останется одна. И я с содроганием подумала, как ужасно было бы, имей Чарли хоть малейшее представление о моем избраннике.

Помахав мне рукой, Чарли ушел, а я направилась вверх, чистить зубы и собирать учебники. Услышав, что полицейская машина уехала, я не вытерпела и нескольких секунд – тут же выглянула в окно. Серебристый «вольво» уже ждал на подъездной дорожке, на месте, которое еще совсем недавно занимала машина Чарли. Я скатилась с лестницы и вылетела за дверь, гадая, надолго ли установился этот невероятный порядок. Лучше бы навсегда.

Эдвард ждал в машине и, казалось, не видел, как я захлопнула дверь дома, не удосужившись поставить замок на сигнализацию. Я подошла к «вольво», робко помедлила перед дверцей, открыла ее и села. Он расслабленно улыбался и, как обычно, был невыносимо прекрасным и безупречным.

– Доброе утро, – приятным голосом поприветствовал он. – Как ты?

Его взгляд блуждал по моему лицу. Мне показалось, что он задал вопрос не просто из вежливости.

– Хорошо, спасибо.

Рядом с ним у меня всегда все отлично, а не просто хорошо.

Взгляд помедлил на кругах у меня под глазами.

– Вид у тебя усталый.

– Не спалось, – призналась я и машинально свесила волосы с плеча в попытке прикрыть лицо.

– Мне тоже, – шутливым тоном отозвался он, заводя машину. К негромкому урчанию ее мотора я уже начинала привыкать. И не сомневалась, что пикап напугает меня ревом двигателя, если когда-нибудь мне вновь придется ездить на нем.

Я рассмеялась.

– Да уж! И все-таки мне, наверное, удалось поспать чуть подольше, чем тебе.

– Держу пари, что так и было.

– Чем же ты занимался ночью? – спросила я.

Он усмехнулся.

– Даже не мечтай! Сегодня вопросы задаю я.

– А-а, ну да. О чем хочешь спросить? – Я наморщила лоб, не в силах представить себе, что могу быть хоть чем-нибудь интересна ему.

– Твой любимый цвет? – строго спросил он.

Я закатила глаза.

– День на день не приходится.

– А сегодня какой? – он был по-прежнему серьезен.

– Коричневый, наверное. – Я старалась одеваться под настроение.

Он фыркнул, его серьезность как ветром сдуло.

– Коричневый? – скептически переспросил он.

– Вот именно. Коричневый – теплый цвет. Здесь мне его не хватает. Все, что должно быть коричневым – стволы деревьев, камни, земля, – в этих местах сплошь покрыто какой-то склизкой зеленой дрянью, – пожаловалась я.

Моя маленькая речь отчего-то произвела на него впечатление. Он задумался, глядя мне в глаза.

– Ты права, – с прежней серьезностью подтвердил он. – Коричневый – теплый цвет. – Протянув руку, он быстро, но не слишком уверенно отвел мои волосы за спину.

Мы уже подъезжали к школе. Поставив машину на стоянку, Эдвард повернулся ко мне.

– Какая музыка у тебя сейчас в плеере? – спросил он так сурово, словно требовал чистосердечного признания в убийстве.

Я вспомнила, что так и не вынула из плеера диск, подаренный Филом. Услышав от меня название группы, Эдвард криво усмехнулся и со свойственным ему непроницаемым выражением лица открыл ящичек под магнитолой. Оттуда, из стопки дисков – штук тридцати, едва поместившихся в тесном пространстве, – он достал один и протянул мне.

– Меняем на Дебюсси? – он поднял бровь.

Диск был такой же, как у нас дома. Я рассматривала знакомую обложку, не поднимая глаз.

Так продолжалось весь день. Провожая меня на английский, встречая после испанского, весь обеденный час в кафетерии он неустанно выспрашивал подробности моей жизни вплоть до самых несущественных. Какие фильмы мне нравятся, какие я терпеть не могу, немногие места, где я уже побывала, и множество мест, где хотела бы побывать, и книги, бесчисленные книги.

Я не могла припомнить, когда в последний раз говорила так много. Почти все время я чувствовала себя неловко, уверенная, что уже до смерти наскучила ему. Но полная сосредоточенность на его лице и неиссякающий поток вопросов побуждали меня продолжать. Ответить на большинство вопросов было легко, лишь некоторые вогнали меня в краску. Но стоило мне вспыхнуть, как начинался совершенно новый цикл вопросов.

Так получилось, когда Эдвард спросил про мой любимый драгоценный камень. Я, не задумываясь, ляпнула: «Топаз». Вопросы он выдавал с такой скоростью, что мне казалось, будто я прохожу психологический тест, когда ответом должно быть первое, что придет в голову. Заметив мой румянец, Эдвард заинтересовался. А покраснела я потому, что до недавнего времени моим любимым камнем был гранат. Но глядя в его топазовые глаза, было невозможно не вспомнить причину, по которой изменились мои пристрастия. И Эдвард, конечно, не успокоился, пока я не объяснила, почему смутилась.

– Выкладывай, – наконец скомандовал он, когда уговоры не помогли, а не подействовали они лишь потому, что я старалась не смотреть ему в глаза.

– Просто сегодня у тебя глаза цвета топазов, – капитулировав, вздохнула я и принялась теревить прядь своих волос. – А если бы ты спросил через две недели, я назвала бы оникс, – в неожиданном приступе откровенности я наговорила лишнего и теперь опасалась пробудить в Эдварде странный гнев, который вспыхивал всякий раз, когда я забывалась и выдавала свои чувства к нему.

Затягивать паузу он не стал.

– Какие цветы ты предпочитаешь? – выпалил он.

Я с облегчением вздохнула, сеанс психоанализа продолжился.

На биологии опять возникли осложнения. Эдвард продолжал допрос, пока в класс не вошел мистер Баннер и снова не втащил этажерку с видеодвойкой. Пока он гасил свет, я заметила, что Эдвард отодвинул свой стул чуть дальше от моего. Это не помогло. Едва в классе стало темно, как между нами снова полетели искры, и я ощутила страстное желание протянуть руку, преодолеть разделяющее нас узкое пространство и коснуться его холодной кожи.

Я наклонилась над столом, положила подбородок на сложенные руки, вцепилась пальцами в край стола и попыталась усмирить безрассудное желание. На Эдварда я не смотрела, опасаясь, что под его взглядом сохранять самообладание станет еще труднее. Я честно пыталась смотреть фильм, но к концу урока не имела ни малейшего представления об увиденном. Мистер Баннер включил свет, и я с облегчением вздохнула, наконец решившись взглянуть на Эдварда. Он смотрел на меня, в его взгляде чувствовалась неопределенность.

Он молча встал и замер, ожидая меня. Как и вчера, до спортзала мы дошли молча. И точно так же, как вчера, Эдвард без слов провел по моей щеке – на этот раз тыльной стороной ладони, легким движением от моего виска до подбородка, – потом развернулся и ушел.

Физкультура пролетела незаметно, пока я наблюдала за одиночной игрой в бадминтон в исполнении Майка. Сегодня он со мной не заговаривал: или заметил отсутствующее выражение моего лица, или все еще сердился из-за нашей вчерашней размолвки. Несмотря на всю неловкость, сейчас мне было не до примирений с Майком.

Сразу после урока я помчалась переодеваться, тревожась и зная, что чем быстрее я справлюсь, тем раньше увижусь с Эдвардом. В спешке я действовала более неловко, чем обычно, но когда все-таки выбралась из спортзала и увидела ждущего неподалеку Эдварда, то невольно расплылась в улыбке. Он улыбнулся в ответ и продолжил допрос с пристрастием.

Но теперь вопросы были другими, отвечать на них становилось все сложнее. Он хотел знать, чего мне недостает в Форксе по сравнению с Финиксом, а если я упоминала о чем-то незнакомом ему, требовал подробных объяснений. Мы просидели в машине перед домом Чарли несколько часов, тем временем небо потемнело, разверзлось и начался внезапный потоп.

Я пыталась описать невозможное: запах ларреи, или креозотового куста, – горький, чуть смолистый, но все-таки приятный; пронзительное, надрывное стрекотание цикад в июле; перистый рисунок голых веток; сами размеры неба, белесо-голубого, простирающегося от горизонта до горизонта, линию которого нарушают лишь невысокие горы, сложенные лиловыми вулканическими породами. Труднее всего было объяснить, почему все это кажется мне таким красивым, оправдать красоту пейзажа со скудной, колючей растительностью, которая зачастую выглядела полумертвой, красоту оголенного рельефа земли с неглубокими впадинами долин между скалистыми гребнями гор, озаренных солнцем. В попытке объясниться я заметила, что помогаю себе жестами.

Негромкие наводящие вопросы Эдварда не сбивали меня с мысли, и я говорила, говорила, забыв обо всем, сидя в тусклом грозовом свете и не стесняясь того, что превратила наш разговор в монолог. Наконец, когда я закончила подробно описывать свою тесную, заваленную вещами комнату, Эдвард, вместо того чтобы задать следующий вопрос, взял паузу.

– У тебя кончились вопросы? – с облегчением спросила я.

– Ничего подобного, но скоро вернется твой отец.

– Чарли! – Я вдруг вспомнила о существовании отца и вздохнула. Потом посмотрела на темное от дождя небо, но ответа на нем не нашла. – Насколько уже поздно? – подумала я вслух, глядя на часы. Результат меня удивил: должно быть, Чарли уже едет домой.

– Сумерки... – пробормотал Эдвард, глядя в сторону запада и горизонта, скрытого облаками. Голос прозвучал задумчиво, словно в мыслях он был где-то далеко. Я наблюдала за ним, а он устремил невидящий взгляд сквозь ветровое стекло.

Он вдруг повернулся ко мне.

– Для нас это самое безопасное время суток, – ответил он на невысказанный вопрос в моих глазах. – И самое спокойное. Но вместе с тем – в каком-то смысле самое печальное... конец очередного дня, возвращение ночи. Темнота настолько предсказуема, правда? – Он задумчиво улыбнулся.

– А мне нравится ночь. Если бы не темнота, мы никогда не увидели бы звезды, – я нахмурилась. – Впрочем, здесь они все равно видны редко.

Он рассмеялся, и напряжение вдруг рассеялось.

– Чарли будет здесь через несколько минут. Так что если не хочешь говорить ему, что в субботу едешь со мной... – он выразительно поднял бровь.

– Ну уж нет, спасибо, – я собрала учебники, отметив мимоходом, что затекла спина – так долго мы просидели в машине. – Значит, завтра моя очередь?

– Еще чего! – притворно возмутился он. – Я же сказал, что у меня есть еще вопросы.

– Куда уж больше!

– Завтра узнаешь, – он потянулся, чтобы открыть дверь с моей стороны, и от этой неожиданной близости мое сердце лихорадочно забилося.

Но на дверной ручке его рука замерла.

– Плохо дело, – пробормотал он.

– Что такое? – я с удивлением увидела, как сжались его челюсти и в глазах вспыхнула тревога.

Он бросил на меня мимолетный взгляд.

– Еще одно осложнение, – хмуро ответил он.

Быстрым движением он распахнул мою дверцу и тут же отпрянул от меня, почти сжался на своем месте.

Свет фар сквозь дождевую завесу привлек мое внимание, какая-то темная машина, движущаяся навстречу нам, свернула к бордюру и остановилась в нескольких шагах.

– Чарли за углом, – предупредил Эдвард, пристально изучая остановившуюся машину.

Несмотря на всю растерянность и любопытство, медлить я не стала. Я выскочила из машины, и дождь словно усилился, забарабанив по моей куртке.

Разглядеть фигуры на переднем сиденье незнакомой машины не удалось – было слишком темно. Но при свете ее фар я хорошо видела Эдварда: он пристально смотрел вперед, впившись взглядом во что-то или в кого-то, невидимого мне. На его лице застыла причудливая маска досады и вызова.

Он завел двигатель, шины взвизгнули на мокром асфальте, и за считанные секунды «вольво» скрылся из виду.

– Эй, Белла! – послышался знакомый хриловатый голос с водительского сиденья темной машины.

– Джейкоб? – я прищурилась, вглядываясь в дождь. В этот момент из-за угла вывернула патрульная машина Чарли, ее фары высветили Джейкоба и его спутника.

Джейкоб уже выбирался из машины, его широкая улыбка была заметна даже в сумерках. На пассажирском месте рядом с ним сидел мужчина намного старше, грузный, с широким расплывшимся лицом, с глубокими морщинами на ржаво-красной коже, напоминающей старую кожаную куртку. А глаза оказались удивительно знакомыми – черными, словно бы очень молодыми и в то же время слишком древними для широкого лица, на котором они сидели. Отец Джейкоба, Билли Блэк. Я сразу узнала его, хотя в последний раз видела лет пять назад, а в первый день в Форксе даже не вспомнила его имени, когда Чарли упомянул

о нем в разговоре. Билли не сводил пристального, испытующего взгляда с моего лица, и я робко улыбнулась ему. Его глаза были широко раскрыты, словно от изумления или страха, ноздри раздувались. Моя улыбка погасла.

Еще одно осложнение, как сказал Эдвард.

Билли не сводил с меня внимательных встревоженных глаз. Внутренне я застонала. Неужели Билли сразу узнал Эдварда? Может, он и вправду верит в легенды про вампиров?

Ответ в глазах Билли был очевиден. Да. Верит.

12. На грани

– Билли! – воскликнул Чарли, выходя из патрульной машины.

Поманив за собой Джейкоба, я юркнула под навес крыльца. За моей спиной Чарли громко приветствовал друзей.

– Ладно, притворюсь, что не видел тебя за рулем, Джейк, – с укоризной заметил Чарли.

– А нам в резервации рано выдают права, – отозвался Джейкоб, пока я отпирала дверь и включала свет на крыльце.

– Да, как же! – рассмеялся Чарли.

– А кто еще возить-то меня будет? – гулкий голос Билли я узнала сразу, хотя много лет не слышала его. Я как будто вернулась в детство.

Войдя в дом, я оставила дверь открытой, включила свет и повесила куртку. Потом остановилась в дверях, с беспокойством наблюдая, как Чарли и Джейкоб помогают Билли выбраться из машины и пересесть в инвалидное кресло.

Вскоре мне пришлось посторониться: все трое ввалились в дом, отряхиваясь от дождя.

– Вот так сюрприз, – повторял Чарли.

– Давно не виделись, – согласился Билли. – Надеюсь, неплохое было время, – он снова стрельнул в меня взглядом, выражение его лица осталось непроницаемым.

– А как же. Останетесь смотреть игру?

Джейкоб усмехнулся.

– На то и расчет: наш телевизор сломался на прошлой неделе.

Билли соорудил сыну грозную гримасу.

– А Джейкобу, конечно, не терпелось снова увидиться с Беллой, – подхватил он. Джейкоб помрачнел и понурил голову, а я ощутила прилив раскаяния. Похоже, в тот день на берегу я перестаралась.

– Хотите есть? – спросила я, спеша укрыться на кухне от пронзительного взгляда Билли.

– Да нет, мы поели перед отъездом, – ответил Джейкоб.

– А ты, Чарли? – спросила я, сворачивая за угол и оглядываясь через плечо.

– Конечно, – отозвался он. Его голос удалялся в сторону гостиной и телевизора. Я слышала, как скрипит кресло Билли, который направился туда же.

Когда сэндвичи с сыром уже лежали на сковородке, а я резала помидоры, я услышала, как кто-то вошел и остановился у меня за спиной.

– Ну, как жизнь? – раздался голос Джейкоба.

– Неплохо, – я улыбнулась: его энтузиазм был заразителен. – А у тебя? Собрал себе машину?

– Нет, – он нахмурился. – Деталей не хватает. Эту мы взяли на время, – он ткнул большим пальцем в сторону двора.

– Сочувствую. Но мне ни разу не встретился... как там называется эта штука, которую ты ищешь?

– Главный цилиндр тормозной системы, – он усмехнулся. – А что с пикапом? – вдруг спросил он.

– Ничего.

– А-а. Увидел, что ты на нем не едешь, вот и спросил.

Я заглянула в сковородку и приподняла край сэндвича, проверяя, поджарился ли хлеб.

– Меня друг подвез.

– Клевая тачка, – восторженно оценил Джейкоб. – Вот только хозяина я не узнал. Мне казалось, я всех здесь знаю.

Я неопределенно кивнула, не поднимая глаз, и перевернула сэндвичи.

– А отец откуда-то знает его.

– Джейкоб, ты не достанешь мне тарелки? Они в шкафу над раковиной.

– Сейчас.

Доставая тарелки, он молчал, и я надеялась, что продолжать расспросы он не станет.

– Так кто это был? – спросил он, ставя две тарелки на стол возле меня.

Я со вздохом капитулировала.

– Эдвард Каллен.

К моему удивлению, он рассмеялся. Я подняла голову: вид у него был слегка смущенный.

– Тогда все ясно, – сказал он. – А я не мог понять, что стряслось с отцом.

– Ну да, – подтвердила я, изображая наивность. – Он же не любит Калленов.

– Нашел чему верить, – пробормотал Джейкоб себе под нос.

– Как думаешь, он скажет Чарли? – не удержавшись, тихо и торопливо спросила я.

Некоторое время Джейкоб смотрел на меня, разгадать выражение его темных глаз так и не сумела.

– Вряд ли, – наконец ответил он. – По-моему, в прошлый раз отцу от Чарли здорово влетело. С тех пор они почти не разговаривали, а сегодня у них что-то вроде примирения. Так что начинать заново отец не станет.

– А-а, – с наигранным равнодушием протянула я.

Я принесла Чарли ужин и осталась в гостиной; делала вид, что смотрю матч, и болтала с Джейкобом. Но на самом деле я прислушивалась к разговору мужчин и думала, как остановить Билли, если он попытается выдать меня отцу.

Вечер затянулся надолго. У меня было еще много несделанных уроков, но я боялась оставить Билли наедине с Чарли. Наконец матч закончился.

– Не собираешься снова на побережье с друзьями? – спросил Джейкоб, помогая отцу перебраться через порог.

– Там видно будет, – уклончиво ответила я.

– Хорошо посидели, Чарли, – высказался Билли.

– Приезжайте посмотреть следующую игру, – пригласил Чарли.

– Само собой, – кивнул Билли, – приедем. Спокойной ночи, – он перевел взгляд на меня, и улыбка исчезла с его лица. – Удачи, Белла, – серьезно добавил он.

– Спасибо, – отворачиваясь, пробормотала я.

Пока Чарли махал с подъездной дорожки вслед гостям, я направилась к лестнице.

– Белла, подожди! – окликнул он меня.

Я сжалась. Неужели Билли успел что-то наговорить ему еще до того, как я вышла в гостиную?

Но Чарли был спокоен и по-прежнему улыбался, радуясь неожиданному приезду друга.

– Мы ведь сегодня даже не поговорили толком. Как у тебя прошел день?

– Хорошо, – ответила я, стоя одной ногой на ступеньке и мучительно подыскивая подробности, которыми могла бы без опасений поделиться с отцом. – Наша команда выиграла все четыре игры в бадминтон.

– Ого! Не знал, что ты умеешь.

– Да я и не умею, зато партнер попался хороший, – призналась я.

– А кто он? – изображая заинтересованность, спросил он.

– Эм-м... Майк Ньютон, – нехотя ответила я.

– А, да, ты ведь говорила, что дружишь с парнишкой Ньютонов, – он оживился. – Хорошая семья, – и он вдруг задумался. – Так почему же ты его на бал не пригласила?

– Папа! – застонала я. – Он вроде как встречается с моей подругой Джессикой. И потом, ты же знаешь, я не танцую.

– М-да, – пробормотал он и виновато улыбнулся. – Может, даже к лучшему, что ты в субботу уезжаешь... Я тут задумал рыбалку с ребятами из участка. Говорят, к тому времени совсем потеплеет. Но если захочешь отложить поездку, пока не найдешь попутчиков, я останусь дома. Я же понимаю, что и так слишком часто оставляю тебя одну.

– Папа, ты замечательно справляешься, – улыбнулась я, надеясь не выдать облегчения. – А я не против побыть одна, я же совсем как ты, – я подмигнула ему, и он улыбнулся так, что вокруг глаз разбежались морщинки.

Той ночью я выспалась лучше, от усталости мне ничего не снилось. Жемчужно-серым утром я проснулась счастливая. Напряженный вечер в обществе Билли и Джейкоба прошел сравнительно благополучно, и я решила выбросить его из головы. Зачесывая волосы назад, под заколку, я поймала себя на том, что насвистываю, а спускаясь в кухню, прыгала через ступеньки. Это не ускользнуло от Чарли.

– Веселая ты сегодня, – заметил он за завтраком.

– Пятница, – пожалала плечами я.

И заторопилась, чтобы быть готовой к выходу сразу же, как только уедет Чарли. Собрала сумку, обулась, почистила зубы, но, несмотря на то, что вылетела за дверь сразу же, как только Чарли отъехал от дома, Эдвард оказался быстрее. И уже сидел в своей блестящей машине, опустив стекла в окнах и заглушив двигатель.

На этот раз я без колебаний села на пассажирское место, лишь бы поскорее увидеть его лицо. С кривоватой усмешкой он повернулся ко мне, и я перестала дышать, сердце остановилось. Даже ангелы представлялись мне не настолько прекрасными. Он был воплощенным совершенством.

– Как спалось? – спросил он, и я задумалась: отдает ли он себе отчет, насколько обольстительный у него голос?

– Отлично. А у тебя какая выдалась ночь?

– Приятная, – улыбка стала насмешливой, и мне показалось, что я не уловила какую-то шутку, понятную лишь в кругу Эдварда.

– Расскажешь, чем занимался? – спросила я.

– Нет, – он усмехнулся. – Сегодня снова вопросы задаю я.

Сегодня он расспрашивал о людях – о Рене, ее увлечениях, о том, как мы вместе проводили свободное время. Потом – о единственной бабушке, которую я знала, о моих немногочисленных школьных друзьях, и наконец, смутил меня вопросом о мальчиках, с которыми я встречалась. К счастью, я ни с кем никогда не встречалась, поэтому отвечать мне было нечего. Полное отсутствие у меня школьных романов удивило Эдварда так же, как Джессику и Анджелу.

– Значит, тебе еще никогда не попадался человек, с которым тебе хотелось бы встречаться? – спросил он так серьезно, что мне стало любопытно, о чем он думает.

Я ответила честно, хотя и без особого желания:

– В Финиксе – нет.

Эдвард поджал губы.

К тому времени мы уже сидели в кафетерии. День пролетел как в тумане, к которому я начинала привыкать. Воспользовавшись краткой паузой, я откусила бублик.

– Надо было тебе сегодня приехать на своей машине, – ни с того ни с сего сказал Эдвард, пока я жевала.

– Почему? – спросила я.

– После обеда я уезжаю вместе с Элис.

– Да?.. – озадаченная и разочарованная, я заморгала. – Ну и ладно, тут пешком недалеко.

Он досадливо нахмурился.

– Идти пешком я тебя не заставлю. Мы пригоним твой пикап и оставим на стоянке.

– У меня с собой и ключа нет, – вздохнула я. – Ничего, я не откажусь от прогулки.

От чего я решительно отказывалась, так это терять время, которое могла бы провести с ним.

Он покачал головой.

– Пикап будет ждать здесь, ключ ты найдешь в замке зажигания. Или ты боишься, что его угонят? – Эта мысль насмешила его.

– Ну хорошо, – надувшись, согласилась я. Ключи от машины остались в кармане джинсов, которые я надевала в среду, это я помнила точно, а джинсы лежали под кучей одежды в прачечной. Даже если Эдвард вломится в дом, или что он там задумал, ключей ему ни за что не найти. Видимо, он уловил в моем согласии вызов и самонадеянно ухмыльнулся.

– Куда вы едете? – спросила я так небрежно, как только смогла.

– Охотиться, – хмуро ответил он. – Если завтра мы с тобой останемся наедине, я намерен принять все меры, какие только можно. – Его лицо стало мрачным... и умоляющим. – Знаешь, ты ведь можешь в любой момент отменить поездку.

Я сидела потупившись, чтобы он не переубедил меня силой взгляда. Какой бы реальной ни была опасность, я наотрез отказывалась бояться его. Это не имеет значения, мысленно твердила я.

– Нет, – шепнула я, бросив краткий взгляд на его лицо. – Не могу.

– Пожалуй, ты права, – угрюмо пробормотал он. Я увидела, как его глаза изменили оттенок на более темный.

Я перевела разговор:

– В какое время встречаемся завтра?

Меня по-прежнему убивала мысль, что сейчас придется расстаться с ним.

– Там видно будет... суббота же, неужели не хочешь отоспаться? – напомнил он.

– Нет, – я слишком поспешила, и он спрятал улыбку.

– Значит, в обычное время, – решил он. – Чарли будет дома?

– Нет, завтра у него рыбалка, – я просияла, вспомнив, как удачно все сложилось.

Его голос стал резким:

– А что он подумает, если не застанет тебя дома?

– Понятия не имею, – дерзко ответила я. – Он знает, что я собираюсь заняться стиркой. Может, решит, что я свалилась в стиральную машину.

Он со злостью посмотрел на меня, я отплатила ему той же монетой. Его сердитый взгляд впечатлял сильнее моего.

– На кого сегодня охотитесь? – спросила я, когда стало ясно, что в поединке взглядов я проиграла.

– Кто попадется в заповеднике. Далеко мы не поедem. – Казалось, его смущало то, как небрежно я упоминаю тайные подробности его жизни.

– А почему ты едешь с Элис? – любопытствовала я.

– Элис – самая... отзывчивая, – он нахмурился.

– А остальные? – мой вопрос прозвучал робко. – Какие они?

На краткий миг на его лбу возникли морщинки.

– Чаще всего – недоверчивые.

Я быстро оглянулась на его близких. Все они смотрели в разные стороны, точно как в тот раз, когда я увидела их впервые. Только теперь их было четверо, а их красавец-брат с

волосами оттенка бронзы сидел напротив меня, и в его золотистых глазах отражалась тревога.

– Они недолюбливают меня, – догадалась я.

– Нет, не так, – возразил он, но его невинный взгляд внушал подозрения. – Они не понимают, почему я не могу оставить тебя в покое.

Я поморщилась.

– Я, кстати, тоже, если уж на то пошло.

Эдвард медленно покачал головой, закатил глаза к потолку и снова встретился со мной взглядом.

– Я же объяснял: ты совсем не знаешь себя. Ты не такая, как все, с кем я когда-либо был знаком. Ты меня интригуешь.

Возмущенный взгляд был моим ответом: я нисколько не сомневалась, что сейчас он меня дразнит.

Он улыбнулся, разгадав выражение моего лица.

– Благодаря своим преимуществам, – вполголоса объяснил он, мимолетным жестом коснувшись своего лба, – восприятие человеческой природы у меня в целом лучше средне-статистического. Люди предсказуемы. Но ты... ты никогда не делаешь того, чего я от тебя жду. И неизменно застаешь меня врасплох.

Я отвернулась, вновь окинув смущенным и недовольным взглядом его семью. После объяснений Эдварда я почувствовала себя чем-то вроде подопытного кролика. Мне захотелось высмеять саму себя – за то, что я ожидала чего-то иного.

– Эта часть объяснений довольно проста, – продолжал он. Я чувствовала, что он смотрит на меня в упор, но отворачивалась, чтобы он не заметил огорчение в моих глазах. – Но остальное... облечь в слова гораздо труднее...

Пока он говорил, я засмотрелась на Калленов. Вдруг Розали, белокурая и головокружительно красивая сестра Эдварда, повернулась, чтобы посмотреть на меня. Нет, не посмотреть – пронзить взглядом темных ледяных глаз. Мне хотелось отвести глаза, но я застыла, словно загипнотизированная ее взглядом, пока Эдвард не осекся на середине фразы и не издал еле слышный сердитый возглас. Он походил на шипение.

Розали отвернулась, я обрела свободу и вздохнула с облегчением. В моих широко раскрытых глазах Эдвард прочел растерянность и страх.

Сдавленным голосом он попросил:

– Прости ее, она просто беспокоится. Понимаешь... не только мне грозит опасность, если после того, как я открыто провел с тобой столько времени... – он потупился.

– Если что?

– Если все кончится... скверно, – он уронил голову на ладони, как тем вечером в Порт-Анджелесе. Он явно страдал, мне хотелось утешить его, но я понятия не имела, как. Я невольно протянула к нему руку, но тут же опустила ее на стол, опасаясь лишь навредить своим прикосновением. Только немного погодя я осознала, что мне следовало бы испугаться его слов. Я ждала, когда придет страх, но по-прежнему лишь сочувствовала Эдварду, понимая, как ему больно.

И злилась – злилась, что Розали помешала ему сказать то, что он собирался. Как вернуться к разговору, я не знала. Он по-прежнему закрывал лицо ладонями.

Стараясь говорить своим обычным тоном, я спросила:

– Тебе уже пора?

– Да, – он поднял голову, мгновение оставался серьезным, потом его настроение снова переменилось, и он улыбнулся. – Может, это даже к лучшему. Нам осталось высидеть на биологии еще пятнадцать минут этой паршивой киношки, а я уже сыт ею по горло.

Я вздрогнула: за спиной Эдварда вдруг возникла Элис с ее короткими, чернильно-черными волосами, колючим ореолом окружающими ее утонченное личико эльфа. Гибкость и грация ее тонкого тела были очевидны даже в момент полной неподвижности.

Не сводя с меня глаз, Эдвард произнес:

– Элис.

– Эдвард, – отозвалась она высоким сопрано, почти таким же приятным, как его голос.

– Элис – Белла, Белла – Элис, – представил он нас друг другу с небрежным жестом и натянутой улыбкой.

– Привет, Белла, – глаза, как из блестящего обсидиана, были непроницаемы, но улыбка казалась дружеской. – Приятно наконец-то познакомиться с тобой.

Эдвард метнул в нее мрачный взгляд.

– Привет, Элис, – робко пробормотала я.

– Готов? – спросила она у брата.

Голос Эдварда прозвучал холодно:

– Скоро буду. Встретимся у машины.

Элис ушла, не добавив ни слова. Ее походка была такой плавной и грациозной, что я ощутила острый укол зависти.

– Пожелать вам хорошо повеселиться, или не тот случай? – спросила я, повернувшись к нему.

– Нет, почему же. Подойдет, – усмехнулся он.

– Тогда желаю вам повеселиться от души, – я постаралась произнести эти слова искренне, но Эдварда, конечно, не обманула.

– Обязательно, – он по-прежнему усмехался. – А ты будь осторожна, пожалуйста.

– Соблюдать осторожность в Форксе – тот еще подвиг.

– Для тебя – да, подвиг, – его челюсти сжались. – Обещай мне.

– Обещаю побережься, – торжественно заверила я. – На сегодня у меня намечена стирка – очень небезопасное занятие.

– Постарайся выжить, – пошутил он.

– Сделаю все возможное.

Он встал, я тоже поднялась.

– Значит, до завтра, – вздохнула я.

– По-твоему, ждать слишком долго, да? – в задумчивости спросил он.

Я горестно кивнула.

– Утром буду на месте, – пообещал он с кривоватой улыбкой, протянул руку над столом, коснулся моей щеки и снова легонько провел по ней. Потом повернулся и ушел. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Меня так и тянуло прогулять оставшиеся уроки или хотя бы физкультуру, но внутренний голос не позволил. Я сообразила: если я исчезну сейчас, Майк и остальные подумают, что я с Эдвардом. А Эдвард и так беспокоится, что нас слишком часто видят вместе... и это может повредить его семье, если все кончится плохо. Последнюю мысль я сразу же прогнала и задумалась о том, как обезопасить его и себя.

Чутьем я, как и он, понимала, что все решится завтра. Наши отношения не могут вечно балансировать на грани, как сейчас. Я свое решение уже приняла, еще до того, как сделала осознанный выбор, и теперь намеревалась следовать ему до конца. Потому что для меня не было ничего страшнее и мучительнее мысли о расставании с ним. Оно попросту невозможно.

Из чувства долга я отправилась на биологию. Честно говоря, я не запомнила, что происходило на уроке, поглощенная мыслями о завтрашнем дне. На физкультуре Майк сам снова

заговорил со мной и пожелал удачно съездить в Сиэтл. Я осторожно объяснила, что мой пикап слишком ненадежен, и поездку пришлось отменить.

– Идешь на бал с Калленом? – вдруг надулся он.

– Нет, я вообще не иду на бал.

– А чем тогда займешься? – слишком заинтересованно спросил он.

Я едва сдержалась, чтобы не послать его подальше, но взяла себя в руки и вдохновенно соврала:

– Стиркой, а потом буду готовиться к контрольной по тригонометрии, а то провалю ее.

– Тебе Каллен помогает заниматься?

– Эдвард, – подчеркнуто произнесла я, – не помогает мне с уроками и не собирается.

Он куда-то уезжает на выходные, – я с удивлением отметила, что эта ложь далась мне легче и естественнее, чем обычно.

– А-а, – он приободрился. – Знаешь, ты могла бы пойти на бал вместе с нашей компанией – будет здорово. Мы все с тобой потанцуем, – пообещал он.

Отчетливо представив себе перекошенное лицо Джессики, я ответила резче, чем следовало:

– Майк, танцевать я не пойду, ясно?

– Ну и ладно, – он снова надулся. – Я же просто спросил.

Уроки наконец закончились, и я без особого энтузиазма зашагала к стоянке. Не то чтобы мне хотелось возвращаться домой пешком, но я просто не представляла себе, как Эдвард пригонит мой пикап. Впрочем, я уже начинала верить, что для него нет ничего невозможного. И эти предположения оправдались: мой пикап стоял на том же месте, где сегодня утром Эдвард припарковал свой «вольво». Я покачала головой, не веря своим глазам, когда открыла незапертую дверцу и увидела в замке зажигания ключ.

На моем месте белел сложенный листок бумаги. Я села в машину, захлопнула дверцу и только тогда развернула записку. Всего два слова в ней были написаны изящным почерком Эдварда:

«Береги себя».

От рева мотора, пробудившегося к жизни, я испуганно вздрогнула. И засмеялась над собой.

Подъехав к дому, я убедилась, что дверь заперта только на один замок. Я сразу же прошла в прачечную – здесь тоже все вещи выглядели в точности так, как я оставила их перед уходом. Откопав джинсы, я обыскала карманы. Пусто. Может, я все-таки повесила ключ на крючок у двери, подумала я, качая головой.

Чутье побудило меня не только соврать Майку, но и позвонить Джессике, будто бы затем, чтобы пожелать ей удачи на балу. В ответ она пожелала мне удачного дня с Эдвардом, и я сообщила ей, что отменила поездку. Джессика расстроилась гораздо сильнее, чем следовало бы незаинтересованной третьей стороне. И я поскорее попрощалась.

За ужином у Чарли был отсутствующий вид – видимо, тревожился из-за работы, а может, из-за баскетбольного матча. Или же он просто увлекся лзаньей – Чарли не разберешь.

– Знаешь, папа... – начала я, выводя его из задумчивости.

– Что такое, Белл?

– Пожалуй, насчет Сиэтла ты прав. Подожду, когда со мной соберется поехать Джессика или еще кто-нибудь.

– А-а, – удивился он. – Ну ладно. Хочешь, я останусь дома?

– Нет, папа, зачем тебе менять планы? У меня куча дел – уроки, стирка... надо еще съездить в библиотеку и в магазин. Так что я буду крутиться весь день, а ты съезди, отдохни.

– Точно?

– Абсолютно, папа. И потом, в морозилке почти не осталось рыбы – запасов хватит самое большее на два-три года.

– Как же все-таки с тобой легко, Белла, – заулыбался он.

– С тобой тоже, – со смехом призналась я. Смех прозвучал как-то не так, но Чарли, кажется, не заметил. Мне было настолько стыдно обманывать его, что я чуть было не последовала совету Эдварда и не сказала, куда собираюсь. Но удержалась.

После ужина я принялась закладывать одну порцию стирки и сушить следующую. Жаль только, что при этом заняты одни руки. Мои мысли, прохлаждающиеся без дела, вскоре вышли из-под контроля, и меня бросало то в почти болезненное предвкушение, то в незаметно подбирающийся страх, угрожавший поколебать мою решимость. Пришлось напоминать себе, что я уже сделала выбор и не отступлюсь от него. Я без конца доставала из кармана записку Эдварда и перечитывала два коротких слова. Он просит меня беречься, твердила я себе. В это я и буду верить, и в конце концов мое стремление все победит. А что еще мне остается – вычеркнуть Эдварда из своей жизни? Немыслимо. И потом, с самого приезда в Форкс он и есть моя жизнь.

Но тихий внутренний голос в глубине тревожился и гадал, будет ли очень больно... если все кончится плохо.

Когда наконец пришло время ложиться спать, я вздохнула с облегчением. В состоянии стресса мне вряд ли удастся уснуть, я понимала это, и потому отважилась на крайние меры – приняла в качестве снотворного лекарство от простуды, хотя и не чувствовала никаких признаков болезни. Мне было просто необходимо, чтобы на ближайшие восемь часов меня сразил сон. В обычных обстоятельствах я не позволила бы себе ничего подобного, но пережить завтрашний день будет непросто, так что нужно хотя бы выспаться. В ожидании, пока подействует лекарство, я сушила и расчесывала волосы, пока они не стали безупречно прямыми, и лихорадочно соображала, во что мне завтра одеться.

Приготовив все необходимое на утро, я наконец легла в постель. Нервы были взвинчены до предела, меня буквально трясло. Вскочив, я принялась рыться в обувной коробке, где хранились диски, и отыскала ноктюрны Шопена. Я включила плеер на минимальную громкость и снова легла, старательно расслабляя все части тела. Где-то на середине этого упражнения лекарство от простуды наконец подействовало, и я с радостью провалилась в забытие.

Благодаря лекарству сон был крепким, и проснулась я рано. Я чувствовала себя отдохнувшей, но лихорадочное возбуждение по-прежнему не покидало меня. Я быстро оделась, поправила воротник и одернула подол бежевого свитера, чтобы он лег ровно поверх джинсов. Бросив взгляд в окно, удостоверилась, что Чарли уехал. Небо было подернуто тонким слоем пушистых облаков, который, судя по виду, мог вскоре рассеяться.

Завтрак я жевала, не чувствуя вкуса, потом торопливо навела порядок на кухне. И снова выглянула в окно, за которым ничего не изменилось. Почистив зубы, спустилась вниз, и тут в дверь тихо постучали. У меня подпрыгнуло сердце в груди.

Я кинулась к двери, не сумела сразу справиться с простым засовом, наконец распахнула дверь – и на пороге увидела его. При виде его лица все смятение вмиг улетучилось, и я внезапно ощутила спокойствие. В присутствии Эдварда все вчерашние страхи казались нелепыми.

Поначалу Эдвард не улыбался, его лицо было почти хмурым, но когда он окинул меня взглядом, вдруг прояснилось, и он рассмеялся.

– Доброе утро, – посмеиваясь, поздоровался он.

– Что-то не так? – я оглядела себя, надеясь, что не забыла что-нибудь важное, например, обуться или надеть джинсы.

– Мы гармонизируем, – он снова рассмеялся, и я заметила, что на нем синие джинсы и длинный светло-бежевый свитер, из-под которого виден белый воротник. Я тоже засмеялась, но в душе меня кольнуло сожаление: почему он всегда выглядит, как модель с подиума, а у меня так не получается?

Пока я заперла дверь дома, Эдвард направился к пикапу. У пассажирской дверцы он ждал с мученическим выражением лица – по вполне понятной причине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.